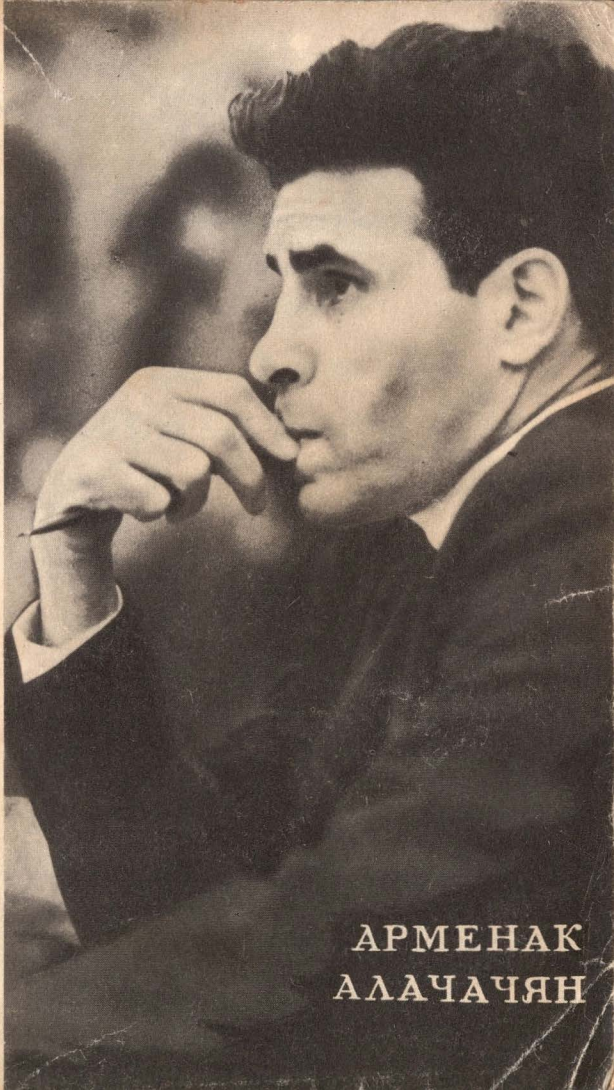
НЕ ТОЛЬКО О БАСКЕТБОЛЕ

АРМЕНАК
АЛАЧАЧЯН

АРМЕНАК
АЛАЧАЧЯН

НЕ ТОЛЬКО О БАСКЕТБОЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
МОСКВА. 1970

7А8.1
А45

Шестая книга популярной серии «Спорт и личность» принадлежит перу выдающегося в недавнем прошлом баскетболиста, ныне тренера чемпионов страны, столичных армейцев, заслуженного мастера спорта Арменака Мисаковича Алачачяна.

Литературная запись и отступления
Анатолия ПИНЧУКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Надо, наверное, объяснить, почему баскетболист назвал свою книгу «Не только о баскетболе». Даже если бы название это по какой-нибудь причине не устроило редактора и он заменил его другим, изменилось бы только название, а книга все равно была бы не только о баскетболе. Но я не собираюсь писать, скажем, о кино, которое очень люблю, или о зарубежных впечатлениях, хотя стран я повидал на своем веку немало: и о том и о другом уже написано много и еще много будет написано людьми, разбирающимися в этих вопросах лучше, чем я.

«Не только о баскетболе» — книга о спорте вообще, а не об одном из его разделов. Но само собой понятно, что спорт я хочу показать через баскетбол — игру, которую я полюбил 12 лет от роду и которую, видимо, не разлюблю никогда.

Книга моя состоит из двух частей. В первой — сравнительно небольшой — я расскажу о своем детстве. Я не рискнул бы утомлять читателей описанием своей жизни, но друзья посоветовали мне это сделать. Дело в том, что у очень и очень немногих читателей детские годы прошли так, как они прошли у меня.

А вот во второй части — главной, той, из-за которой и написана книга, — я постараюсь говорить о себе как можно меньше,

только то, без чего нельзя обойтись. Дело не в скромности. Просто я отдаю себе отчет в том, что книга эта не об Алачачяне, а о Спорте.

Арменак АЛАЧАЧЯН

После того как в редакции прочли рукопись книги, Алачачяна попросили подробнее рассказать читателям о себе. Он наотрез отказался. Понять Алачачяна мы могли, но согласиться с ним не захотели, потому что читателя, надо полагать, интересует не только большой спорт, его интересует и жизнь большого спортсмена, каким, вне всякого сомнения, является Арменак Алачачян. И тогда была предпринята попытка соединить рассказ большого спортсмена с рассказом о большом спортсмене. Сделать то, что отказался делать Алачачян, мы попросили журналиста, который помогал ему в работе над книгой, благо журналист этот, в течение многих лет пишущий о баскетболе, хорошо знает Алачачяна.

1. «Маленькая Армения»

«Самое дорогое для человека на чужбине — родина».

(Арабская поговорка)

- **«МИСС АФРИКА».**
- **ФЕЛЛАХ ПОКУПАЕТ ТРАМВАЙ.**
- **КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ.**

...Город, в котором я родился и прожил без малого 17 лет, называют «африканским Парижем». Не знаю, может быть, кому-то Александрия напоминает Париж. Что же до меня, то один из древнейших городов мира, город, основанный Александром Македонским за три века до нашей эры, вспоминаю всякий раз, когда бываю в Ленинграде.

...Что общего между немногословным, серьезным, застегнутым на все пуговицы аккуратистом-северянином и шумной, чуть-чуть неряшливой южанкой? Я задаю себе этот вопрос и убеждаюсь в том, что мне трудно ответить на него. И все-таки я вспоминаю город моего детства именно тогда, когда бываю в Ленинграде. Наверное, потому, что после Александрии я никогда не видел такого красивого города, как Ленинград.

Я бывал в Каире, Порт-Саиде, во многих других африканских городах. Ни один из них не может сравниться с Александрией. Если бы для городов устраивали конкурсы красоты, титул «Мисс Африка» наверняка достался бы Александрии.

Но насколько красива центральная часть Александрии, настолько уродливы ее окраины. Как-то я смотрел фильм, действие которого происходило в дореволюционной Средней Азии. На мгновение мне почудилось, что с экрана на меня смотрит не старый, пыльный кишлак, а один из пригородов Александрии.

...Вот идет женщина, национальность которой трудно угадать: косметика и мода сделали из нее стандартную международную красавицу. А эта женщина — арабка: национальность ее можно безошибочно угадать по тому, что лицо ее скрыто от окружающих под паранджой.

...Не знаю как сейчас, а в тридцатых-сороковых годах среди сотни феллахов с превеликим трудом можно было бы найти хоть одного грамотного. Люди бежали в города. Не за грамотой. От голода. Да, это не парадокс: люди, собиравшие по три урожая в год, голодали.

...Человек выходит из здания вокзала и останавливается как вкопанный. Полуоткрытый рот, изумленно-испуганные глаза — можно с уверенностью сказать: все, что видит этот человек — дома, машины, трамваи, — он видит впервые. Безошибочным будет и такой вывод: феллах приехал в город искать счастья...

А вот двое, которые готовы помочь ему найти счастье. Обворожительные улыбки, сверхвежливый тон, и через минуту они знают все, что им нужно знать. Цель приезда — покупка магазина. В кармане у кан-

дидата в торговцы семьдесят египетских фунтов. Конечно, не бог весть какие деньги, но если для того, чтобы их заполучить, нужно только нагнуться, почему не нагнуться? Они не захотели огорчать ловца счастья и поэтому не сказали ему, что за семьдесят фунтов он, в лучшем случае, может стать лишь владельцем папиросного лотка, то есть остаться таким же бедняком, как и прежде.

Приезжий доволен. Он чувствует, что ему очень повезло: два богатых и знатных господина (таких он тоже видит впервые) не бросят его в этом большом и шумном городе.

Все трое садятся в трамвай и продолжают обсуждать, куда лучше всего вложить деньги. Благодетели поторопились форсировать события, сфальшивили, и феллах, неопытный и доверчивый как младенец, вдруг насторожился.

Через мгновение он опять доверчиво улыбался. Его покорил тот факт, что один из добровольных ангелов-хранителей запросто, как равный с равным, разговаривает с важным господином, на голове у которого красивая фуражка, а на плече — сумка.

Сообщник перехватил этот взгляд и мгновенно оценил обстановку. Когда его приятель, купив у кондуктора билеты, вернулся, план действий уже был готов.

Вместе с партнером — тот понял его с полуслова — он стал уговаривать феллаха купить трамвай. Трудно сказать, как долго продолжались бы переговоры, но того окончательно убедили две детали. Во-первых, он сразу увидел, что его не обманывают: каждый входивший в трамвай действительно платил деньги важному господину в фуражке и с сумкой. Во-вторых,

новые знакомые пригласили его к себе домой и тут же на листке бумаги записали свой адрес.

Для них, видимо, думал феллах, главным было не заработать, а сделать доброе дело. Во всяком случае, они согласились в убыток себе продать трамвай всего за девяносто фунтов. Тут же с карандашом в руках они подсчитали, что уже через десять дней новый владелец трамвая возместит расходы, а еще через двадцать — станет самым богатым человеком в Александрии.

К тому же продавцы оказались на редкость покладистыми людьми: они взяли семьдесят фунтов наличными и согласились остальные двадцать получить через некоторое время. При этом они даже не попросили расписку, чем тоже порадовали вступившего в свои законные права владельца трамвая: тот был неграмотен, но не хотел говорить об этом своим новым друзьям.

Объяснив ему, как и когда надо получать деньги у кондуктора, они поздравили его, еще раз настойчиво пригласили заходить и на ближайшей остановке вышли.

Кондуктор довольно безразлично отнесся к тому, что какой-то феллах все время пялит на него глаза. Старый горожанин на своем веку многое повидал и привык ничему не удивляться. Тем более что за день он устал и с нетерпением ждал, когда закончится последний рейс. Последние рейсы всегда почему-то самые длинные.

Но в этот вечер ему все-таки пришлось изумиться. Когда трамвай, закончив свою беготню, пришел в парк, феллах важно потребовал у него, кондуктора, деньги.

Кондуктор, полицейский и мгновенно появившийся

газетный репортер в течение каких-нибудь двух минут разобрались в происшествии. Значительно больше времени потребовалось всем троим для того, чтобы объяснить всю историю «владельцу» трамвая.

Тот никак не хотел поверить, что его обманули. Он вынул бумажку с адресом и торжественно вручил ее полицейскому. Полицейский прочел и хмыкнул: в Александрии много улиц, но той, название которой было написано на бумажке, в городе не было.

Репортер не зря ел свой хлеб: на следующий день в одной из газет появилась история о покупке трамвая. Я пересказал ее своими словами, но постарался сохранить стиль и тон заметки. Сделал я это сознательно: мне хотелось подчеркнуть, что в этой истории газета увидела лишь одну ее сторону — анекдотичность. Фактически она тоже поиздевалась над недалеким человеком.

То, что семьдесят фунтов, выманенные ловкими пройдохами, достались бедняку в результате многолетнего изнурительного труда, по вполне понятным причинам не заинтересовало газету.

А еще через несколько дней во всех газетах было опубликовано сообщение о том, что король Египта Фарук одарил пострадавшего двумястами фунтами и титулом самого глупого человека в стране.

Когда арабы хотят сказать, что тот или иной человек щедр, они называют его Хатемом Таи — в честь легендарного героя, не знавшего, что такое скупость. Фаруку, по-моему, нетрудно было прослыть за Хатема Таи: легче всего дарить то, что принадлежит не тебе.

Убежден, поступок Фарука был продиктован отнюдь не человеколюбием. Как и тот репортер, он хо-

тел показать, что ему не чуждо чувство юмора. Король просто забавлялся.

Кстати, о забавах и о Фаруке. За очень молодым, и не очень умным и весьма реакционным королем Египта в те годы прочно укрепилась слава пьяницы, дебошира и бабника. Он — да простят меня за то, что я столь непочтительно говорю о монархе! — был король-стиляга, которого всевозможные кутежи интересовали значительно больше, чем государственные дела.

Однажды в каком-то сомнительном кабаре Фарук изъявил желание поволочиться за красоткой. Спутник красотки, английский моряк, был настроен крайне агрессивно и едва не отправил короля на тот свет.

- **ГОРЕК ЭМИГРАНТСКИЙ ХЛЕБ.**
- **ЛЮДИ ХОТЯТ УМИРАТЬ ДОМА.**
- **КТО РАССТАНЕТСЯ С РОДИНОЙ, ПЛАЧЕТ ВСЮ ЖИЗНЬ.**

В Риме есть государство — Ватикан. В Александрии тоже есть государство — «Маленькая Армения». Собственно говоря, на этом аналогия заканчивается. На территории «Маленькой Армении» действуют египетские законы, в ходу — египетские деньги.

У каждого государства, даже самого маленького, есть своя история. История Ватикана хорошо известна даже школьникам. А вот об истории возникновения «Маленькой Армении» надо рассказать.

...О трагедии моего народа я наслышался от очевидцев этих страшных событий — людей, чудом оставшихся живыми. Они рассказали мне, что за три-четыре месяца было уничтожено полтора миллиона женщин, мужчин, детей, стариков — полтора миллиона людей, виновных только в том, что они были армянами.

Весной 1915 года в Турции началась одна из величайших драм нашего времени, драма, которая вошла в историю под названием «турецко-армянская резня». Муллы в мечетях, националисты-младотурки на базарах, в караван-сараях призывали к уничтожению армян. По велению аллаха, говорили они, имущество уничтоженных гяуров — неверных — перейдет в законное владение правоверных.

...Полтора миллиона. Я был слишком мал, чтобы понять, как велика эта цифра, сколько слез, крови и горя означает она.

Франция, США, Египет, Греция, Аргентина, Ирак, Ливан, Болгария, Румыния — спасаясь от смерти, в эти страны устремились сотни тысяч семей. Всякий раз, когда я наталкиваюсь в газетах на армянские фамилии американского писателя, аргентинского шахматиста, французского кинорежиссера, у меня сжимается сердце: я не могу не задуматься о их судьбе, о судьбе их родителей, о судьбе моего многострадального народа... Право быть живыми люди оплатили дорогой ценой: они узнали, сколько горечи и унижения кроется в словах «чужбина», «эмиграция», «эмигрант».

Как горек эмигрантский хлеб, как горька доля эмигрантов, в полной мере изведали и мои родители: в конце первой мировой войны они оказались в Египте.

Отец рвался домой, в Армению. Это было в порядке вещей: домой рвались все. Отцу не суждено

было еще раз увидеть родную землю. Он умер в 1932 году.

Мне тогда не было еще и двух лет. Когда я подрос, я узнал, что сапожник Мисак Алачачян был храбрым человеком и боялся только одного — смерти вдали от родины. И это тоже было в порядке вещей: люди хотели умирать дома.

Церковь, школа, крохотный стадион, два магазина, жилой дом. Все это окружено высоким забором. Это и есть самое маленькое государство в мире — «Маленькая Армения».

Здесь живут только армяне. Но «Маленькая Армения» мала, в ней всего шестьдесят четыре квартиры. И те, которым не досталось места у нас, живут в других районах Александрии.

«Маленькая Армения» — это своего рода клуб, в который приходили армяне со всех концов Александрии. По праздникам сюда съезжались армяне, жившие в Каире и других городах Египта.

Моим родителям повезло: им досталось место в «Маленькой Армении». Я говорю о везении потому, что им (а когда родился я, и мне) реже, чем другим армянам, приходилось слышать презрительное «бастурма».

В мире найдется немного национальностей, представители которых не населяли Египет. Не знаю, как сейчас, а в то время, когда я жил в Египте, оскорбительные прозвища были у всех. В этом отношении обездоленных национальностей не было.

Что ж, понять Фарука можно. Перед ним стояла трудная задача: объяснить арабским беднякам, почему они бедствуют. И он поступал так, как от сотворения мира поступали и поступают все демагоги.

Фарук отрывал время от дорогих его сердцу кутежей специально для того, чтобы произнести речь, одним из главных тезисов которой был такой: «Арабы, если бы не армяне, греки, испанцы (и т. д.), вы бы горя не знали...»

Песня старая. Не Фарук ее сочинил, не он один ее распевал, не он, к сожалению, последний исполнитель этой подлой песни.

На маленькой территории нашего государства тщательно соблюдались армянские обычаи, отмечались все армянские праздники, в школе мы обучались на армянском языке, и даже газеты у нас были свои — армянские.

Все это давало повод людям, родившимся и жившим в Армении, говорить нам, детям, что «Маленькая Армения» — точная копия настоящей Армении. Говорили они об этом очень часто и очень убедительно.

...Когда я стал чуть-чуть постарше и научился читать, я понял многое. Я понял, что копия, даже самая искусная, хуже оригинала. Я понял, почему взрослые говорили слишком часто: они хотели убедить нас в том, во что сами не верили. Я понял, что их ложь — святая ложь: они боялись, что мы не сумеем вернуться на родину, и поэтому хотели уберечь нас от той тоски, которую испытывали сами.

Говорят, что тот, кто расстается с другом, плачет семь лет, а тот, кто расстается с родиной, — всю жизнь. Да, это так. Но понять это может только тот, кто сам терял родину.

Помню, в 1946 году на площади около церкви произошло событие, которое могло показаться фарсом. С аукциона продавался мешок земли. Продавался не целиком — горстями.

Мешок армянской земли!

Не знаю, была ли та земля армянской. Вполне возможно, что и нет. Может быть, просто какой-то предприимчивый деляга решил заработать, не утруждая себя путешествием в Армению.

Что ж, проходимец почти ничем не рисковал: чаще всего люди верят в то, во что они хотят верить. И люди верили. Как радовались те, кому досталась горсть родной земли! А ведь ценилась эта горсть на вес золота. Поверьте, я говорю это не ради красного словца. Даже самые бедные занимали под огромные проценты деньги: все хотели иметь кусочек родины.

● БАРОН МАХТЕСЯН.
● МОРЯКИ ИГРАЮТ В БАСКЕТБОЛ.

Если вы хотите узнать, хорош или плох учитель, не ходите к директору школы. Попытайтесь лучше узнать мнение его учеников. С моей точки зрения, в таких вопросах ученики разбираются лучше, чем кто бы то ни было. Это так же точно, как и то, что о качестве шницеля или солянки постоянные клиенты столовой осведомлены лучше, нежели шеф-повар или официантка.

Человека, пришедшего в столовую, не интересует, какова технология производства солянки и сколько панировочных сухарей идет на изготовление шницеля. Человека интересует только одно — вкусно или невкусно? С такой же нехитрой меркой — «интересно или неинтересно?» — подходят к оценке своих наставников и ученики.

С тех пор как я закончил школу, уже прошло много лет. Я вспоминаю наших учителей, вспоминаю наше отношение к ним и убеждаюсь, что «интересно или неинтересно?» выдержало проверку временем.

У нас были разные педагоги — женщины и мужчины, молодые и пожилые, строгие и добрые. Только очень мало было таких, которые заставили бы нас по-настоящему полюбить их предмет. Это происходило, наверное, потому, что сами они не очень любили то, чему обучали нас.

Но теперь, когда я стал старше, я понял, что повинны в этом были не только наши учителя, но и сама система образования. Программы в школе не было. Зато учебников по каждому предмету было много, и едва ли не каждый из них противоречил другому. К тому же очень часто менялись учителя. Каждый из них преподавал по-своему, нисколько не считаясь с тем, что его предшественник те же вопросы трактовал по-иному. Бывало так, что новый педагог приходил незадолго до конца учебного года. Мы не успевали перестраиваться и, проваливаясь на экзаменах, крыли на чем свет стоит обоих учителей — и старого и нового.

Но был у нас в школе человек, которого я до сих пор вспоминаю с чувством огромной благодарности. Да и не только я. Уже в Советском Союзе всякий раз, когда я встречался с кем-нибудь из своих бывших соучеников, разговор обязательно заходил о бароне Махтесяне, который преподавал у нас историю Армении.

Пусть не введет вас в заблуждение слово «барон». «Барон» не титул, на русском языке это слово означает «господин». У нас не принято было обращаться к учителю по имени и отчеству.

Бывшие ученики Александрийской армянской школы уже взрослые люди, прожившие в Советском Союзе много лет, давным-давно выбросили из своего лексикона такие слова, как «господин». Но когда мы говорим о нашем любимом учителе, мы называем его так, как называли в детстве, — бароном Махтесяном.

Порой я тщетно пытаюсь вспомнить лицо человека, которого видел месяц или даже неделю назад: у меня не очень хорошая зрительная память. Но барона Махтесяна, его лицо, фигуру я помню так, будто мы никогда не расставались.

Когда в книге мне встречается выражение «стройный как молодой тополь», я вспоминаю нашего высокого, худощавого барона Махтесяна. Даже странно, как у немолодого уже человека, никогда не занимавшегося спортом, могла быть такая превосходная фигура. Глаза его, большие черные глаза южанина, всегда были грустны. Даже тогда, когда сам он был весел.

Несмотря на седину, а может быть, именно благодаря ей, он был красив той несмазливой красотой, которая встречается у очень волевых людей.

Я не только помню барона Махтесяна, я отчетливо слышу его голос. Его дикции могли позавидовать драматические артисты и профессиональные ораторы.

Он никогда не заглядывал в учебник, никогда не сидел за столом. Медленно расхаживая по классу, он рассказывал нам об Армении. Не о «Маленькой Армении», а о настоящей — о той, по которой он тосковал.

В руках наших учителей всегда были тонкие длинные палки. Ими они беспощадно наказывали за малейшее нарушение дисциплины. Была такая палка и у барона Махтесяна. Но он ею ни разу никого не ударил. Впрочем, в этом не было никакой необходимости: на его уроках наша шумная братия вела себя тихо.

В его руках палка была копьем легендарного основателя первого Армянского государства Гайка Габедостяна, копьем, которым он поразил насмерть своего врага Пеля; на других уроках палка на наших глазах превращалась либо в меч Тиграна II, разгромившего под «армянским Карфагеном» — Аргашатом — римские легионы, во главе которых стоял Лукулл; либо в кинжал Самвела, которым тот закалывал своего отца, отступившего от веры.

Аракс, Давид Сасунский, Севан, Самвел, Ереван — эти слова звучали как песня, тихая, задушевная, ласковая. Так звучит песня о родине, о потерянной родине...

Нет, барон Махтесян не доказывал нам, что «Маленькая Армения» — это копия настоящей Армении; он не скрывал, что тоскует по Армении. И нас он не пытался уберечь от этой тоски. Он говорил, что людям, у которых есть родина, не нужно другой, выдуманной.

Он просил нас, чтобы мы вспоминали его, когда будем проходить мимо озера Севан. Он никогда не говорил: «Если вы вернетесь на родину...» Он всегда говорил: «Когда вы вернетесь на родину...»

...В 1966 году по приглашению спортивного клуба армян, проживающих в Ливане, сборная баскетболистов Советской Армении совершила небольшое турне по стране. После одного из матчей в Бейруте к нам

в раздевалку зашел старый, седой человек. Я не столько узнал, сколько угадал в нем дорогого барона Махтесяна. Узнать его было нелегко: годы сделали свое дело, да теперь он и не казался мне высоким.

Уже в течение нескольких лет барон Махтесян жил в Бейруте. Он никогда не интересовался ни баскетболом, ни спортом вообще. Он наверняка не знал, что в этом матче будет играть один из тысячи его учеников. Он пришел, чтобы увидеть армян, живущих в Армении, чтобы поговорить с ними. Он бывал у меня в гостинице, я — у него дома. Мы часами беседовали, если, конечно, можно назвать беседой разговор, во время которого один все время говорит, а другой только слушает. Барон Махтесян засыпал меня вопросами о моей родине, о нашей родине. Мне было чертовски досадно, что я знал далеко не все из того, что интересовало моего учителя, что не на все его вопросы я мог ответить.

Я все время порывался спросить у него, почему он, человек, научивший меня самому дорогому — любви к родине, — сам не вернулся в Армению. Вопроса я этого так и не задал. И не жалею. Спрашивают для того, чтобы получить ответ, а главное в этом ответе мне было известно: солгать можно языком, глаза не лгут. Я видел: он жалеет, что так и не вернулся в Армению, которую любит больше жизни своей. Но мало ли какие могут быть обстоятельства? Я ведь ничего не знал о личной жизни барона Махтесяна.

Нет, не жалею я, что не спросил его, не удовлетворил своего любопытства. Потому что вопрос этот, бестактный в своей прямоте, мог бы нанести рану дорогому мне человеку...

У наших учителей была легкая жизнь: мы редко приставали к ним с вопросами о житейских невзгодах. Не подумайте, что в «Маленькой Армении» был райземной, что все жили одинаково хорошо. Нет, у нас были и богатые и бедные. Просто и у тех и у других было общее горе — эмиграция. Горе объединяет людей. Объединило оно, по крайней мере на первых порах, бедняков и богачей «Маленькой Армении».

Но это, если так можно выразиться, был не прочный и длительный мир, это было временное перемирие. И кто его знает, долго ли длилось бы перемирие и чем бы оно сменилось, не произойди в нашей жизни радостное изменение. Я имею в виду возвращение на родину. Кстати, любопытно отметить такую деталь: в большинстве своем в Советский Союз отправились те, кто победнее. Что ж, видимо, в иных случаях деньги способны заменить даже родину.

В марте, апреле или мае — в одном из этих месяцев из пустыни начинает свой набег хамсин, злой и сильный ветер с песком. Хамсин в переводе с арабского значит «пятьдесят». Пятьдесят дней подряд не то что пройти лишний раз по улице — дышать и то трудно.

Высокие стены, окружавшие «Маленькую Армению» со всех сторон, не были серьезной помехой для хамсина. Не мог, конечно же, спасти забор наше маленькое государство и от житейских бурь.

Семья у нас была не очень большая — мама, отчим, сестренка Франсуаза и я. Отчим мой был водителем такси; зарабатывал он не бог весть какие деньги. И на семейном совете было решено, что по мере сил и возможностей во время летних каникул я буду обогащать наш бюджет.

Свою трудовую деятельность я начал подмастерьем у парикмахера. Работа была спокойная, слишком спокойная для 15-летнего парня. Это погубило меня. Передвигаясь по крохотной комнате со скоростью мотоцикла, вырвавшегося на шоссе, я чуть не сбил с ног клиента. Оставшуюся после этого энергию я использовал следующим образом: перевернул пару флаконов с одеколоном и задевал куда-то машинку для стрижки. Вместо того чтобы помочь мне вытереть пол и затем вместе со мной поискать машинку, хозяин мастерской поторопился сказать, что парень я хороший, но подмастерье ему не нужен.

Когда он беседовал с мамой, меня не было дома. Мама, видимо, чего-то недопоняла в его рассказе. Я сделал такой вывод потому, что встретила она меня без всякой радости...

Более удачной оказалась попытка сделать из меня торговца. Владелец магазина не знал о моей карьере в парикмахерской и охотно взял меня к себе учеником продавца. Если бы я был человеком тщеславным, то смело мог бы заявить, что я был зачислен на должность заместителя директора магазина. Дело в том, что магазин был маленький (такой же, как и та парикмахерская, в которой я натворил столько бед). И его владелец одновременно был и директором и единственным продавцом.

Мой новый хозяин был универсал: он торговал часами и фотоаппаратами, чинил и то и другое. Вдобавок он еще и фотографировал желающих.

На второй или третий день моей работы хозяин ушел куда-то по делам, и я на полчаса стал владельцем и директором магазина, и продавцом, и мастером, и фотографом. В магазин зашел английский моряк и на смешанном арабско-английском языке попросил сфотографировать его. Я мгновенно оценил ситуацию и решил поддержать честь нашего торгового дома.

На таком же арабско-английском языке я предложил матросу приготовиться к съемке, а сам пошел за фотоаппаратом. Затем я вышел к матросу, усадил его на стул, включил огромную лампу и отошел на положенную дистанцию. Я ничего не напутал: точно в такой же последовательности проделывал подобные манипуляции с клиентами мой хозяин. Разница между мной и хозяином была только в том, что он умел еще и фотографировать...

Я снял с объектива фотоаппарата крышку, направил фотоаппарат на серьезно сидевшего матроса и несколько раз щелкнул затвором. У меня есть дурацкая привычка улыбаться именно тогда, когда надо быть серьезным. Поэтому больше всего я заботился о том, чтобы англичанин не видел моего лица. Но тому, видимо, в голову не могла прийти мысль, что его дурачат. Он спросил, когда зайти («Через три часа, сэр!»), снисходительно поблагодарил меня и важно вышел из магазина.

Через три часа он пришел за карточками. Хозяин извинился, сказал, что засветилась пленка (когда мой шеф вернулся в магазин, выяснилось, что в аппарате не было пленки), и тут же еще раз сфотографировал матроса.

Мой хозяин был в восторге; он утверждал, что у меня светлая голова и большое будущее.

...И на этот раз мама чего-то напутала. Я сделал такой вывод потому, что она встретила меня так, будто пришел не я, ее Арменак, а Давид Сасунский.

Война... Она коснулась и нас. Несколько раз фашистские самолеты бомбили Александрию, в которой было много английских войск. Однажды после шестичасовой бомбежки бомба попала в «Маленькую Армению».

Я говорю о том, что война не прошла мимо нас, и чувствую, как фальшиво звучат эти слова. Потому что о войне я по-настоящему узнал лишь тогда, когда приехал в Советский Союз. О том, что такое война, каких жертв и какого героизма потребовала она, я узнал от советских людей. От их рассказов становилось страшно. Но я испытывал и еще одно чувство — чувство гордости за свою новую Родину.

Нет. Об этой войне мы, жившие вдали от Ленинграда, Москвы и Севастополя, не имеем права говорить. В этой войне мы были не пострадавшими, а всего лишь свидетелями. Правда, свидетелями совсем небезучастными. Все наши симпатии были на стороне СССР и его союзников. Мы отлично понимали: если Гитлер победит Россию, плохо будет всем, в том числе и нам. Мы боялись этого «если» и вместе с вами радовались вашим победам.

Дети, наверное, везде одинаковы. Наверное, везде они вступают в конфликт с родителями из-за варенья, уроков, футбола. Послушные дети живут, видимо, только в нравоучительных книжках.

Я никогда не был пай-мальчиком, во всяком случае, далеко не всегда я хотел того, чего хотела мама. Мама хотела, чтобы я регулярно ходил в церковь. Мне же эти прогулки были не по душе. Однако из-за любви к маме и из-за боязни отчима я изредка на-

носил визиты богу. Бывали, однако, случаи, когда я шел в церковь с большой охотой. Такая приятная, хотя и непонятная для моей мамы метаморфоза происходила в те дни, когда в церкви пела приезжавшая из Каира Гоар Гаспарян.

Что еще огорчало маму, так это спорт. Каждая моя попытка пойти на стадион встречалась ею в штыки. В детстве я хворал бронхиальной астмой, и мама боялась за меня.

И все-таки на стадион я ходил. Причем значительно чаще, чем в церковь. Меня не могли остановить ни материнская любовь, ни гнев отчима.

А затем мама смирилась со спортом. Дело в том, что у меня вдруг прекратились приступы бронхиальной астмы. Я уж не знаю, то ли спорт доконал мою астму, то ли это было простое совпадение, но маме я все время твердил, что помог мне спорт.

Начал я с легкой атлетики. Точнее, с прыжков в высоту. 141 сантиметр — в ту пору это был мой личный рекорд. Конечно, до Брумеля далеко. Но для мальчишки ростом в 140 сантиметров не так уж плохо.

...1942 год. В Александрийском порту стоял американский военный корабль. Моряки выкраивали часок-другой свободного времени и, разбившись на несколько команд, начали играть в диковинную, никогда прежде не виданную мною игру. Я приходил к той площадке, которую облюбовали матросы, раньше, чем они, и уходил только после того, как уходили они. Так произошло мое знакомство с баскетболом.

А затем баскетбол пришел и к нам, в «Маленькую Армению». Я старался играть как можно чаще. Не помню, много ли я играл, но хорошо знаю, что

играл значительно меньше, чем мне того хотелось. Дело в том, что на нашем стадионе была одна-единственная площадка, а желающих играть — более чем достаточно. Да и играли чаще всего на лимонад: проигравшие поили победителей. Поэтому капитаны команд брали меня лишь в тех случаях, когда никого другого взять было нельзя. Им нужен был кредитоспособный игрок, им не нужен был игрок такого маленького роста.

В 1947 году, незадолго до моего возвращения в Армению, в Праге состоялся чемпионат Европы по баскетболу. Советские баскетболисты дебютировали тогда в официальных международных турнирах. Дебют получился на славу: не проиграв ни одного матча, советская команда заняла первое место.

В том чемпионате играла и сборная Египта — команда, которая по тем временам считалась очень и очень сильной. Один из лучших игроков египетской команды, Фуад Абухер, захлебывался от восторга. Он даже не представлял себе, что в баскетбол можно играть так виртуозно, как играют советские звезды Отар Коркия, Стяпас Бутаутас, Ильмар Куллам.

Это была сказка, чудная сказка о баскетболе. Если бы в тот момент кто-нибудь сказал, что я, Арменак Алачачян, — придет время — буду играть в одной команде с Куллamом, Коркия, Бутаутасом, я, наверное, заплакал бы от злости и досады: неумная шутка испортила бы сказку.

Прошло не так уж много времени — всего шесть лет, — и я игрок команды, имя которой «Сборная СССР по баскетболу». В 1953 году я получил первую из четырех моих золотых медалей чемпиона Европы.

Но все это — и рассказ Фуада Абухера о чемпионате Европы, и чемпионат Европы, в котором впервые играл я, — все это впереди. А тогда я подался в футбол. Говорят, что из меня мог бы получиться неплохой полузащитник или вратарь. Не знаю, может, и получился бы: команда у нас, в «Маленькой Армении», подобралась сильная, мы были чемпионами Египта среди школьников.

Пассажир приходит на вокзал. До отхода его поезда полтора часа. Пассажир подходит к киоску, покупает газету. Затем идет в ресторан. Он читает, прогуливается, обедает, но это так, между прочим, а главное — он ждет.

Без малого семнадцать лет прожил я в Александрии. Я учился и играл в футбол, дрался со сверстниками и гулял по городу, веселился и горевал. Но что бы я ни делал, я никогда не забывал о том, что я не дома, а в гостях. И я ждал, ждал, когда смогу вернуться домой.

Только в отличие от этого пассажира я не знал, когда придет мой поезд...

- **У МЕНЯ БЕРУТ ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ.**
- **ПАСПОРТ ПОЛУЧИТЬ НЕ ТРУДНО.**
- **МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО.**

Людей, у которых снимают отпечатки пальцев, либо жалеют, либо презирают: этой унизительной процедуре подвергаются неграмотные и преступники.

Я грамотный. Я никого не убивал, ничего не воровал, не хулиганил. И все-таки однажды у меня потребовали отпечатки пальцев. Я мог отказаться, но не отказался. Больше того — я выполнил это требование с удовольствием. Меня никто не жалел, никто не презирал. Наоборот, все мои знакомые, у которых не снимали отпечатки пальцев, завидовали мне.

Если бы я отказался выполнить эту процедуру, меня назвали бы глупцом. По существующему в то время закону, тот, кто хотел отказаться от египетского подданства, должен был подписать соответствующее заявление и скрепить подпись «печатью» — оттиском своего пальца.

Таких счастливцев, как я, три тысячи. Ровно столько, сколько возьмет на свой борт «Победа». Когда стало известно, что первым рейсом на Родину отправится всего три тысячи человек, в «Маленькой Армении» началось вавилонское столпотворение. Здесь регистрировались заявления всех армян, которые проживали в Египте. Желающие не уместились бы и на трех «Победах». К тому же не все три тысячи мест отданы нам. По пути «Победа» должна будет захватить тех армян, которые в свое время эмигрировали в Ливан и теперь тоже стремились домой.

Хуже всего пришлось членам специальной комиссии, которая рассматривала заявления и решала, кто поедет сейчас, а кто в будущем году. Членов комиссии просили, уговаривали, умоляли, проклинали, им угрожали, сулили ад или рай в зависимости от того, какое решение они примут.

В детстве меня всегда называли счастливчиком. Тот, кто окрестил меня счастливчиком, был прав. Я действительно счастливчик. Наша семья едет первым рейсом. Я убеждаю маму, сестру и отчима, что им повезло потому, что я счастливчик. Они не спорят со мной...

Мы уже знаем все, что должны знать: мы знаем, правда приблизительно, когда за нами придет «Победа», знаем, что проезд не будет нам стоить ни гроша (за тех, кто победнее, платит Советское правительство), знаем, что жить будем в Армении.

И все-таки нам страшно. А вдруг «Победа» не придет? А вдруг нас в последний момент вычеркнут из списков? А вдруг там, в Армении, передумают? От всех этих «вдруг» становится не по себе.

В Армении никто не менял своего решения. «Победа» пришла, из списков нас не выбросили. И в августе 1947 года мы отправляемся в семидневное морское путешествие, конечный пункт которого — Батуми.

Прощай, «Маленькая Армения»! Прощайте, Александрия и Египет! На душе чуть-чуть грустно. Все-таки прожито здесь без малого семнадцать лет...

Да, на душе грустно и вместе с тем очень радостно. Так радуются люди, которые слишком долго были в гостях и наконец возвращаются домой.

Заключительный этап нашего путешествия был самым длительным. Не одному мне казалось, что поезд из Батуми в Ереван тащится слишком медленно. Скорость ведь измеряется не только количеством километров, сделанных в час.

Несуществующую вину бригада поезда искупила с лихвой, сделав дополнительную остановку. Никаких признаков того, что где-нибудь поблизости находится станция, не было. Тем не менее поезд вдруг остановился. Земля здесь ничем не отличалась от той, по которой мы ехали несколько часов. Но в тот момент

в нашем поезде не было людей, которые способны были бы трезво размышлять, а радио сообщило, что мы пересекли границу Армении.

Люди высыпали из вагонов. Они опускались на колени, ложились на землю, целовали ее. Они плакали и смеялись. Они вели себя как дети. Но они и были детьми — детьми этой земли...

...Уже месяц мы живем в Ереване. За это время мы успели немного пообвыкнуть. Но только немного. Каждый день я открываю что-то новое. Это не удивительно. В Египте мы много слышали о старой Армении и почти ничего о Советской Армении.

Паспорт, удостоверяющий, что я, Алачачян Арменак Мисакович, — гражданин СССР, у меня уже был. Паспорт получить нетрудно: после десяти дней пребывания в Ереване мне выдали его. Гораздо труднее было стать советским человеком не по форме, а, так сказать, по содержанию.

Да, открытия — большие и малые — ожидали меня на каждом шагу, пусть и маленькие, но все очень приятные.

Одно из них сыграло в моей жизни большую роль.

Как-то ко мне в гости пришел Жирайр Минасян, мой друг и ровесник, вместе с которым я учился в александрийской школе.

— Арменак, пойдем в институт физкультуры.

Я уже знал, что в СССР много институтов, знал, что обучение в них бесплатное. К тому же среди многих льгот, предоставленных репатриантам, была и такая: все, кто закончил школу, поступали в любой институт без экзаменов. Но о физкультурном институте я слышал впервые. Я увидел, что Жирайр улыбается, и понял — разыгрывает.

— Что, не веришь? — догадался он.

После трехминутной тирады Жирайра я поверил. Улыбался же он потому, что догадался о моих сомнениях: за полчаса до этого он сам был уверен в том, что институт физкультуры — миф.

Гайк Исаич Парсаданян, директор реально существующего института, встретил меня без всякого восторга. Откровенно говоря, будь я на его месте, я тоже не выказал бы особой радости, увидев очень маленького и очень худенького подростка. Но это я сейчас так рассуждаю.

— Тебя мы берем, — сказал он Жирайру. Что ж, Жирайра, высокого, широкоплечего парня, я тоже взял бы. — А ты, мальчик, тоже к нам хочешь?

Этим «мальчиком» он окончательно добил меня. Через три с половиной месяца будет семнадцать, а он — «мальчик». Не заметив моего утвердительного кивка, Парсаданян повторил вопрос. А затем, так и не дождавшись ответа, он спросил:

— А что ты умеешь делать?

Я молчал. Не говорить же ему, что я бегал, прыгал, немного играл в баскетбол и футбол. Он, наверное, еще засмеется. В то время я наивно полагал, что раз в стране есть физкультурные институты — значит, берут туда тех, кто заканчивал спортивные школы. Я знал: если он засмеется или даже улыбнется, я повернусь и уйду. И он улыбнулся. Но улыбка была такая, что я сразу же передумал уходить.

— Ну, ладно, тебя тоже возьмем. Посмотрим, что ты там умеешь, — сказал он.

Молчание, видимо, действительно золото: так и не сказав ни единого слова, я стал студентом Армянского института физкультуры.

- **Я И НА АРМЯНСКОМ ПОНИМАЛ НЕ ВСЕ.**
- **МАМА ПРОТИВ ИНСТИТУТА.**
- **МНЕ ВЕЗЕТ НА ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ.**

Мой путь в науку был усеян не одними только розами. Я не владел русским языком. Но это было бы полбеды: преподавание велось на армянском языке. Значительно хуже было то, что и на армянском я понимал далеко не все. В таком незавидном положении был не я один. Все репатрианты, в какой бы институт они ни поступили, чувствовали себя, мягко выражаясь, неудобно. Сказывалось то, что учились мы не в советской школе.

Некоторые элементарные, с точки зрения советского школьника, вещи были для меня полным откровением. О других я имел лишь смутное представление. В общем, как принято говорить в таких случаях, сказывались недостатки образования. Конечно, мы не были законченными профанами. Но во многих очень важных вещах мы разбирались ничуть не лучше, чем ученики, скажем, пятого класса. Ну, а по некоторым вопросам нас с успехом могли бы просвещать дошкольники. Не удивляйтесь: многие репатрианты, получившие в тех странах, где они жили, неплохое образование, не знали, в каком году произошла Великая Октябрьская революция.

Надо отдать должное и нашим преподавателям, и студентам, получившим среднее образование в Советском Союзе. Их отношение к нам было джентльменским в самом лучшем смысле этого слова. Только теперь я понял, как тактично вели они себя в нашем присутствии. Они не давили нас своей эрудицией, не улыбались, когда мы задавали сверхнаивные вопросы. Они как-то случайно, я бы сказал, мимоходом наставляли нас на путь истинный.

Я собрался уходить из института. Не только потому, что учеба давалась мне с трудом. Оставить институт меня умоляла мама.

Не делайте только поспешных выводов. Моя мама любила меня не меньше, чем любят своих детей все матери. И она, конечно же, знала, что ученье — свет, а неученье — тьма. Но особого достатка в семье нашей не было, и мама хотела, чтобы я пошел работать. Она упрашивала меня оставить институт. И добилась своего.

Я рад, что принял такое неумное решение. Благодаря этому судьба свела меня с замечательным человеком, который помог мне стать тем, кем я стал.

Константин Никитович Вартанян, завуч нашего института, ничем не походил на армянина — ни внешним своим обликом, ни характером. Он был рыжий, как огонь, и спокойный, как истый британец. Вартанян оказался не просто хорошим баскетбольным тренером, но и умным и тактичным педагогом.

Знакомство у меня с ним было шапочное. Он знал меня ничуть не лучше, чем нескольких сотен других

студентов, и относился ко мне точно так же, как и к ним, — вежливо и доброжелательно.

Узнав, что я собираюсь бросить институт, он вызвал меня к себе. Я ни слова не сказал ему о маминых взглядах на высшее образование. Но он был умнее, чем я о нем думал. Он стал частенько захаживать к нам в гости. Константин Никитович не агитировал маму, не перевоспитывал ее, он просто беседовал с ней о том о сем и, между прочим, о ее сыне. Как-то так получалось, что Вартанян во всем поддерживал маму. Но, согласившись с ней, что молодой человек должен работать, невзначай обронил фразу о том, что работу можно отлично совмещать с учебой.

Вартанян, оказывается, хорошо знал не только баскетбол. Он показал себя отличным знатоком материнской психологии. Я понял это через несколько дней, когда мама вдруг завела разговор о моей учебе и стала уговаривать меня не бросать институт.

Институт я не бросил. А через несколько дней студенту факультета спортигр Алачачяну А. М. в виде исключения было разрешено работать тренером по баскетболу в детской спортивной школе. В спортшколу меня взяли по рекомендации того же Вартаняна.

Если жизнь моя сложилась счастливо — а у меня нет оснований считать себя неудачником, — то только потому, что мне всегда везло на добрых людей.

На таких, как барон Махтесян, который научил меня любить родину.

На таких, как Гайк Исаич Парсаданян. Если бы не директор института физкультуры, не знаю, кем бы я стал.

...Детям моим — дочери Карине и сыну Артуру — я желаю счастья, только счастья. Я не хочу и не буду выбирать путь, по которому идти им в жизни: этот выбор они сделают сами. Единственное, что могу пожелать я им, так это чтобы в своей жизни они встречали только добрых и хороших людей.

II. Я в спорте живу

- **СОВМЕСТИТЕЛИ УХОДЯТ ИЗ СПОРТА.**
- **О ФУТБОЛЕ С ЛЮБОВЬЮ И ЗАВИСТЬЮ.**
- **НАДО ЛИ СТРЕМИТЬСЯ К СЛАВЕ!**

Было время — и не такое уж давнее, — когда человек, который хотел заниматься, скажем, теннисом, плаванием и боксом, не должен был мучительно выбирать что-то одно, жертвуя двумя другими. При желании он мог поспеть и на корт, и в бассейн, и на ринг. И зачастую такие совместители преуспевали не меньше, чем однолюбы.

Один из старейших в стране тренеров по баскетболу, Степан Суренович Спандарян, в молодости играл — и весьма успешно — в баскетбол, футбол, регби, гандбол, слыл неплохим легкоатлетом. Прославленный борец, один из первых наших олимпийских чемпионов Иоханнес Коткас был чемпионом и рекордсменом СССР в метании молота. Евгений Васильевич Алексеев был чемпионом СССР и по волейболу, и по баскетболу, а звание мастера спорта имел еще и по легкой атлетике. Шесть раз выполнял норму мастера спорта Сергей Преображенский: по борьбе классической, вольной и самбо, в стрельбе, штанге и академической гребле. Лев Яшин, помнится, был и хоккейным вратарем. Его тезка и одноклубник Сайчук в один год получил две золотые медали — за фехтование и за баскетбол. Евгений Гришин, прежде чем стать сильнейшим в мире спринтером-конькобежцем, ходил в преуспевающих велосипедистах. Первый вратарь сборной СССР по хоккею Харрис Меллупс был чемпионом Латвии по боксу и одним из сильнейших в республике игроков в настольный теннис, хоккеисты ВВС Иван Новиков и особенно Зденек Зикмунд были очень сильными теннисистами. Впрочем, те из вас, кто постарше, покопавшись в памяти, и сами припомнят превосходных спортсменов-совместителей.

А потом произошло то, что и должно было произойти. Из спорта стали исчезать совместители. В этом отношении спорт ничем не отличается от науки или, скажем, медицины — с той лишь разницей, что там процесс узкой специализации начался намного раньше, но в этом нет ничего удивительного, ибо спорт — большой спорт — значительно моложе науки и медицины.

Когда-то ученый с пользой для дела занимался и химией, и физикой, и математикой, а один и тот же врач лечил и того, кто сломал зуб, и того, кто сломал ногу. Теперь уже нет ученых-энциклопедистов, как нет и врачей, которые лечили бы от всех болезней. Не буду, однако, лезть в дебри науки и медицины и доискиваться причин, в силу которых там произошла узкая специализация: кого интересует мнение дилетанта!

Что же до спорта, то там положение изменилось потому, что изменился сам спорт. Спорт перестал быть только удовольствием для тех, кто им занимается. Оставшись занятием увлекательнейшим и интерес-

нейшим, спорт стал вместе с тем и работой — работой тяжелой и изнурительной.

Я не историк спорта, и мне трудно объяснить, почему спорт начал бурно прогрессировать именно после окончания второй мировой войны, не какой-то один вид спорта и не в какой-то одной стране — весь спорт и во всем мире. Но факт остается фактом: рекорды, установленные, казалось, на века, сменялись с неправдоподобной быстротой, мир не успевал запомнить имя нового рекордсмена, как тот уже становился экс-рекордсменом.

Поднять штангу более тяжелую, чем ту, которую поднимали до тебя, бегать в течение двух таймов быстрее, чем бегал твой предшественник, «научить» левую руку работать лучше, чем она работает у левшей, — за все это надо было расплачиваться пóтом. Потому что теперь уже баскетбол (футбол, коньки, борьба и т. д.) не дарил успеха за одни только способности, как бы велики они ни были, он требовал еще и подвижничества.

Спорт-удовольствие предлагал: «Тренируйся столько, сколько хочешь!» Спорт-работа потребовал: «Тренируйся столько, сколько нужно! А если хочешь добиться чего-то, тренируйся столько, сколько надо, и еще немного, и еще чуть-чуть, и еще через не могу... Я не обещаю тебе, что ты обязательно станешь чемпионом, если будешь много работать. Но я предупреждаю: если не будешь работать до седьмого пота, чемпионом тебе не стать!» В ту пору и появились такие термины, как «двухразовая тренировка», «сверхнагрузка», «работа на пределе». Нет, никому не запрещено заниматься одновременно теннисом, плаванием и боксом. Но ни у кого не хватит времени и сил для того, чтобы из

бассейна пойти на корт или на ринг. Тот, кто хочет стать, скажем, классным пловцом, должен всерьез заниматься только плаванием, а какими-то другими видами спорта — лишь по предписанию тренера и — как лекарство — ровно в тех дозах, которые помогут ему проплыть дистанцию быстрее, чем раньше.

Если человек, который любит два каких-то вида спорта, обладает железным здоровьем, то и в этом случае он не сумеет добиться своего. Увеличилась не только интенсивность тренировок, не только количество этих тренировок, увеличилось и количество соревнований, длиннее стал сезон в любом виде спорта. Легкая атлетика теперь не отправляется на зимнюю спячку; искусственные дорожки дали возможность конькобежцам соревноваться не только зимой; раньше футболисты играли полгода, сейчас — девять-десять месяцев; когда я пришел в баскетбол, игрок проводил за сезон матчей двадцать, сейчас — семьдесят, а то и больше.

А перечисленные мною спортивные звезды были последними из могикан. Да и то Льву Яшину, как и Игорю Нетто, пришлось бросить хоккей, Евгению Гришину — велосипед. А среди тех спортсменов, которые выступают сейчас, я, кроме футболиста-хоккеиста Валерия Маслова, не знаю ни одного другого преуспевающего совместителя.

Ну что ж, так оно и должно быть. Лучше очень хорошо делать что-то одно, чем неплохо — многое. Но это сейчас меня устраивает такой порядок вещей. А в свое время я, очень мягко говоря, безо всякого энтузиазма отнесся к предложению выбрать что-то одно. Я играл и в баскетбол и в футбол. Играл будто бы не плохо. Однажды — это было в 1948 году —

меня вызвал завуч института Константин Никитович Вартанян и сказал: «Арменак, решай — баскетбол или футбол!»

Он вызывал меня еще несколько раз, а я никак не мог выбрать что-то одно. Я ведь тогда не знал, что знаю сейчас, и мне казалось, что меня хватит и на футбол и на баскетбол. Наконец Вартаняну надоело, и он в приказном порядке сделал меня баскетболистом.

О баскетболе речь впереди. А сейчас я хочу поделиться кое-какими соображениями о футболе. В противном случае меня упрекнут в желании прослыть оригиналом. Футбол — это, кажется, единственная в мире вещь, в которой все разбираются, больше того — все имеют свою точку зрения, которую, конечно же, желают обнародовать, ибо она, именно она, только она содержит в себе истину.

Никто из театральных завсегдатаев не возьмет на себя смелость учить режиссера, как ему надо ставить пьесу, какие роли кому из актеров поручить. Да и по отношению к актерам зрители робки: такой-то понравился, а такой-то не очень.

А вот поучать футболистов и особенно футбольных тренеров — это одно удовольствие. «Почему 4 + 2 + 4, а не 4 + 4 + 2 ?» «Ведь яснее ясного, что Сидоров должен играть в центре, Петров — в защите, а Николаев должен быть блуждающим! Так почему же в таком случае Сидорова нет в центре, Петрова — в защите, а Николаева — в команде? Надо срочно разобраться в том, кого назначили тренером. А заодно и узнать, кто такого не разбирающегося в футболе человека назначил тренером!» Все это было бы смешно, если бы зачастую не имело очень грустных последствий...

Футбольных тренеров учат все, кто хочет. А ведь среди учителей есть и не только такие, которые пишут письма в редакции газет, в Федерацию футбола и даже в самые высокие инстанции. Есть ведь и такие, которые свободно могут проучить строптивого, не желающего «учиться» тренера. Раз они платят ему зарплату, стало быть, они могут и порекомендовать, кого не ставить в состав, кого — ставить и куда ставить. Ну, а то, что платят они не свои деньги, а государственные, что в футболе они понимают не больше, чем тренер в их деле, — это всего лишь детали...

В этом отношении баскетболу повезло. Нас, правда, тоже учат, но не так темпераментно и категорично. Не потому, конечно, что баскетбол более сложная игра: и футбол ведь, если говорить серьезно, не прост. Учат нас меньше потому, что баскетбол менее популярен.

После такого вступления я, видимо, имею право лишь объясниться в любви к футболу: лучше уж прослыть оригиналом, чем непрошеным советчиком.

Ну что ж, футбол я действительно очень люблю. Правда, к величайшему сожалению, бываю на матчах реже, чем хотелось бы. Но я не ограничусь этим лаконичным объяснением в любви. Надеюсь, что меня поймут правильно. Я не собираюсь никого поучать. Я просто хочу сказать то, что имеет право сказать баскетболист своим братьям по мячу. Во всяком случае, я не испытал бы ничего, кроме чувства благодарности, если бы мои коллеги-футболисты поделились своими соображениями относительно баскетбола.

Футбольное поле раз в пятьдесят больше баскетбольной площадки, правила футбола просты, как арифметика, правила баскетбола сложны, как высшая математика, в футбол играют ногами, в баскетбол — руками. Но все это ничего не значит: для баскетболиста футбол не тайна за семью печатями.

На лондонском чемпионате мира появились новые кумиры, новые фавориты, но мне, как и раньше, дороги Пеле и его друзья. Бразильцы играют в баскетбол, в хороший баскетбол — и с той лишь разницей, что перепасовывают мяч не руками, а ногами. Так как же это может не нравиться мне, баскетболисту! Ну, а если говорить серьезно, то бразильцы пленяют своим умением делать с мячом все, что им заблагорассудится.

Сейчас вряд ли придет кому-нибудь в голову мысль отрицать значение техники, критиковать спортсменов за то, что они денно и нощно работают с мячом. А ведь не так давно спортсменов, увлекавшихся техникой, не то что критиковали — ругательски ругали. Нашлись теоретики — они всегда в таких случаях находятся, — которые доказывали, что советскому спорту от техники сплошной вред, что виртуозы, жонглеры (с каким нескрываемым презрением произносились эти слова!) погубят командную, коллективную игру. Технике противопоставлялись атлетизм, командная игра, воля к победе. Разумеется, каждый из этих компонентов жизненно необходим, но противопоставлять их технике так же неразумно, как технику — им.

Слов нет, техника ради техники, техника-самоцель — это пустячок. Но ведь даже безграмотному в тактическом отношении трюкачу можно внушать такую, скажем, мысль — остановив мяч, тотчас отпасуй его партнеру: трюкач умеет, но не хочет. А попробуйте-ка убедить его антипода — игрока, который в тактическом отношении само совершенство, но с мячом на «вы», — что мяч надо останавливать так, чтобы тот не отскакивал метров на пять в сторону! Пустая трата времени: он это и сам знает — знает, хочет, но не умеет.

От того, что техника долгие годы была не в чести, больше, нежели другие игры, пострадал именно футбол. Изъяны в технике хоккеисты компенсируют мужеством и скоростью, волейболисты — высоким прыжком, баскетболисты — ростом. В футболе же техника играет более существенную роль, чем в любой из перечисленных мною игр, и ее заменители — скажем, атлетизм и воля к победе — не столь эффективны. По-моему, именно отставанием в технике объясняются относительные неудачи наших футболистов.

Эдуард Стрельцов, Альберт Шестернев, Михаил Месхи, Валерий Воронин, Владимир Мунтян, Слава Метревели, ну еще пять-шесть наших асов в любой стране считались бы королями техники. Но — чего греха таить — наш средний мастер уступает в этом отношении середнякам ведущих футбольных держав мира. Меньше, чем несколько лет назад, но все-таки уступает.

Сейчас отношение к технике во всех играх вообще и в футболе в частности изменилось в лучшую сторону. Но одной только доброжелательности мало. В этой связи я и хочу оспорить весьма распространенную и вредную теорию. Из одной газетной статьи

в другую кочует тезис относительно того, что техникой можно овладеть только в детском возрасте. Охотно допускаю, что тот, кому первому пришла в голову эта мысль, руководствовался самыми лучшими намерениями. Он, так сказать, ориентировал детишек и, главным образом, их тренеров на выполнение задачи № 1.

Но объективно делу обучения техники был нанесен серьезный урон. Представьте себе, что испытывает двадцатилетний спортсмен, нетехничный, но трудолюбивый, изо дня в день читающий статьи, в которых — правда, между строк — ему недвусмысленно намекают на то, что для футбола он человек конченый. Не надо быть бог весть каким знатоком психологии, чтобы понять: махнет парень рукой — мол, трудись не трудись, толку все равно не добьешься, буду уж играть, как играется.

Технике и впрямь лучше обучиться в детском возрасте — лучше, но не только. Знаю об этом по собственному опыту. Мне было 22, когда я вдруг почувствовал, что моя любовь к баскетболу еще немного — и перестанет быть взаимной. В 1952 году я был не так мал ростом, как сейчас: нашествие двухметровых гигантов на баскетбол еще не началось, но, по всему судя, вот-вот должно было начаться. Короче говоря, я понял, что мне с моими несчастными 174 сантиметрами придется худо.

В ту пору, кроме скорости, резкости, хорошей реакции, я никакими особыми достоинствами не обладал. И я приналег на технику — благо тогда в газетах не писали, что овладеть ею можно только в детстве. Говорили, что мне кое-чего удалось добиться. Я об этом не для хвастовства, просто мне хочется под-

держать тех, кому больше восемнадцати: не вешайте носы, все в ваших руках, ибо техника дело наживное.

И еще одна аналогия с баскетболом. Когда-то у нас были защитники, нападающие и центровые в самом буквальном смысле этого слова: первые только защищались, вторые только нападали, третьи, и обороняясь, и атакуя, играли только в центре. Сейчас защитники отличаются от нападающих разве только ростом: последние повыше. А хорошего центрового, умеющего дриблировать, атаковать издали, быстро бегать, не сразу отличишь от нападающего. Короче говоря, процесс универсализации игроков идет в баскетболе быстрыми темпами, он даже терминологии коснулся: теперь чаще игроков подразделяют на центровых и полевых.

Футбол тоже ожидает универсализация игроков. Это, конечно, не значит, что исчезнет всякая разница между нападающим и защитником: футбольное поле велико, и на нем, наверное, всегда будут те, кто большей частью атакует, и те, кто эти атаки отражает. Но, оказавшись в зоне удара, защитники не будут лихорадочно искать, кому же отдать мяч, а нападающие у ворот их команды не будут проходить с легкостью необычайной. Уже сейчас защитники высокого класса владеют обводкой не хуже, чем нападающие, а иные форварды в отборе мяча так же искусны, как те, кому положено заниматься этим по штатному расписанию.

Лет, скажем, через десять и в терминологии футбола произойдут изменения: игроков будут делить на вратарей и полевых. Так почему бы детским тренерам не обогнать время? Что, кроме выгоды, сулит реформа, в результате которой парня с малых лет не де-

лали бы чистым нападающим или чистым защитником? Пусть Валерий, который сегодня играет в нападении, и Олег, который играет в защите, завтра поменяются местами: пусть они учатся играть в поле, а когда научатся, тогда и определят, кем быть Олегу, а кем — Валерию.

Когда мне было 18 и я никак не мог решить, кем же мне стать — футболистом или баскетболистом, — за меня выбор сделали другие. Ну, а если бы мне опять было 18, но я знал бы то, что знаю в 39, — что бы я выбрал в этом случае? Вопрос, который я сейчас задал себе, мне задавали часто. Иногда я отвечал, что доволен сделанным когда-то выбором, иногда говорил, что ошибся, что, наверное, футбол принес бы мне больше удовлетворения. Пусть не покажется странным, но каждый из ответов, который, казалось бы, автоматически исключал другой, был искренним и правильным. Я никогда не отвечал на этот вопрос категорично. И по сей день я не знаю, где бы мне лучше жилось — в футболе или в баскетболе.

У меня нет оснований быть недовольным тем, как сложилась моя жизнь в спорте. Я восьмикратный чемпион страны, четырехкратный чемпион Европы, я был олимпийцем. Мне оказали высокую честь, пригласив в ЦСКА — в лучший баскетбольный клуб нашей страны. Первый матч в сборной СССР я сыграл, когда мне не было 23, последний — в 35. Я объездил весь мир. Обо мне много писали, большей частью — лестное. И — самое главное — я не знаю, смог бы ли я стать хорошим футболистом. И все-таки порой мне очень жаль, что жизнь моя прошла в баскетболе, а не в футболе. Потому что все время меня не оставляет ощущение, что я занимаюсь чем-то второстепенным.

Успехи, которых добился в международных соревнованиях наш футбол, не идут ни в какое сравнение с успехами баскетбола. Неудачи футболистов — относительные, конечно, — объясняются и причинами очень уважительными, от которых нельзя просто так отмахнуться. Но суть дела от этого не меняется: баскетбол у нас по праву считается одним из первых учеников, футбол же ругают чаще, чем хвалят. Но, право же, куда приятнее та критика, которая адресуется футболистам, чем похвалы, которыми награждают баскетболистов. Потому что в похвалах этих констатация факта, не больше, в критике — любовь, признание. У футбола свой еженедельник, о футболе в неспортивных изданиях пишут больше, чем о баскетболе в «Советском спорте». Баскетбол в газетах, журналах, на радио и телевидении выступает, так сказать, только по обязательной программе: информируют лишь о том, о чем нельзя не информировать; произвольная программа лишь по большим праздникам, но такими праздниками уже, кажется, перестали считаться победы в чемпионатах Европы и розыгрышах Кубков европейских чемпионов.

Таких баскетболистов, как Модестас Паулаускас, во всем мире раз-два — и обчелся. Я видел профессиональные команды США и уверен, что ни одна из них, даже самая лучшая, не отказалась бы от его услуг. А у нас в стране второразрядный футболист, который не умеет больше, чем умеет, куда известнее Паулаускаса. Паулаускасу еще повезло. Он родился и живет в Литве, где баскетбол — вид спорта № 1.

Но ведь в известной степени были обойдены славой и такие баскетболисты, как Отар Коркия, Юрий Корнеев, Геннадий Вольнов. Каждый из них — гроссмейстер, но известны они были меньше, чем игравшие одновременно с ними футболисты, которых только по формальному признаку называли мастерами.

Баскетбол изрядно преуспел, но так и остался пасынком, футбол, который приносит огорчений больше, чем радостей, — любимый сын. Несправедливость? Да. Но несправедливость эта логична и справедлива: футбол более любим, более популярен — следовательно, он и заслуживает большего внимания.

Футбол — единственный в нашей стране вид спорта, который утоляет никогда не исчезающую у спортсмена жажду славы.

Стоп! Наверное, кое-кто из читателей насторожился: что это он пишет — слава, стремление к славе, жажда славы? Ну что ж, я и сам, как говорится, сделал бы стойку, если бы не жил в стране Спорт, а имел представление о ней по иным очеркам. По тем очеркам, в которых обитают спортсмены, стремящиеся, если верить авторам, к чему хотите, но только не к славе. Он, этот спортсмен, отказывает себе во многом, ведет аскетический образ жизни, тренируется до изнеможения для того, чтобы побить рекорд, а когда рекорд пал, он, если опять-таки верить авторам, абсолютно равнодушен к содеянному им. Нет, не надо верить таким авторам. Человек, установивший рекорд, сделал то, чего не делал до него ни один другой человек. Он добился славы, и он горд ею. И почему не гордиться ему, если победил он в честной борьбе? Почему не гордиться ему, если его слава принесла славу и клубу, цвета которого он защищает, и стране, в которой он живет? Почему не гордиться ему славой, которая не была для него самоцелью?

Нет, герой такого очерка вправе был бы заявить, что автора, когда он писал, интересовало все, что хотите, но только не то, поверят ли ему его читатели. И, честное слово, герой очерка, сделай он такое заявление, в меньшей степени, чем очеркист, погрешил бы против истины.

Говорят, что плох тот солдат, в ранце которого не лежит маршальский жезл. В таком случае плохой солдат — зло неизбежное: в армию, как известно, берут не только по собственному желанию, и далеко не каждого, попавшего туда, прельщает карьера военного. А вот спортсмен, который не видит себя на пьедестале почета, — это действительно явление из ряда вон выходящее: спортивная армия состоит из одних только добровольцев. Нет такого спортсмена — настоящего спортсмена, — который не стремился бы к признанию, к славе. Мне, во всяком случае, такие не встречались.

А может быть, ложь очеркиста простительна? Скажем, автор, считая — и не без оснований, — что всякий герой является примером для подражания, решил улучшить спортсмена. Достигнута ли цель? На первый взгляд да: крупным планом показаны бескорыстие, благородство и скромность человека, который добился славы, не добиваясь ее, а добившись, не гордится ею. Вот он, мол, каков, советский спортсмен!

Но поверят ли читатели — вот в чем вопрос. Разве можно добиться чего-то большого, если не стремишься к этому всеми силами? Да и потом ложь эта не так безобидна, как может показаться. Очень хоро-

шим спортсменам присваивают звание заслуженного мастера спорта, лучших из них награждают орденами. Итак, в реальной, настоящей жизни сделано все для того, чтобы прославить выдающегося спортсмена, в жизни же, выдуманной очеркистом, выдающийся спортсмен выглядит хам хамом: ему-то, по существу, наплевать на награды.

Может быть, такие очерки пишутся для того, чтобы внушить мысль: советскому человеку чуждо стремление к личной славе, он помышляет только о славе страны? Но ведь одно отнюдь не исключает другого. Аплодируя замечательной балерине Галине Улановой, мир аплодировал и советской балетной школе. И выдающийся рекорд Валерия Брумеля — это рекорд советского спортсмена. Добыв славу (к которой они, конечно же, стремились), Уланова и Брумель прославили и страну, гражданами которой являются. А прославит ли страну спортсмен, который не стремится к личной славе, которому, стало быть, все равно, какая ему достанется медаль — золотая или бронзовая — и добудет ли он медаль вообще?

Не будем ханжами. Премия, квартира — все это в жизни спортсмена играет огромную роль: спортсмен — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но не надо и переоценивать значение материального фактора: главная заслуга в борьбе за рекорд, за первое место принадлежит не ему, практичность пасует перед стремлением прославиться.

Где-то, наверное, я немного переборщил: не всякая слава хороша, не всякое стремление к славе достойно уважения. Увы, не так трудно пересечь ту грань, которая отделяет честную славу от славы эгоиста, славу от тщеславия. Я знал баскетболиста, который радовался — и даже не старался спрятать свою радость — в тех случаях, когда его команда проигрывала, но сам он играл хорошо. Его нельзя было ни в чем упрекнуть, но радость его была неприятна: для него своя слава была ценнее славы команды...

Но в принципе стремление к славе — это тот мотор, который движет спортсменом. Перегорит мотор — конец спортсмену: он уже не мастер, вечно стремящийся к новому, он всего лишь ремесленник, довольствующийся тем, что у него есть.

Арменак Алачачян добился славы, не домогаясь ее. Он ни разу не пересек ту грань, которая отделяет честно добытую славу от славы эгоиста. Он не шел к своей славе кратчайшим путем.

Пока Алачачян играл в ереванском СКИФе, а позже в алма-атинском «Буревестнике», о нем говорили только в превосходных степенях. Он был любим и охочими до трюков зрителями, и тренерами, для которых эффект — дело второе.

В 1959 году его пригласили в ЦСКА. И с тех пор одни называли Алачачяна уже не просто очень хорошим баскетболистом, а великим, другие — заурядным.

А произошло вот что. Алачачян был одним из лучших снайперов нашего баскетбола. В 1952 году в матче СКИФа со свердловским «Уралмашем» Алачачян набрал 39 очков, год спустя, играя против киевских армейцев, он записал на свой счет 43 очка. Не могу утверждать, что это высшее достижение отечественного баскет-

бола: у нас, к сожалению, рекорды такого рода не регистрируются. Но знаю, что в чемпионате 1968 года наибольшее количество очков в одном матче набрали Анатолий Поливода и Модестас Паулаускас — по 41. Но Поливода — центровой, Паулаускас — нападающий, Алачачян же был защитником. И в 1953 году баскетболистов не гнала в атаку боязнь оказаться в цейтноте: в ту пору баскетбол еще не знал правила тридцати секунд.

Придя в ЦСКА, Алачачян отказался от броска. Он считал, что в команде много снайперов, очень много, и если к ним добавится еще один, их станет слишком много. В команде нет ни одного подносчика патронов. Он решил стать им и стал.

Логично ли рассуждал Алачачян? Оправдалась ли логика его рассуждений? Да. Команда, которая до этого в течение нескольких лет безуспешно пыталась завоевать первое место, в чемпионате 1960 года установила рекорд, который не то что побить, повторить и то трудно: 11 матчей — 11 побед. Так началась в нашем баскетболе эра ЦСКА. Конечно, несправедливо было бы объяснять триумф команды только тем, что в ней начал играть Алачачян. В ЦСКА были такие асы баскетбола, как Аркадий Бочкарев, Михаил Семенов, Виктор Зубков, Александр Травин. Одновременно с Алачачяном пришел в команду Геннадий Вольнов, которого по молодости лет еще нельзя было назвать великим баскетболистом, но который обещал им со временем стать. И все-таки решающее слово произнес Алачачян.

Партнеры Алачачяна были очень хорошими баскетболистами, Алачачян был тактикой команды.

Итак, Алачачян рассуждал логично, логичность его рассуждений была подтверждена практикой. У Алачачяна, следовательно, были все основания торжествовать. Однако именно в эту пору очень хороший игрок стал для одних великим баскетболистом, для других — заурядным. Для человека менее самолюбивого, чем Алачачян, это не было бы трагедией: ведь те, кто знал толк в баскетболе, ценили его высоко. Но Алачачяну никогда не было безразлично, что пишут и говорят о нем. Он переживал еще и потому, что те, кто корил его отсутствием броска, были правы той формальной правотой, с которой нельзя согласиться, но которую и оспорить нельзя. Не только в ЦСКА — во всей высшей лиге не было игрока, который набирал меньше очков, чем Алачачян. Снайпер и всегда-то приметен, а как раз в ту пору началось в баскетболе повальное увлечение броском в прыжке: плохо ли, хорошо ли, но стреляли и попадали в цель почти все, а Алачачян — белая ворона — даже не пытался освоить новинку.

Все могли понять, почему в «Буревестнике» Алачачян атаковал реже, чем в СКИФе: в «Буревестнике» играл Увайс Ахтаев, самый высокий баскетболист, которого когда-либо видели на площадках нашей страны. И его надо было питать мячами. Но почему же Алачачян не атакует в ЦСКА, где нет великанов? Немногие могли понять это так, как надо было понимать, и пони-

мали так, как им было удобнее: не атакует, потому что не умеет атаковать...

Недоброжелатели Алачачяна — а правильнее сказать, люди, плохо разбирающиеся в баскетболе, — не хотели или не могли увидеть то, что у него есть: игру в защите за двоих, великолепный пас, поразительную реакцию, реактивную скорость, фантастическую выносливость. Они не считали, сколько мячей «воровал» он, они не считали, сколько мячей забрасывали после его передач, — они считали, сколько раз он промахнулся и сколько раз он не атаковал, когда должен был атаковать. Они мерили его той мерой, которой должно мерить игрока посредственного, обыкновенного, но с которой нельзя подходить к игроку великому. И он, знавший себе цену, вправе был бы не считаться с их мнением. А он мучался, переживал, не скрывая этого. Но, мучаясь и переживая, он не отказывался от своей игры, не перестраивался, дабы угодить всем. Потому что — он был в этом уверен — так лучше команде.

Но нет ли здесь натяжки? Может быть, Алачачян не знал, какие последствия повлечет отказ от броска? Знал, не мог не знать. Но предположим, что не предвидел Алачачян такого оборота дела. Потом-то, поняв, что произошло, он мог перестроиться?

Мог. Наверняка мог. Так почему же не сделал он этого?

Баскетболу — советскому, во всяком случае, — всегда недоставало классных защитников, классных распасовщиков; что же до снайперов,

то в них дефицит никогда не испытывался, во все годы хороших снайперов было куда больше, чем хороших игроков. Бросок самое приятное и не самое сложное — а быть может, и самое несложное — из того, что делают на площадке баскетболисты. И вместе с тем бросок больше, чем что бы то ни было, требует постоянного тренинга. Диаметр мяча лишь немногим меньше диаметра кольца: бросок — это чувство мяча и чувство дистанции.

Если бы все зависело только от тренировок, Алачачян быстро вернул бы себе славу одного из лучших снайперов: уязвленное самолюбие удвоило бы, утроило его старательность, которой у него и так было предостаточно. Но для того, чтобы выработать и сохранить чувство мяча, надо было как можно чаще бросать и во время матчей, бросать, не боясь промахнуться. Именно во время матчей, а не в двухсторонних тренировочных играх, потому что матчевый микроклимат, как бы искусно он ни был создан, — это не то: в нем нет и не может быть того естественного нервного напряжения, которое дает себя знать даже в матче с не очень сильным соперником. Баскетболист, претендующий на то, чтобы считаться снайпером, атакует в каждом матче примерно 15, а то и 20 раз. Пойди на это Алачачян — подносчик патронов стал бы стрелком, еще одним стрелком.

А мог на это пойти Алачачян? Вне всякого сомнения. И никто не вправе был бы осудить его за это. Только команда, состоящая из одних снайперов, команда, в которой все хотят и все умеют

стрелять, но никто не хочет подносить патроны, команда эта, быть может, играла бы чуть-чуть хуже. Но, наверное, все равно побеждала бы, наверное, все равно была бы первой — наверное, но не наверняка. А если и нет, то кто, спрашивается, мог бы обвинить Алачачяна?

Он, который знал цену славе, который мучительно переживал каждый упрек, остался верен себе. Надо ли объяснять, чем руководствовался игрок, который, с такой страстью отстаивая право спортсмена на личную славу, отдал своей команде больше, чем мог отдать?

- **«В СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС Я ХОТЕЛ БЫ ИГРАТЬ В БАСКЕТБОЛ!..»**
- **ТРЕНЕР ДЗЕКОНСКИЙ И СЕСТРА МАГАЛАШВИЛИ.**
- **ВСЕМ ХОРОШ БАСКЕТБОЛ, НО...**

Я не собирался рассказывать о том, как был изобретен (или придуман?) баскетбол, — и потому что пишу я не историю баскетбола, и еще потому что и о Джеймсе Нейсмите, который дал жизнь баскетболу, и о корзинке из-под персиков, которая дала название его игре, уже писалось не раз, и я ничего нового к этому рассказу добавить не могу. И все-таки я не могу не написать о Джеймсе Нейсмите, потому что удивлен и восхищен тем, что сделал этот человек.

Представьте себя на месте Нейсмита. Вы преподаватель Спрингфилдского колледжа, — колледжа, каких много и в штате Массачусетс, и в других штатах Америки. От других колледжей Спрингфилдский отличается разве тем, что нет у него поля для игры в футбол. А футбол — разумеется, американский, который больше похож на регби, чем на своего хорошо знакомого нам европейского тезку, — у студентов США в чести, они в нем души не чают.

И вот вам предлагают изобрести (придумать?) игру, которая могла бы заменить спрингфилдским студентам футбол и которая уместилась бы в небольшом по своим размерам гимнастическом зале.

Джеймс Нейсмит решает усложнить нелегкую свою задачу. Нейсмит был одним из очень немногих американцев, которым не нравился американский футбол. Я говорю о его нелюбви с уверенностью, хотя биографии Нейсмита не знаю и книг о нем не читал. О человеке следует судить по его делам, а детище Нейсмита, баскетбол, являет собой полнейшую противоположность американскому футболу.

Американский футбол берет свое начало от классического английского регби. Но если, скажем, теннис игра тоже английская, и в Новом Свете называется теннисом, то регби, попав в США, совсем не случайно получило новое имя. Американцам вполне корректная английская игра показалась слишком пресной. И после целого ряда нововведений регби превратился в американский футбол — игру, девиз которой «Здесь все дозволено!». По рассказам тех, кто видел матчи американского футбола, там действительно разрешено все — и удары кулаком в голову, и удары головой в живот, и подножки. Я хотел узнать, что же все-таки запрещено в этой игре, но так и не выяснил. Короче говоря, американский футбол так же похож на регби, как драка на бокс.

Джеймсу Нейсмиту не нравилась игра, которая калечила тела спортсменов и души зрителей. И он решил придумать игру, в которой играли бы, а не дрались.

Итак, дано: крохотный зал; требуется: изобрести игру, во-первых, интересную и увлекательную, дабы могла она заменить студентам Спрингфилда милый их сердцу футбол; во-вторых, джентльменскую по своему духу. Какой, наверное, невероятно сложной казалась Нейсмиту цель, которую он хотел достичь! И какой скромной оказалась она в сравнении с той, которую он достиг! Я представляю, какое счастье испытал старый Джеймс Нейсмит, когда в 1936 году — 45 лет спустя после того, как сыгран был первый баскетбольный матч, — он присутствовал в Берлине на первом олимпийском баскетбольном турнире.

Прошло совсем немного времени, и баскетбол стал таким же популярным, как и американский футбол, не только в Спрингфилде, но и во всей стране. Но ведь американский футбол называют американским, наверное, еще и потому, что популярен он только в Америке. Баскетбол же сейчас значится в тройке самых распространенных в мире видов спорта: больше стран — да и то ненамного, — чем баскетбольная федерация (в 1969 году в ней было 127 членов), объединяют лишь легкоатлетическая и футбольная. По количеству зрителей баскетбол уступает лишь футболу.

...Я не знаю, есть ли еще какая-нибудь игра, в которой судьи заменяли бы свисток стартовым пистолетом. На матчах в Риге и в Каунасе, в Таллине и в Тарту, в Ленинграде и Тбилиси даже мы, игроки,

находясь в двух-трех метрах от судей, не слышали их свисток.

...Люди моего возраста — те, которым сейчас под сорок, — наверное, помнят, что до шейка, твиста и рок-н-ролла, в дни их юности мир танцевал буги-вуги. Танец этот родился в США во время одного из баскетбольных матчей. Пришедшие в экстаз зрители стали проделывать то, что затем было названо буги-вуги.

...Самая кассовая в мире команда — баскетбольная, «Гарлем Глобтроттерс». Самые высокооплачиваемые в мире профессиональные спортсмены — баскетболисты. С Лью Алсиндором был заключен контракт на 1 миллион долларов.

На Олимпиаде в Токио Уиллард Хаззард, защитник сборной США, сказал мне: «В свой последний час я хотел бы играть в баскетбол!..» Мне очень жаль, что это сказал Хаззард, а не я. Я был бы горд, если бы эти слова были сказаны мною...

Да, баскетбол великолепная игра. Всем хорош баскетбол, но...

Жарко, очень жарко: градусов сорок, наверное. А там, в Тетри-Цкаро, сейчас прохладно. И мама ждет, она его всегда ждет. Эх, махнуть бы сейчас туда! Но 50 километров... дорога отвратная... автобусы набиты битком... Он никак не может решить, ехать ему все-таки в горы или оставаться в Тбилиси.

И тут Сергей Магалашвили увидел Льва Дзеконского. Тренер тбилисской женской команды мастеров ГПИ нежно протирал тряпкой бока новенькой, только что купленной «Волги».

— Лев Викторович, скажи, пожалуйста, дорогой, куда сестру послать — в Москву или в Ригу?

— А что такое? — вежливо, но рассеянно спрашивает Дзеконский: ему не до Магалашвили, не до его сестры, которой он ни разу в глаза не видел.

— Понимаешь, Лев Викторович, она у меня хотя и молодая — восемнадцать ей, — но длиннющая. Вот так мне будет, — Сергей тычет пальцем в подбородок, затем, подумав, еще чуть-чуть поднимает руку. — Хочу, чтобы она, дура, тоже в баскетбол играла. Так не посоветуешь, Лев Викторович, куда ее послать — в Ригу, к Алтбергу, или в Москву, к Хаймову?

Дзеконский весь преобразился, лихорадочно работает мысль. «Восемнадцать — это, конечно, не очень молодая. Но у этого дылды 206 сантиметров росту — значит у его сестры за 190, а может, и под два метра! Что же он раньше молчал? Где она?»

— Послушай, Сережа. А зачем в Москву? Зачем в Ригу? Разве я плохой тренер? И что тебе — команда наша не нравится? Давай ее мне! И с сестрой расставаться не надо будет, в одном городе будете играть.

— Я не думал, Лев Викторович, что ты ее возьмешь. Глупая она и молодая.

— А где она, Сережа? Можем ее увидеть сейчас?

— Сейчас нет: в горах она сейчас, 50 километров отсюда. Как-нибудь в другой раз.

— Зачем в другой? Я тебя отвезу туда и обратно, — Дзеконский кивнул головой на «Волгу».

— Дорога плохая, Лев Викторович, — честно предупредил Сергей.

Он позволил уговорить себя. Одноклубники Магалашвили, тбилисские динамовцы, от которых я узнал эту историю, рассказывали, что, увидев сестру Сергея, Дзеконский едва не потерял сознание: росту у той было никак не больше 160 сантиметров. Магалашвили огорченно и удивленно посочувствовал тренеру:

— Скажи пожалуйста, когда уезжал, высокая была...

А в другом варианте он будто бы успокаивал Дзеконского:

— Лев Викторович, она молодая, еще вырастет!..

Магалашвили действовал наверняка. Он добился бы своего, даже если бы до обещанной им великанши надо было проехать не 50, а 5 тысяч километров: Дзеконский, как, впрочем, и любой другой баскетбольный тренер, тотчас собрался бы в дальний путь. Коллега Дзеконского москвич Давид Берлин, узнав, что где-то под Воркутой живет девушка ростом под 190 сантиметров, не мешкая, вылетел туда. Берлину повезло больше, чем Дзеконскому: его не обманули. Два года кропотливейшей работы, и Нелли Бильмайер стала очень и очень хорошей баскетболисткой — одной из лучших в стране.

Рассказами о том, как баскетбольные тренеры ищут великанов и уговаривают их стать баскетболистами, можно было бы заполнить всю книгу. В поисках спортсменов все тренеры много ездят по стране, баскетбольные тренеры — особенно. Скажем, футбольные или хоккейные тренеры ищут сложившихся игроков или игроков, из которых, судя по всему, выйдет толк, баскетбольные — и тех, и других, и просто очень высоких людей.

Да, великолепен баскетбол, всем он хорош, но только несправедлив он — вот в чем дело. Джеймс Нейсмит, надо полагать, не хотел насолить людям маленького и среднего роста, но, укрепив корзину в 305 сантиметрах от пола, насолил им изрядно.

Ну, скажет даже тот читатель, который не очень интересуется баскетболом, сейчас начнется про то, что нам давным-давно известно: про то, что баскетбол был специально придуман для великанов, — избитая тема, надоело уже...

Согласен, все это так. И все-таки я не могу не сказать об этой особенности баскетбола: в противном случае не понять, как живется в баскетболе людям маленького, среднего и даже не очень высокого роста. Нет вида спорта несправедливее, чем баскетбол, — это истина тоже избитая: статей о трагедии баскетбола написано предостаточно. Но вот о трагедии баскетболиста — человека, полюбившего эту игру, мне что-то читать не доводилось... Нет, нет, говоря о трагедии, я не сгущаю краски. Для очень многих людей баскетбол, как, впрочем, и любой другой вид спорта, не пустячок, которому отдают свободное от серьезных дел время. Но во всех видах спорта, как и в любой сфере человеческой деятельности, все зависит от самого человека, от его способностей, от желания и стремления добиться намеченной цели.

Талант плюс трудолюбие делают человека звездой в футболе, боксе, фехтовании — звездой где хотите, но только не в баскетболе. В баскетболе формула успеха выглядит иначе: «Талант + трудолюбие + + рост». Причем вначале рост, а уже затем талант и трудолюбие. Вспомните-ка, Дзеконский и Берлин стремглав бросились приглашать в очень и очень

сильные команды девушек, о таланте и трудолюбии которых им ничего не было известно.

Ну, а предположим, что в одном случае Дзеконскому, в другом Берлину сказали, что где-то живет девушка, которая очень любит баскетбол, талантлива и трудолюбива, но только ростом не вышла. Не думаю, что они, тотчас оставив все свои дела, бросились бы приглашать ее: талант — это нечто не очень конкретное, и не изобретены еще единицы измерения трудолюбия. В баскетболе вопрос стоит так: вначале рост, и чем больше сантиметров — тем лучше, а затем уже талант и трудолюбие.

Первую пощечину от баскетбола, первый урок несправедливости получают девочка или мальчик в детской секции. Он — или она — всей душой любит баскетбол, старается из всех силенок, но видит, что тренер относится к нему так себе, что у тренера в почете тот, который не очень любит и не очень старается, а в почете только потому, что ростом удался... А ведь бывает и так, что тому, кто спит и видит себя баскетболистом, указывают рукой на дверь, а верзилу, у которого у душа-то к баскетболу не лежит, упрашивают остаться в секции.

Александра Канделя и Тыну Лепметса очень хорошо знают и баскетболисты, и те, кто любит баскетбол. Будь тот и другой сантиметров на пять-шесть выше, их очень хорошо знали бы и любители спорта, как знают они, скажем, Яниса Круминьша. Ничего худого не хочу сказать о большом человеке и большом спортсмене; он честно заработал свою славу. Но еще за два-три года до того, как спортивный мир узнал Круминьша, латыш-великан и не примерялся к славе баскетболиста; больше того, он — один из очень и

очень немногих латышей — и сном и духом не ведал о баскетболе. Ему было 23, когда его позвали в баскетбол — позвали потому, что от пят до макушки у него было 218 сантиметров.

Круминьша стать баскетболистом упрашивали и — с большим трудом — упросили. Кандель и Лепметс, стиснув зубы, старались в поте лица своего. Они талантливы и трудолюбивы, но для полного счастья им не хватило по пять-шесть сантиметров... А ведь малышами Канделя и Лепметса не назовешь: рост у обоих под 195 сантиметров. Представьте, каково же приходится в баскетболе людям среднего роста. И в каком, спрашивается, еще виде спорта благополучие человека прямо пропорционально не его таланту и трудолюбию, а росту?

Да, прямо пропорционально. Многие получили от баскетбола больше, чем должны были получить. Круминьш сполна отработал аванс. Но ведь были среди баскетболистов и такие, которые и талантами особыми не блистали, и работать не любили, а годами ходили в преуспевающих — потому только, что ростом удались.

— Арменак, здесь надо назвать одного-двух из тех, кто так и остался у баскетбола в должниках.

— Ни в коем случае! Должники не виноваты, виноват баскетбол. О несправедливости баскетбола я и хотел рассказать. Разве мы рассказали неубедительно?

— Может быть, и убедительно. Но с фамилиями убедительнее.

— Нет, не хочу! Мы пишем о живых людях. У них тоже трагедия, они — по-своему, конечно, — тоже несчастливы. Несладко жить в долгу, даже если живешь на широкую ногу. Они-то знают, что о них думают другие... И давай сразу же договоримся: пусть книга будет хуже, чем она могла бы быть, но с фамилиями поосторожнее — мы пишем о живых людях.

Просчет Джеймса Нейсмита — если это можно назвать просчетом — пытались исправить не раз. Законодатели баскетбола запретили игроку (читай — великану) касаться мяча в воображаемом цилиндре, нижним основанием которого является кольцо. Другим параграфом баскетбольного кодекса игроку возбранялось находиться в трапеции под щитом соперника дольше трех секунд (это правило тоже ударило в первую очередь по великанам, ибо это они, как правило, завершают атаки из-под щита). Но, несмотря на эти и кое-какие другие меры, баскетбол по-прежнему благоволит к тем, кто ростом повыше.

Считая, что положения, при котором малыши сумели бы иметь разные с великанами права, не достичь, многие предлагали — и предлагают до сих пор — ввести ростовые категории. Пусть, мол, будет два баскетбола: один для тех, кто ростом не выше, скажем, 180 сантиметров, другой — для великанов. Ну что ж, в логике этому предложению не откажешь. Кто бы знал Али Алиева, Ласло Паппа, Томми Коно, если бы в борьбе, боксе и штанге не было весовых категорий?

Однако же ФИБА (Международная федерация лю-

бительского баскетбола), от которой зависит решение этого вопроса, не торопится вводить ростовые категории. Почему члены высшего баскетбольного органа относятся к идее ростовых категорий без всякого энтузиазма, не знаю. Но если бы решение этого вопроса зависело от меня, я тоже проголосовал бы против ростовых категорий.

...В период с 1960 по 1966 год минимум две-три советские команды превосходили ЦСКА ростом своих самых высоких игроков. Однако ЦСКА в ту пору легче легкого побеждал в чемпионатах страны.

Тартуский «Калев» — одна из самых маленьких, если даже не самая маленькая наша команда: в распоряжении Ильмара Куллама, тренера эстонских баскетболистов, нет ни одного двухметровика. Но, несмотря на это, в активе «Калева» значится по многу побед над сильнейшими нашими командами. На Спартакиаде народов СССР 1967 года сборной Эстонии — тому же «Калеву» — досталось второе место. Два года спустя «Калев» занял четвертое место в чемпионате страны, причем очков у него было столько же, сколько и у третьего призера.

И наконец, в традиционных матчах между малышами и великанами — матчи эти ежегодно проводятся в США — с небольшим преимуществом в счете побеждают то одни, то другие, причем малыши побеждают чаще.

Я не собираюсь утверждать, что у великанов нет преимущества над людьми обыкновенного роста: нельзя доказать недоказуемое. Но я утверждаю, что свои преимущества есть и у малышей. Если говорить о правиле, а не об исключениях, человек невысокого роста превосходит великана в выносливости (не случайно ведь большинство марафонцев и ходоков невелики ростом), а надо ли говорить, что баскетбол с его изнурительными рывками требует колоссальнейшей выносливости. К тому же у малышей реакция получше; и это качество очень важно, ибо и пас своему партнеру, и перехват чужого паса, и умение мгновенно оценить обстановку — все это зависит от быстроты реакции. Наконец, у человека невысокого роста выше скорость, особенно стартовая. А баскетбольный матч — это серия спуртов с мячом и без мяча.

Уж не собираюсь ли я доказывать, что малыши играют в баскетбол лучше, чем великаны? Нет. Спор на эту тему — кто сильнее, малыши или великаны — никчемный. Но я уверен, что при всех прочих равных и команда великанов, и команда малышей будут побиты командой, укомплектованной малышами и великанами. Во всяком случае, насколько мне известно, ни в одном турнире не побеждала команда, все игроки которой были бы великанами, как не побеждала и та, в составе которой были одни малыши.

Но читателя, надо полагать, интересует другой вопрос. Не противоречит ли только что сделанный мною вывод утверждению о трагедии человека в баскетболе? Нет. Мальчик в секции играет лучше, чем его высокий сверстник, но тренер благоволит к последнему. Кандель и Лепметс играют лучше — не «могут играть лучше», а «играют лучше»! — многих из тех, кто всегда котировался выше, чем они. Иными словами, в баскетболе происходит то, что немыслимо ни в одной другой игре, ни в одном другом виде спорта.

А дело вот в чем. Достоинства великана очевидные, достоинства малыша скрытые. Логика тренера:

теоретически великана можно обучить тому, что умеет делать малыш; малыш же не вырастет, и, стало быть, достоинствами великана никогда обладать не будет. Да и тогда, когда тренер имеет дело с окончательно сложившимися баскетболистами — то есть тогда, когда возможности человека уже выяснены, — тренер зачастую руководствуется не качеством игры, а количеством сантиметров. Ничего не поделаешь, дает себя знать гипноз роста. Если проигрывает команда, в которую пригласили великанов, одним упреком в адрес тренера будет меньше, да и сам тренер сочтет, что он сделал все возможное. Если проиграет команда, в которую вместо великана пригласили баскетболиста посильнее, но пониже ростом, тренер затем будет долго проклинать себя.

Гипноз сантиметров — профессиональная баскетбольная болезнь... У очень и очень немногих есть иммунитет против нее. Если бы мне сказали, что где-то за тридевять земель живет молодой, отлично сложенный парень ростом в 215—220 сантиметров, я бы тотчас отправился за ним. И несказанно огорчился бы, узнав, что кто-нибудь из моих коллег уже опередил меня... Огорчился бы, но не удивился.

Из всех видов спорта ему противопоказан только один — именно тот, которым он занимался. К человеку ростом в 174 сантиметра баскетбол довольно-таки прохладно относился в 1947 году и крайне недоброжелательно в 1967. Когда мы читаем, что за какое-то время выросли, к примеру, футболисты или хоккеисты, мы отлично понимаем: о росте автор говорит

в переносном смысле слова. О росте баскетболистов надо писать осмотрительнее, ибо пишущего могут понять неправильно: баскетболисты растут и в самом прямом смысле слова.

Когда Алачачяна впервые пригласили в сборную СССР — это было в 1953 году, — рост самого высокого игрока команды равнялся 190 сантиметрам. Когда 12 лет спустя он провел свой последний матч в сборной СССР, до среднего роста команды ему не хватило 21 сантиметра, а самый высокий игрок был выше Алачачяна почти на 40 сантиметров. За те 20 лет, которые прожил в большом баскетболе Арменак Алачачян, он, не потеряв ни одного сантиметра, становился все ниже и ниже. В 1967-м 190-сантиметровых защитников было больше, чем в 1947-м центровых такого роста.

Я тоже не согласен с тем, что баскетбол игра, специально придуманная для великанов. Я тоже убежден в том, что малыши не то что нужны — необходимы баскетболу. Я мог бы доказать, что со временем в баскетболе малышам житься будет не хуже, чем великанам.

Но в данном случае не то важно, справедлива или несправедлива такая оценка вещей, важно то, что не теоретически, а практически жизнеспособность малышей в баскетболе доказали очень и очень немногие. И самые убедительные доказательства были найдены Арменаком Алачачяном.

Можно доказывать, что со временем баскетбол одумается и перестанет делить своих подданных на великанов и малышей, а будет так же, как,

к примеру, футбол, делить их на игроков хороших и плохих. Но нельзя закрывать глаза на то, что в ту пору, когда жил в баскетболе Алачачян, малыши вымирали. Виртуозам, умеющим в баскетболе все и вся, тренеры предпочитали двухметровых великанов.

Мой герой, разумеется, выиграл бы в ваших глазах, если бы я сказал, что кое-кто из знатоков отказывал ему в праве именоваться большим игроком на том только основании, что ростом он был мал: назло, мол, всем добился своего. Но, сделав такое заявление, я погрешил бы против истины. Почти все баскетбольные тренеры помешаны на великанах, но не помню, чтобы кто-нибудь из них, признав достоинства Алачачяна, сочувственно или сожалеюще присовокупил бы к сказанному: «Только плохо вот, что мелковат...»

Алачачян, конечно же, не умел делать многое из того, что делают на площадке великаны: он не укладывал мячи в корзину сверху, не умел «закрывать» центровых соперника. Но, скажем, в борьбе за отскочившие от щита мячи, где рост имеет едва ли не решающее значение, Алачачян изрядно преуспевал: недостающие сантиметры ему заменяли тонкое чутье, великолепная реакция и превосходная стартовая скорость. В искусстве подстраховки, в умении дать пас Алачачян не знал равных себе.

Порой случается так, что о тех или иных достоинствах игрока мы узнаем тогда, когда он, этот игрок, перестает играть. На моей памяти ЦСКА распрощался со многими большими баскетболистами. Всякий раз после этого у команды менялся рисунок игры. После ухода Алачачяна рисунок этот был искажен до неузнаваемости. В чемпионате 1968 года команда пыталась играть на высоких скоростях — так, как она играла прежде, — пыталась, но не могла. Мы знали, что Алачачян — спринтер от баскетбола, догадывались, что заставлял команду бежать Алачачян. Но в уверенность догадка переросла лишь после того, как Алачачян ушел: команда, которая всегда бежала, вдруг «села».

...После Олимпиады в Мехико я как-то разговаривал с Александром Гомельским, тренером сборной СССР. Говорили мы о поражении команды от югославских баскетболистов. И вдруг, скорее себе, чем мне, Гомельский сказал с досадой:

— Чего простить себе не могу, так это того, что не взял в Мехико Арменака!..

Два маленьких комментария. Алачачян перестал играть за год до Олимпиады. В ту пору, когда мы разговаривали с Гомельским, он в силу ряда причин относился к Алачачяну довольно сдержанно.

- **ДА ЗДРАВСТВУЮТ ФАНАТИКИ!**
- **«...ВЫДАЮЩИЕСЯ СПОРТСМЕНЫ ПОЯВЯТСЯ».**
- **ПОМОГИТЕ ТРЕНЕРУ!**

Моим первым тренером был Константин Никитович Вартанян — тот самый Вартанян, который не позволил мне уйти из института, когда я, отчаявшись,

решил было поставить крест на высшем образовании, тот самый Вартанян, который затем вместо меня решил, кем мне быть — баскетболистом или футболистом. Его, помнится, полушутя-полусерьезно называли армянским Нейсмитом.

Понятно, почему назвали русским Нейсмитом Степана Васильевича Васильева. В 1906 году молодому петербуржцу удалось провести первый в России матч по баскетболу. Ну, а можно ли назвать Нейсмитом Вартаняна? Ведь баскетбол был, так сказать, переведен на армянский язык задолго до него. Известная натяжка в таком сравнении есть, но она оправдана: не Вартанян познакомил Армению с баскетболом, но Вартанян открыл армянский баскетбол для нашей страны. До Вартаняна баскетбол влачил в республике довольно жалкое существование. А в 1952 году на чемпионате страны ереванский СКИФ занял восьмое место, весьма почетное для команды такой небаскетбольной республики, как Армения.

Вартанян был больше, чем просто тренером этой команды. Всеми правдами и неправдами добивался он уважительного отношения к баскетболу. Полагая, что за давностью лет Вартаняна не будут привлекать к ответственности, раскрою его преступление. Завуч инфизкульта, он, пользуясь своим служебным положением, помогал баскетболистам поступать в институт. Для того чтобы стать студентом института, надо было желание учиться там плюс умение играть в баскетбол. Небаскетболисты поступали на общих основаниях. Баскетболистам он делал всевозможные поблажки, помогал им, но на тренировках относился к нам прямо-таки беспощадно. Между прочим, не-

сколько лет спустя он мне сказал, что, если бы я выбрал футбол, он все равно настоял бы на своем. И, знаете, наверное, настоял бы: любил он баскетбол безмерно, а энергии у него хватило бы на двоих.

Кончался учебный день — все преподаватели по домам, а Вартанян — на тренировку. В ту пору, когда я учился в институте, он все свои отпуска провел в спортзале. За тренерскую свою нелегкую работу Константин Никитович не получил и рубля. В общем, именно таких, как он, и называют фанатиками баскетбола.

Разумеется, в молодости Вартанян играл в баскетбол. Но он не был ни выдающимся, ни даже просто хорошим игроком. Как раз фанатиками чаще всего становятся именно они, немногого добившиеся. Чем объяснить эту закономерность, не знаю (может быть, тем, что безответная любовь, любовь без взаимности прочнее и долговечнее любви счастливой?), но факт остается фактом: очень многие из тех, кто преуспел в баскетболе, забыли о нем едва ли не на следующий день после того, как кончили играть, очень многие из тех, кого баскетбол не одаривал своими ласками, продолжают хранить ему верность.

У меня в Каунасе есть добрый знакомый — Александрас Ракаускас. Как и все литовцы, он прошел через баскетбол. Наверное, мечтал о славе Витаса Кулакаускаса, Стяпаса Бутаутаса и Винцаса Серцявичуса. Увы, надеждам его не суждено было сбыться. Он закончил институт, стал научным работником и преподавателем: кандидат технических наук, он преподает в крупнейшем вузе Прибалтики — в Каунасском политехническом институте. Но с баскетболом

он не распрощался. Ракаускас тонкий знаток баскетбола: его выбрали председателем Каунасской городской федерации баскетбола, с его мнением считаются и тренеры команд высшей лиги, которые, как известно, знают толк в баскетболе. Читатели «Советского спорта», наверное, встречали на страницах газеты репортажи о баскетболе, подписанные: «А. Ракаускас». Знание баскетбола, любовь к нему сделали кандидата технических наук Александраса Ракаускаса общественным корреспондентом газеты.

А вот еще с одним фанатиком баскетбола — Зайнедином Сометдиновым — мне, к сожалению, познакомиться не удалось: он живет вдали от больших баскетбольных трактов — в Хороге. В этом городе, который лежит на полпути от земли к небу, еще сравнительно недавно о баскетболе имели такое же представление, какое имеют москвичи об игре Американского континента — бейсболе или, скажем, жители Нью-Йорка о гуштингири, национальной борьбе таджиков — короче говоря, на «Крыше мира» знали, что такое баскетбол, но ни разу его не видели. А сейчас, мне рассказывали, баскетбол на Памире — вид спорта № 2 — вслед за гуштингири. Произошло это благодаря Сометдинову. В конце пятидесятых годов уроженец Хорога учился в Душанбе. Окончив институт, он вернулся в родные края и вместе с дипломом специалиста привез с собой баскетбол (пожалуйста, еще один Нейсмит!). В течение многих лет Сометдинов, который полюбил баскетбол, был единственным на Памире тренером, единственным судьей и вообще единственным человеком, который знал правила этой мудреной игры. Через три года после его возвращения за звание чемпиона Горно-Бадахшанской области спорили четыре команды — две из Хорога, по одной из Шангана и Ванча.

Василий Никитович Нефедкин живет в Кишиневе. Он председатель республиканской федерации баскетбола, не номинальный председатель, а работающий — и хорошо работающий. Управляющий трестом «Инждорстрой» (это крупнейшее в республике строительное предприятие), человек, у которого работы по горло, находит время и для баскетбола, находит, потому что баскетбол ему не в тягость. Он не из тех меценатов, которые учат тренера, каким составом и по какой тактике надо играть. Он не учит их тому, что они знают лучше его. Он помогает им делом. Стараниями Нефедкина в Кишиневе построено несколько баскетбольных баз. Таким меценатам, как Нефедкин, честь и хвала!

У нашего баскетбола — как, впрочем, и у любого другого вида спорта — много таких фанатиков, как Александрас Ракаускас, Зайнедин Сометдинов, Василий Никитович Нефедкин. Я все время называю их фанатиками не только потому, что хочу подчеркнуть их огромную любовь к спорту. Любят спорт и болельщики. А людей, подобных Ракаускасу, Сометдинову и Нефедкину, я как раз и не хотел бы смешивать с болельщиками. Я люблю болельщиков — больше того, я отдаю себе отчет в том, что если бы не было их, болельщиков, зрителей, не было бы и нас, спортсменов. Но вместе с тем мне не хотелось бы одним и тем же словом называть тех и других.

Болельщики относятся к спорту потребительски. Любовь к спорту и спортсменам у многих из них ужи-

вается с высокомерным отношением к спорту и неуважительным — к спортсменам. А вот те, кого я называю фанатиками, относятся к нашему делу так, как относимся к нему мы сами. Потому что фанатики, даже те из них, кто не жил в большом спорте, хорошо знают наши горести, трудности, радости — хорошо знают, какова она, жизнь спортсмена. Они не умиляются спортсменами, но и не похлопывают их по плечу. Если я восторгаюсь тем, к чему следует относиться как к нормальному явлению, то только потому, что во взаимоотношениях со спортсменами далеко не все ведут себя должным образом.

Но я невольно отвлекся. Главное, чем отличаются болельщик и фанатик, — это отношением к спорту. Фанатики не просто любят спорт, они знают его, бескорыстно преданы ему и, что особенно важно, свою любовь и преданность не декларируют, а доказывают на деле. Для них спорт не только удовольствие, для них он еще и работа — да, да, не хобби, а работа, — работа, которой они отдают все свое свободное время.

Вернемся, однако, к тем, кто отдает спорту все свое время, не деля его на свободное и несвободное, вернемся к тренерам. Со многими мне довелось работать после Вартаняна, многих повидал и узнал я за те долгие годы, которые провел на баскетбольной площадке. Были среди них и первоклассные специалисты, и просто хорошие, были середнячки, были и неудачники. Но не было среди них — почти не было — таких, которые равнодушно относились к своему делу. Тренерская работа не для тех, которые работают от сих и до сих. Я не знаю, есть ли работа тяжелее тренерской, неблагодарнее тренерской. Но я не знаю, кто еще тащит свою нелегкую ношу с таким огромнейшим желанием, как тренеры, не знаю, кто еще любит свое нелегкое ремесло так, как его любит тренер.

Но обо всем этом — о трудностях и неблагодарности работы тренера, о любви к своей трудной и неблагодарной работе, — следует рассказать подробнее: только таким путем можно добраться до ответа на вопрос о том, что это такое — тренер.

Прежде чем перейти к рассказу, я попрошу вас забыть о том, что автор и сам является тренером. Боязнь того, что читатель, скажем, сочтет хвастовством, саморекламой похвалы в адрес тренеров, заставили бы меня соответствующим образом корректировать все время свой рассказ, в результате чего неминуемо была бы искажена истина (истина, какой она представляется мне). В общем забыл я — забудьте и вы, благо тренер я начинающий, не заслуженный — и в прямом, и в переносном смысле слова — и, следовательно, могу еще говорить о тренерах в третьем лице — не о нас, а о них.

Однажды мне в течение примерно пятнадцати минут довелось слушать разговор нескольких футбольных болельщиков. Я поймал себя на том, что не без удовольствия прислушиваюсь к одному из них и както автоматически зафиксировал, что он знает футбол если не очень хорошо, то, во всяком случае, довольно неплохо. Памяти его можно было позавидовать: он то и дело вспоминал матчи, сыгранные давным-давно. Оценки, которые он давал игрокам, были довольно точными. Мне очень понравилось, что я так и не сумел, хотя и хотел, угадать, за кого же он болеет: он одинаково тепло говорил о футболистах, игравших

в разных командах; понравилось, потому что объективный болельщик — исключение, очень приятное исключение.

А потом, он, этот симпатичный болельщик, сказал одну-единственную фразу, услышав которую я понял: он хорошо знает всевозможную футбольную информацию, он знает то, что называют футбольной статистикой; что же до самого футбола, до его сути...

— Киевское «Динамо» действительно превосходная команда, — милостиво согласился он с одним из собеседников. — Но при чем тут Маслов? Все дело в подборе игроков!

Не буду задавать риторические вопросы — такой, например: «А кто же осуществляет этот самый подбор игроков?» Мне хочется обратить внимание на две детали. Первая: ни один из собеседников этого, с позволения сказать, эрудита не поднял его на смех, даже не возразил ему. Деталь вторая: под сомнение была поставлена причастность к успехам команды одного из лучших футбольных тренеров страны. Ну если такое говорится о Викторе Маслове, то можно представить себе, что и как говорят о тренерах хороших, но похуже Маслова, или о таких же хороших, как и он, но не сумевших по причинам, не от них зависящих, добиться таких результатов, каких добилась команда Маслова.

Но, может быть, это частный случай, и у меня поэтому нет оснований делать сколько-нибудь категоричные выводы? Увы, примеров, подобных этому, я мог бы привести более чем достаточно из любого вида спорта.

Но в конечном счете важна не констатация факта, важна причина, в силу которой этот факт — факт

крайне неуважительного отношения к работе тренера — наличествует. И это потому, что для очень многих людей, в том числе и для тех, кто искренне любит спорт, спорт представляется занятием крайне несерьезным: это, мол, нечто такое, что и мы при желании могли бы освоить, но только вот желания этого в свое время не было, а теперь уже поздно.

Вполне логично и то, что к спортсмену и тренеру относятся неодинаково. Даже тот, кто похлопывает спортсмена по плечу, отдает себе отчет в том, что он не сумеет сделать того, что делает спортсмен. Даже если ты на 20 килограммов тяжелее Куренцова, тебе не совладать с той штангой, которую он поднимает шутя-играючи. Стань в футбольные ворота — ты почувствуешь себя крайне неуютно и еще в большей степени подивишься мастерству Яшина. Попробуй метров с шести-семи в спокойной обстановке, когда тебе никто не мешает, забросить мяч в баскетбольную корзину — не швырнуть мяч по направлению к корзине, а забросить его туда. То, что делают спортсмены, происходит НА ГЛАЗАХ у зрителя, он ВИДИТ все это и даже без только что предложенных экспериментов понимает, что ему это не по плечу.

Работу же тренера зритель НЕ ВИДИТ. Ну, а если он не видит, что и как делает тренер, ему остается судить об этой работе предположительно. Работа тренера ассоциируется с работой учителя. Но учитель-то, который учит, скажем, грамотно писать, умеет писать грамотнее, чем его ученики. А тренер ведь тоже не поднимет куренцовскую штангу, тоже не возьмет тот мяч, который берет Яшин, — так как же он может научить чему-то, если это что-то сам делать не умеет? Нет, нет, не зря ведь говорят: «Дайте ему выдающе-

гося спортсмена — он станет великим тренером...» Остроумно, не правда ли? А справедливо ли — вот в чем вопрос.

...Почему Горький считается одним из фехтовальных центров страны? Традиция? Верно. Но с чего началась эта традиция? Ведь в Горьком и в ту пору, когда назывался он Нижним Новгородом, мушкетеры не жили. Традиция началась после того, как в город приехал ТРЕНЕР Юрий Казанджян.

...Воскресенск — город небольшой, даже в той же Московской области есть города покрупнее. И для хоккея условия тамошние идеальными не назовешь: есть в стране города, где зима длиннее. Почему же «Химик» стал хоккейным гроссмейстером? Потому что приехал туда ТРЕНЕР Николай Эпштейн.

...Бердичев невелик даже в сравнении с Воскресенском. Я не знаю, есть ли там хорошие боксеры, бегуны, баскетболисты, футболисты. Но я знаю, что в этом городке есть превосходные прыгуны в высоту. Не потому ли, что в одном городе с ними живет ТРЕНЕР Виктор Лонский?

...Почему именно Воронеж, а, скажем, не Курск или Брянск дал стране гимнасток высокого класса, а не велосипедистов или пятиборцев? Наверное, потому, что в Воронеже, а не в Курске или в Брянске работает ТРЕНЕР Юрий Штукман, который является большим специалистом не в велоспорте и пятиборье, а именно в гимнастике, в женской гимнастике.

...В Грузии, где не было ни одного мужчины, — гроссмейстера по шахматам, вдруг появляется Нона Гаприндашвили, а потом — опять-таки вдруг — Нана Александрия. Не вдруг, а закономерно: в Тбилиси жил и работал ТРЕНЕР Вахтанг Карселадзе.

...Классными борцами у нас трудно удивить. А маленькая, крохотная Чурапча из Якутии удивила — стараниями ТРЕНЕРА Дмитрия Коркина.

...Было время, волейболистов Алма-Аты не знали даже специалисты от волейбола. А потом появился ТРЕНЕР Октябрь Джарылкапов, и о «Буревестнике» из Алма-Аты заговорили в превосходной степени.

Каждый из этих тренеров начинал от нуля — Казанджян и Карселадзе в городах, где их виды спорта были не в особом почете, остальные — в городах и городках, которые и вовсе спортивными не назовешь. Условия для работы у них были не ахти какие, у них не было — по крайней мере, на первых порах — талантливых помощников, и, уж конечно, никто не давал им в ученики выдающихся спортсменов — дабы могли стать они великими тренерами. Право же, в интересах истины следует переделать афоризм «Дайте ему выдающегося спортсмена — он станет великим тренером». «Найдите великого тренера — выдающиеся спортсмены появятся» — может быть, и неостроумно, но зато верно. Я думаю — нет, не думаю, я уверен: попади, скажем, Коркин в Воскресенск — тут же выяснилось бы, что в этом городе живут не только очень хорошие хоккеисты, но и вполне возможные чемпионы по борьбе.

А разве не достоин уважения труд тысяч и тысяч тренеров, которые учат детей управлять своим телом, учат их бороться через не могу и уважать соперника, учат их побеждать красиво, а проигрывать с достоинством? Эти невеликие тренеры делают великое дело: они дают человеку первый урок спорта, это благодаря им спорт становится второй привычкой человека. Это с них начинается и любовь к спорту, и

большой спортсмен. Тот человек, который за руку привел будущую звезду в спортзал, сделал для него, для всего нашего спорта огромнейшее дело.

Порой приходится слышать, читать: имярек родился звездой. Ну что ж, верно: без таланта в спорте, как, впрочем, и в любой другой области человеческой деятельности, вершин не достичь. Но верно и то, что звезда никогда не взойдет, так сказать, в порядке самодеятельности.

Почему, скажем, в крохотной Эстонии именитых спортсменов больше, чем в огромном Казахстане? Ведь наверняка если не в процентном, то уж в количественном отношении в Казахстане самородков куда больше, чем в Эстонии. Да потому, что в Эстонии тренеров — и очень хороших, и средних — значительно больше, чем в Казахстане. Причина эта, разумеется, не единственная, но одна из главных. Быть может, даже самая главная.

Неприятно, конечно, что к тренерам столь неуважительно относятся рядовые любители спорта, но это горе можно было бы пережить. Гораздо хуже, что полнейшее непонимание в этом вопросе проявляют и многие меценаты, от которых зависит судьба тренера, и — что особенно печально — даже иные спортивные руководители.

Разумеется, положение тренера изменилось в лучшую сторону (оно не могло не измениться), но «лучше, чем было» еще не значит «благополучно». А о благополучии говорить еще рано... Как и прежде, к спортсмену относятся уважительнее, чем к тренеру. Это проявляется и в мелочах, и в делах весьма серьезных.

Хорошо, что лучшим тренерам стали присваивать звания заслуженных тренеров республик и страны. Плохо, что тренерам тех спортсменов и команд, которые заняли в чемпионате призовые места, по-прежнему не вручают медалей. Мелочь? Да, но очень важная. Медаль имеет, так сказать, моральную ценность: ею награждают за победу. Следовательно, к победе спортсмена или команды тренер не имеет никакого отношения. У того набитого до краев футбольной информацией болельщика формально были основания считать, что Маслов для победы киевского «Динамо» сделал меньше, чем, скажем, Турянчик: Турянчик-то получил медаль, а Маслов — нет. Это тем более обидно, что на чемпионатах Европы и мира, на Олимпиадах тренеров — во всяком случае, в командных видах спорта — медалями награждают.

Но я готов признать, что медаль мелочь, не заслуживающая того, чтобы о ней упоминали, потому что очень часто авторитету тренера наносится куда более серьезный урон. Причем как раз теми, кто, по идее, должен был бы заботиться об авторитете тренера.

Тренер принял решение — его отменяют. Тренер захотел взять в руки возомнившего о себе игрока, поведение которого явно вредит команде, — дальше желания дело не пошло. «Звезде» не по нраву тренер — и вот это-то желание как раз и осуществляется. Команда сыграла хуже, чем должна была сыграть, по мнению того, кто вправе решить судьбу тренера, — и судьба последнего решена. А ведь порою неудачи команды объясняются именно тем, что тренеру ставил палки в колеса именно тот человек, который затем и освобождает тренера от работы. Ну, ладно, это част-

ный случай. Но отставка — разумеется, вынужденная — тренера команды, занявшей невысокое место, — явление обычное. Тренер, проработавший на одном месте лет пять-шесть, считается старожилом. Уволить тренера, даже если на то нет сколько-нибудь уважительной причины, пара пустяков. Никого не увольняют так часто, как тренеров. Учитель или, скажем, инженер, уволенный самодуром, имеет право обжаловать это решение в суде. Теоретически, видимо, имеет это право и тренер. Но я что-то не слышал, чтобы кто-нибудь из тренеров этим правом воспользовался. Нет у нас людей и бесправнее, чем тренеры...

Я не собираюсь обосновывать и отстаивать право тренера на бесконтрольность: трудно сказать, что хуже — тренер, наделенный абсолютной властью, или тренер, который практически не может самостоятельно принять ни одного сколько-нибудь важного решения. Нет, конечно же, для пользы дела работу тренера надо контролировать. Но для пользы дела контроль должны осуществлять знатоки. И второе необходимое решение: надо помогать тренеру, исправлять ошибки тренера, но не компрометировать тренера.

Не придаю ли я слишком большого значения авторитету тренера? Нет. Авторитет нужен тренеру не меньше, чем знание своего предмета. Спортсмен учится не по учебникам, не по конспектам: его единственный учитель — тренер. И этому учителю он должен верить больше, чем самому себе. А о какой же вере может идти речь, если спортсмену то и дело дают понять, что тренер этого не знает, того не умеет?..

В тех случаях, когда, скажем, спортсмену дают квартиру в первую очередь, а тренеру — во вторую,

тренеру наносится не только материальный, но и моральный ущерб. Спортсмен — особенно если его внутренняя культура недостаточно высока — поневоле начинает думать, что он стóит больше, чем тренер.

Часто, очень часто забывают похвалить тренера, когда похвала эта более чем уместна. И очень часто не забывают укорить тренера, когда вина его минимальна или этой вины и вовсе нет. Помнится, устроил пьяный дебош боксер Агеев, и одна уважаемая газета, по справедливости воздав ему должное, сочла возможным укорить и тренера Агеева. Агееву не 15 лет, он в том возрасте, когда человек сам должен отвечать за свои проступки. Журналист, автор статьи, отдал дань моде, согласно которой за всякий совершенный спортсменом проступок (даже если спортсмен этот отец семейства), ответственность несет и тренер (даже если тренер этот не был причастен к содеянному). Хотел того журналист или нет, но понятие тренер-педагог он подменил понятием тренер-нянька.

Между прочим, в той же самой газете за несколько месяцев до появления этой статьи был опубликован очерк об Агееве. И в этом очерке ни разу не был упомянут ни один из тренеров Агеева. И это тоже мода, тоже очень плохая мода.

...Олег Попков был инженером и, говорят, неплохим — стал тренером, и очень хорошим: ленинградский «Буревестник» — одна из лучших женских команд советского баскетбола.

...Давид Берлин мог стать инженером-торфяником (он закончил Московский торфяной институт), но и он

предпочел работать тренером. И тоже изрядно преуспел: в течение нескольких лет баскетболистки-спартаковки из Московской области занимали в чемпионатах страны вторые места — вслед за легендарной рижской командой ТТТ.

...Борис Федотов — дипломированный юрист. Ни прокурором, ни адвокатом, однако, выпускник МГУ не стал. Закончив играть в баскетбол, мастер спорта из московского «Динамо» начал обучать мастерству других: он, как Попков и Берлин, тоже тренирует баскетболисток.

Среди тренеров — и не только баскетбольных — очень много таких, которые поначалу не готовили себя к тренерской деятельности. Любовь к спорту изменила судьбу будущего экономиста, без пяти минут врача, дипломированного инженера. Они вдруг поняли, что спорт для них не забава, что без спорта, вне спорта они не сумеют жить. И они уходят в спорт, уходят навсегда.

Они отказываются от уже полученной специальности. Отказываются — с тем чтобы начать с азов: одно дело играть, совсем другое — тренировать. Они знают, не могут не знать, что работу они выбрали не из легких: у каждого из них был тренер, тренеры. Но они решили идти в спорт и идут. Любовь, энтузиазм и мечты, в которых они видят себя великими тренерами, — вот весь багаж, с которым они отправляются в путь. Можно сказать, что идут они налегке. А можно сказать, что они взяли с собой все необходимое. Не каждый, кто мечтает стать великим тренером, становится им: для этого одной только любви и энтузиазма маловато. Но будь человек и семи пядей во лбу, он немногого добьется, если нет у него любви к делу и энтузиазма, который поможет ему, невзирая на трудности, это дело делать. Как раз из таких, с опозданием выбравших себе профессию, чаще всего получаются дельные тренеры.

Предвижу возражение такого рода. Человек учился в институте пять лет, на его обучение затрачена значительная сумма денег, а в последний момент выясняется, что деньги выброшены на ветер, что человек этот занимал чужое место и что в результате государство осталось внакладе. Так стоит ли восторгаться тем, что человек передумал в последний момент? Думаю все-таки, что стоит. Плохо, что выбор был сделан с опозданием. Но еще хуже было бы, если бы человек, у которого душа не лежит к юриспруденции, пошел бы работать в прокуратуру только потому, что он окончил юридический институт. Он не работал бы, а отбывал номер, и как раз в этом случае государство оказалось бы внакладе. А хороший тренер лучше плохого юриста — это так же точно, как и то, что хороший юрист лучше плохого тренера.

Что до меня, то я не разделяю возмущения теми выпускниками инфизкультов, которые, отказавшись работать тренерами, выбирали себе взамен то, что принято называть теплым местом. Не знаю, может от инженера, не любящего свое дело, и есть какой-нибудь прок. От тренера же, который равнодушен к своей работе, — уверен, один лишь вред. Не захотел человек быть тренером, не стал им — значит, никакой трагедии не произошло, напротив: одним плохим тренером меньше — стало быть, в конечном счете спорт остался в выигрыше. Уже хотя бы потому, что избежал неминуемого проигрыша.

Грозится тренер: «Месяц, другой — и уйду! Честное слово, уйду! Надоело, и сил нет... Что, я себе поспокойнее работу не найду?!» Все здесь верно. И то, что работать трудно, и то, что другую работу, поспокойнее, он мог бы себе найти. Но проходит и месяц, и год, и пять лет, а тренер никуда не уходит. Он и когда грозится уйти, знает, что никуда не уйдет, — только душу отводит. Я, во всяком случае, не знаю ни одного тренера, который сменил бы свою работу на менее хлопотную: из спорта не уходят.

Почему не уходят тренеры, мы уже выяснили. А теперь давайте выясним, почему хотят они уходить. Не любопытства ради — для пользы дела: нельзя же нещадно эксплуатировать любовь тренера к своей профессии. Скажу сразу же, положения, при котором на все сто процентов можно было бы уберечь нервную систему тренера, добиться нельзя. Поражение, невыполненная установка на игру, уход спортсмена, в которого вложил всю душу, низкое качество судейства — эти и десятки таких же причин, из-за которых тренеры проводят бессонные ночи и носят в карманах валидол, были, есть и будут. Это как стихийное бедствие: плохо, но ничего не поделаешь. Но если бы и можно было лабораторным способом очистить тренерскую профессию от такого рода невзгод, профессия эта тотчас потеряла бы всю свою привлекательность: дистиллированная вода безвкусна.

Нет, речь идет о проблемах, которые должно и можно решить. О том, кто и как мешает тренеру, я уже говорил. Я мог бы рассказать об этом подробнее, но не хочу, да и нет в этом надобности: я пишу не докладную записку, а общее представление о том, что мешает тренеру жить и работать, читатель уже имеет.

О том же, как решить эту проблему, я и хотел бы сказать, да не могу: по моему твердому убеждению, проблема эта из тех, которые легче обозначить, чем решить.

Одно время поговаривали о том, что стоит ввести систему контрактов, и тотчас же кончатся все горести тренеров. На первый взгляд мера эта может показаться действенной. В контракте перечислены права тренера (следовательно, и он и работодатель предупреждены, что может делать тренер, не опасаясь вмешательства), контрактом оговорены точные сроки работы тренера (следовательно, он может работать спокойно, не опасаясь преждевременного увольнения). Нарушение любого из этих пунктов влечет за собой разрыв контракта и, как следствие, выплату неустойки.

Увы, действенной эта мера может показаться только на первый взгляд. Те, кто сейчас лезет с советами, очень похожими на директивы, те, кто сейчас с легкостью необычайной увольняет и строптивых тренеров, и тренеров, чьи команды выступили в турнире неудачно, с тем же рвением будут заниматься этим и после того, как введут контракты: неустойку-то им платить не из своего кармана...

Я не хочу сказать, что проблема эта неразрешимая, я просто расписываюсь в собственном бессилии. Не знаю, как найти выход, но знаю, что его надо искать: худо тренеру, а значит, худо и делу, которому он служит.

И вот еще что необходимо сделать. Надо помочь тренеру стать тренером, только тренером.

Тренер, разумеется, должен быть знатоком избранного им вида спорта.

Тренер — все равно, с кем он работает, с легкоатлетами или с баскетболистами, с командой мальчиков или со сборной страны, — должен быть педагогом.

Тренер должен быть психологом.

Тренер должен знать, что творится в «соседних» видах спорта.

Это, так сказать, программа-минимум.

В идеальном варианте тренер должен:

Знать один или даже несколько иностранных языков, в первую очередь язык, на котором говорят (и пишут!) в той стране или в странах, где силен «его» вид спорта.

Быть сведущим в некоторых вопросах медицины (как минимум, он должен знать основы травматологии).

Быть эрудитом не только в вопросах, имеющих прямое или косвенное отношение к спорту (надо ли доказывать, что об авторитете тренера должен в первую очередь заботиться сам тренер и что к человеку, который — пусть даже очень хорошо — знает только свой предмет, относятся без должного уважения?).

Однако же наш тренер поставлен в такое положение, что он не теоретически, а практически должен, вынужден быть:

администратором (он, к примеру, покупает билеты, когда команда едет в другой город, а когда его команда — хозяин поля, на нем лежит забота о встрече и размещении гостей);

хозяйственником и материально ответственным лицом (он «выбивает» форму, инвентарь, на нем «висят» порою 1000, а то и больше рублей);

бухгалтером (всевозможной отчетностью занимается тоже тренер).

Перечислить то, что вынужден делать тренер, легко. Но попробуйте-ка изо дня в день делать то, что делает тренер, и у вас не то что на программу-максимум, на программу-минимум и то времени не хватит. А ведь тренер, он не только тренер, он еще и отец, и муж, у него есть друзья, да и силы у человека, даже если они утроены любовью к своему делу, не беспредельны.

Спору нет, и билеты на поезд надо доставать, и гостей необходимо разместить, и без формы спортсмен не спортсмен, и кто, спрашивается, поставит под сомнение необходимость отчетности. Все эти дела, безусловно, относятся к разряду нужных. Но почему ими должен заниматься тренер — вот в чем вопрос. Что, у него своей, тренерской, работы мало?

Забудем о том, что тренер — глава семьи, забудем о том, что он хочет сходить в театр или прочесть книгу, забудем даже, что он человек, которому изредка — реже, чем другим, — но все-таки надо отдыхать. Забудем обо всем этом. Но ведь нельзя забывать, что тренер — это тренер. Вместо того чтобы бегать по вокзальным кассам и гостиницам, он мог бы сходить в школу или в институт, дабы лучше узнать, чем живет его воспитанник. Вместо того чтобы допоздна писать отчетность, он мог бы прочесть спортивную новинку. Вместо того чтобы «выбивать» форму, он улучил бы время и проконсультировался с художником-модельером относительно внешнего вида формы.

Итак, для пользы дела тренера надо освободить от целого ряда обязанностей. Но можно ли это сделать?

В отличие от проблемы «Не мешайте тренеру» проблему «Сделайте тренера тренером», на мой взгляд, решить можно, и довольно просто. В кинематографии аналогичная проблема уже давным-давно решена. Режиссер фильма всякого рода хозяйственной деятельностью не занимается. Там, насколько мне известно, все эти функции возложены на директора картины. Нашему спорту как раз и не хватает таких вот директоров. Готовить их можно было бы на специальных курсах при институтах физкультуры. А может быть, даже есть необходимость открыть в инфизкультах экономические факультеты? Не знаю. Знаю лишь, что надо помочь тренеру стать тренером. От того, сумеет ли тренер стать только тренером, зависит благополучие нашего спорта.

...Моя воля — в Москве, в Скатертном переулке, установили бы памятник Тренеру. На нем были бы выбиты слова: «Все, чего добился наш спорт, он добился благодаря ему». И надо, чтобы памятник этот был хорошо виден из окна председателя Комитета по физической культуре и спорту.

Через несколько лет Арменака Алачачяна — тренера, по его собственным словам, не заслуженного и в прямом, и в переносном смысле слова — назовут, надо полагать, одним из лучших тренеров страны.

От гадания прогноз отличается тем, что непременно объясняет и доказывает, почему должно случиться так, а не иначе. Поэтому я обязан убедить вас в том, в чем сам убежден.

...Алачачян был баскетболистом экстра-класса, одним из техничнейших наших игроков. Спрашивается, почему автор, отдавая себе отчет в том, что фраза эта обогатила читателей не больше, чем, скажем, сообщение о том, что прямой угол равен девяноста градусам, все-таки написал ее? Какая связь — и существует ли она вообще? — между тем, что Алачачян был выдающимся игроком, и его будущим?

Если бы Алачачян вознамерился работать с детьми, его прошлое сослужило бы ему добрую службу. Надо ли говорить, что репутация баскетболиста экстра-класса снискала бы Алачачяну — по праву и надолго — непререкаемый авторитет еще до того, как он пришел бы на первую свою тренировку? И стоит ли ломиться в открытую дверь и доказывать, что лучше один раз показать, чем сто раз рассказать, и что у одного из техничнейших наших игроков есть что показать будущим баскетболистам?

Да, он изрядно преуспел бы, если бы захотел пойти в детскую секцию. Но так ли часто сами мы, когда надо выбирать, руководствуемся тщательно обдуманным и осторожным «Сумею ли?», а не своенравным «Хочу!»? И разве может быть по-настоящему счастливым человек, выбравший себе будущее не по любви?

К тому же утверждение, что Алачачян преуспел бы в профессии, выбранной ему нами, отнюдь не исключает варианта, при котором Алачачян преуспеет в профессии, выбранной им самим. О его будущем еще в ту пору, когда он играл, мы говорили как о чем-то само собой ра-

зумеющемся. Я никогда не спрашивал, кого он хочет тренировать: какой смысл задавать вопрос, ответ на который тебе известен? Он не хотел уходить из большого баскетбола — и не ушел: в 37, закончив играть, он стал тренером ЦСКА — команды, цвета которой защищал в течение девяти последних лет.

В какой же мере может и должно повлиять на будущее Алачачяна то обстоятельство, что он был звездой от баскетбола? Мастера не дети. Для них громкое имя Алачачяна, разумеется, не пустой звук, но и не повод для безграничных восторгов. Я уже не говорю о том, что тренировать тех, с кем не один год играл, весьма трудно — по крайней мере, на первых порах. Представьте, что ваш сослуживец, с которым вы несколько лет были на равных, стал вдруг начальником — и очень требовательным начальником. Каково придется вам и каково придется ему? Пусть не покажется вам аналогия надуманной: взаимоотношения тренера и игрока — во всяком случае, в плане приказов и выполнения приказов — взаимоотношения начальника и подчиненного.

И какой, спрашивается, прок тренеру Алачачяну от того, что баскетболист Алачачян был блестящим техником? Не хочу сказать, что, мол, мастер — он и есть мастер и, стало быть, мастерству его и обучать ни к чему. Так должно быть, и так будет, но сейчас еще, к величайшему сожалению, кое-кому из игроков — даже из тех, кого пригласили в очень хорошую команду, — надобно брать уроки мастерства. Но ведь Алачачян-то работает не в детской секции, где начинают от нуля. Его ученики не дети, которым обязательно надо ПОКАЗАТЬ, как делать. Умеет показать тренер — хорошо, не умеет — тоже не беда: достаточно будет, если подскажет. Учат в детской секции, в командах мастеров учатся.

Нет, не «Алачачян был звездой от баскетбола и поэтому станет отличным тренером», а «Алачачян был звездой от баскетбола, но, несмотря на это, станет отличным тренером». Если бы я остановился на первой из этих формулировок, у меня не было бы нужды утруждать себя поисками аргументов. Главное, оно же единственное, достоинство такой формулировки в том, что она схожа с аксиомой: дважды два — четыре, Волга впадает в Каспийское море, имярек был звездой, следовательно, и на тренерском поприще преуспеет. Но переберите в памяти своей лучших наших тренеров —не обязательно баскетбольных, — вспомните, как котировались они в ту пору, когда были игроками; после этого вы, надо полагать, усомнитесь в аксиоматичности такого утверждения.

Можно, разумеется, среди лучших наших тренеров сыскать таких, которые преуспевали и тогда, когда играли. Но существа дела этот не очень обширный список не изменит: в подавляющем большинстве своем тренеры высокого класса не считались звездами первой величины, в одних с ними командах выступали игроки куда более яркие, многие из них тоже стали тренерами — большей частью заурядными.

Звезда — это, за очень редким исключением, спортсмен, который щедро наделен всяческими достоинствами: он быстро бежит, высоко прыгает, у него отличная координация движений и т. д. и т. п. Звезде все дается легко, все, что он делает, он делает автоматически, не задумываясь. Простому же смертному, если он настоящий спортсмен, если он хочет конкурировать с тем, кто богаче одарен и — значит — сильнее его, вечно приходится ломать голову, решая нелегкую проблему: чем же компенсировать тот или иной свой недостаток, как добиться своего. Не всем дано — в силу причин, не от них зависящих, — решить эту проблему. Но всякий, кто пытается решить ее, по существу, уже становится тренером (одного-то человека он уже тренирует), даже если о тренерской карьере еще и не помышляет. Надо ли доказывать, что умение анализировать есть одно из важнейших качеств тренера?

Вы, надо полагать, частенько читали, что А. — прирожденный баскетболист (футболист, волейболист), но никто еще не писал, что Б. рожден для того, чтобы стать большим тренером: звезды рождаются, аналитиком человека делает жизнь.

Арменак Алачачян был звездой не милостью божьей, он сам сделал себя звездой. Он мог не стать отличным баскетболистом, он не мог не стать отличным знатоком баскетбола. Вся жизнь Алачачяна в большом баскетболе — два десятка лет — это борьба за существование. Он жил в баскетболе, где достоинства игрока измеряются

сантиметрами его роста, где считают, сколько очков он набрал, где игроку, которому 30 лет, не прощают ни одной ошибки, — он жил в баскетболе, где все считают, и арифметика эта была против него, а он и в 37 лет играл так, как дай бог играть молодым.

Нет, не милостью божьей: мал ростом, практически без броска. И — звезда: ни в ЦСКА, сильнейшем клубе страны и Европы, ни в сборной СССР, одной из сильнейших команд мира, он не был случайным человеком, место в основном составе обеих команд он занимал по праву сильного: тренеров вообще и тех, которые ставили на Алачачяна, в частности, можно хвалить или порицать за что угодно, но только не за склонность к филантропии. Он был в фаворе у тренеров — даже у тех, которые недолюбливали и даже просто не любили его.

Если человек, которого прирожденным баскетболистом назовешь разве лишь в насмешку, сумел добиться всего, о чем можно только мечтать, стало быть, Алачачян-тренер преуспел — и изрядно — еще в ту пору, когда был игроком и тренировал одного-единственного баскетболиста — Арменака Алачачяна.

Как и у каждого игрока экстра-класса, у Алачачяна было много достоинств. Назову лишь те, которые дают основание считать, что он станет большим тренером. Сказать, что он любит баскетбол, значит ничего не сказать. Он одержим баскетболом. Баскетбол без Алачачяна реален, Алачачян без баскетбола — чистейшей воды фантастика: я, во всяком случае, не могу себе

представить Алачачяна без баскетбола, вне баскетбола. Я как-то спросил у него — конечно же шутя, — не снятся ли ему сны на баскетбольные темы — всякие там прессинги и перегрузки зоны. Он ответил мне, что снятся и часто, и сказал это серьезно. И я ему поверил и, поразмыслив, не удивился: он живет в баскетболе и баскетболом.

Алачачян — спортсмен-интеллектуал. Я бы даже сравнил его с ученым, если бы сравнение это не показалось кощунственным (впрочем, есть же кандидаты наук, за душой у которых ничего, кроме вымученной диссертации, а их тем не менее величают учеными — на том только основании, что они кандидаты). Право же, когда разговариваешь с Алачачяном, начинаешь поневоле сомневаться в том, игра или наука этот самый баскетбол.

Сознательный отказ от броска свидетельствует не только о высокой спортивности человека, такое решение принявшего. На такое мог решиться только рационалист.

...Никто не может на все сто процентов быть уверенным в том, что прогноз его сбудется. Не уверен в этом и я...

Тренер — это не только знание своего предмета. Тренер — это еще и умение ладить с людьми. Бурный темперамент, несдержанность и самолюбие не очень мешали игроку Алачачяну: за любовь к баскетболу, за преданность баскетболу, за фанатичное отношение к делу тренеры и товарищи терпимо относились к Алачачяну. Но будет ли прощаться Алачачяну-начальнику то, что

прощалось Алачачяну-подчиненному, Алачачяну-товарищу?

Есть мудрое английское изречение: «Хочешь быть тренером — забудь, как ты играл». У тебя был плохой дриблинг, твой товарищ не любил играть в защите, но оба вы считались отличными баскетболистами. Забудь об этом; прошли годы — баскетбол стал более требовательным. Не сомневаюсь, это Алачачян сумеет забыть.

Но у афоризма этого есть и другой смысл. Ты мог тренироваться до седьмого пота, ты мог до бесконечности повторять то, что умел делать себя больше, чем требовал от тебя тренер.

Все это более чем хорошо. Но забудь об этом. В противном случае тебя ждут разочарования.

Тренер Алачачян обязан забыть, что был такой игрок Алачачян, который фанатично любил баскетбол и подчинил поэтому баскетболу всю свою жизнь — потому что фанатичного отношения к делу требовать нельзя. Надо быть реалистом, надо терпимее относиться к человеческим недостаткам. И если Алачачян не сумеет переломить себя, если к другим он будет относиться с той же требовательностью, с какой относился он к Алачачяну, боюсь, ему будет очень и очень трудно.

Впрочем, ему в любом случае будет трудно. Тренеру не бывает легко. Тем более если работает он с командой, для которой второе место даже в самом представительном турнире — фиаско.

- **«ИГРА НА ПУБЛИКУ» — ПОХВАЛА ИЛИ ПОРИЦАНИЕ!**
- **АКТЕР И СПОРТСМЕН.**
- **И НА СТАДИОНЕ ЗРИТЕЛЬ НЕ ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ.**

В 1967 году я сыграл свой последний чемпионат страны, девятнадцатый по счету. А первый был в 1948 году. Ничего приятного в памяти моей он не оставил. Причин к тому много. В ту пору я еще разрывался между футболом и баскетболом, а потому и не чувствовал себя баскетболистом. Да и в команде я был чужаком: меня, игрока ереванского СКИФа, откомандировали в кироваканское «Динамо» — команду, которая заняла в Армении первое место и поэтому представляла ее в чемпионате страны. Ну и, наконец, какие могут быть приятные воспоминания, если в том турнире мы и место заняли плохонькое — чуть ли не последнее, — и играли хуже не придумаешь.

А вот второй мой чемпионат я помню так, будто игрался он не 20 лет назад, а совсем недавно.

...Стартовая — она же основная — пятерка ереванского СКИФа составлена была из одних только репатриантов: Том (Татевос) Мурадян вернулся из США, Жан Маркарян — из Франции, Абрам Амамджян, Жирайр Минасян, как и я, — из Египта. Команда наша была весьма техничная, не исключено, что мы могли бы получить первый приз за красоту, если бы, конечно, таковой разыгрывался. Не сочтите это хвастовством: так лестно аттестовал нашу команду Иван Лысов. Капитан прославленной тартуской команды, один из самых ярких виртуозов, которых я когда-либо видел на баскетбольных площадках, не пропустил, кажется, ни одного матча с участием никому в ту пору не известного СКИФа из Еревана. Да и зрители уже после первого нашего матча встречали нас на «ура».

Аплодисменты аплодисментами, похвалы похвалами, но заняли мы в том чемпионате пятнадцатое место. И все было справедливо: большего наш СКИФ тогда не стоил. Я не случайно упомянул, что на первых ролях в команде были репатрианты. Мы любили баскетбол, что само по себе весьма похвально, но мы были уверены в том, что умеем играть в баскетбол, — и это было нашей ошибкой. Тогда, в 1950 году, в Вильнюсе вдруг выяснилось, что баскетбольное образование, которое получали мы до приезда в СССР, было, прямо скажем, отнюдь небезупречным.

Кое-чему можно было поучиться у нас: Лысов был в своих похвалах искренен; нам надо было учиться куда прилежнее, и «предметов» нам предстояло освоить уйму: мы умели немногое, мы не умели очень многого. Да, виртуозность хороша, но только в том случае, если она не является самоцелью, и какой от нее прок, если силенок у виртуоза хватает на 10—15 минут матча... Мы и наши соперники играли в два разных баскетбола: они выходили на площадку бороться за победу, мы — играть в свое удовольствие. Они трудились на площадке от первой минуты до сороковой, нас с трудом хватало на тайм. Они дорожили мячом, нам ничего не стоило красоты ради дать ненужный пас или бросить мяч в корзину тогда, когда шансы на успех были мизерны. Для них желанной наградой была победа, нам — так, во всяком случае, могло показаться со стороны — вполне хватало и аплодисментов.

Написал об аплодисментах и спохватился: а правильно ли меня поймут? Порою приходится слышать, как о том или ином спортсмене с пренебрежением говорят, что он играет на публику. Что до меня, то я не вижу ничего худого в том, что спортсмен хочет понравиться зрителю. Напротив, за это надо не порицать, а хвалить спортсмена, если, конечно, красивая игра — а именно она и имеется в виду — не мешает идти к победе кратчайшим путем и не унижает соперника.

В выражении этом — «Играть на публику» — нескрываемое презрение не столько к спортсмену, который хочет понравиться зрителю, сколько к самому зрителю. Подразумевается, что спортивный поединок вполне может обойтись без зрителя, что если от него, от зрителя, к сожалению, нельзя избавиться, то уж, во всяком случае, незачем о нем заботиться, угождать ему.

Никому не приходит в голову мысль упрекать актера в том, что он играет для зрителя: все согласны с тем, что театр без зрителя немыслим. Почему же применительно к спорту эта истина очень многим не кажется очевидной? Да потому, что театр — это зрелище, и только. А спорт — это еще и победа, и очки, и занятые места. Но ведь «еще», а не «только»! Я не хочу ставить знак равенства между актером и спортсменом. Но если позабыть об очках и победах, кубках и занятых местах, то, право же, выяснится, что у актера и спортсмена есть и нечто их роднящее. Нас объединяет главное: матч, как и спектакль, — зрелище, следовательно, и артист, и спортсмен работают для зрителя.

Из тысячи человек, которые пришли смотреть,

скажем, «Отелло», 999 знают, что Яго прохвост и что Отелло задушит Дездемону, — знают, но идут в театр, выстояв зачастую по нескольку часов в очереди за билетами; идут — потому что их интересует, как поставлен спектакль, как играют актеры. Но ведь и на футбольный матч «Спартак» — «Динамо» 100 тысяч болельщиков идут не только для того, чтобы увидеть, кто выиграет: об этом можно было бы узнать, не выходя из дому; болельщики — во всяком случае, те из них, кто является настоящим ценителем, — идут, чтобы увидеть, как играют команды. Так почему же спортсменам не постараться для зрителей так, как стараются для них актеры?

Есть еще одна сторона дела. И по собственному опыту, и по рассказам других спортсменов я очень хорошо знаю, что, когда нет зрителей или даже когда их очень мало, не играется — и все тут! Вроде бы и к матчу готовился прилежно, и чувствуешь себя преотлично, а увидел пустые трибуны — настроение испортилось, желание играть пропало; не играешь, а очки добываешь... А другой раз и нездоровится, и матч из тех, которые ничего не решают, но играешь так, что сам удивляешься. Удивительного же ничего нет: зритель заставил играть хорошо, стыдно играть плохо, когда в тебя верят и многого от тебя ждут. Я знаю баскетболистов, которым предложи играть либо в нейтральном зале, но полупустом, либо в настроенном по отношению к его команде недружелюбно, но с переполненными трибунами — выберут второй вариант.

Нет, и спорт — речь, разумеется, идет о большом спорте — тоже немыслим без зрителей.

Мы уже знаем, что Алачачян-теоретик и Алачачян-практик совсем неодинаково относились к славе. К тому, что называют игрой на публику, а надо бы называть игрой для публики. Алачачян, который пишет, относится так же, как и Алачачян, который играл. Да, да, рационалисту до мозга костей нравилось нравиться зрителям. Но нет в этом противоречия: рационализм и эффектность — разве одно не исключается автоматически другим? Наверное, да, если говорить о правиле. Но нет ведь правил без исключений.

Начнем с того, что игра для зрителя никогда не мешала Алачачяну играть для команды. Если спортсмен играет только на публику, если он за аплодисменты готов платить любую цену, он обязательно сорвется. Я видел не меньше полутора сотен матчей с участием Алачачяна. Были и такие, в которых он играл не очень хорошо и даже плохо. Но ни разу на моей памяти он не сделал такого, что, понравившись зрителям, могло пойти во вред команде. У Алачачяна был пас — само совершенство. Однако не все из его партнеров умели принимать мячи после таких пасов: мяч летел с неимоверной скоростью. Им Алачачян никогда таких пасов не давал, хотя в случае неудачи зрители, конечно же, освистали бы не его, Алачачяна, а партнера.

...Алачачян заканчивает дриблинг. Сейчас либо пас, либо бросок в корзину. Но Алачачян с силой швыряет мяч в щит, мяч отскакивает к нему, и Алачачян тотчас отправляет его партнеру, стоящему вблизи от корзины. Бросок — гол!..

Когда я увидел эту двухходовку впервые, она мне понравилась — она не может не понравиться, — но я склонен был считать, что это эксцентричная выходка аса, убежденного в том, что ему все дозволено.

Прошло время. Трюк со щитом я видел, наверное, еще раз десять. Я понял: это не авантюра, здесь все продумано заранее и все учтено. Соперники ждут: либо пас, либо бросок — и третьего не дано. Алачачян был убежден, что все пятеро соперников инстинктивно посмотрят на мяч и щит и, следовательно, на какое-то мгновение потеряют из виду его, Алачачяна. Он и загодя предупрежденный им партнер выигрывали долю секунды — этого было достаточно.

В 1964 году в Москве Алачачян проделал этот фокус в матче с американцами. Тренер сборной США Джон Маклендон поднялся со скамьи и долго аплодировал Алачачяну. Запасные американской команды, когда их затем выпускали на площадку, первым делом подходили к Алачачяну, хлопали его по плечу, жали руку. Это было признание, ценное вдвойне, втройне, ибо исходило оно от товарищей по цеху, от людей, знающих толк в баскетболе, знающих, чем разнится красота от красивости.

Я был неточен, сказав, что желание быть любимым у зрителей не мешало Алачачяну играть с пользой для дела. Они, зрители, помогали Алачачяну играть с полной отдачей сил. Алачачян бросал трибунам трюк, трибуны платили аплодисментами. Южанин, экспансивнейший человек, он тонизировал себя добытыми аплодисментами.

Рационалист и в любви своей оставался рационалистом.

...Кое-кто из моих коллег часто упрекал меня в том, что я непомерно захваливаю Алачачяна и что из-за него, Алачачяна, не вижу баскетбола. Когда Алачачян уже кончал играть, я перечел все, что писал о нем. Ну что ж, я и сейчас подписался бы под тем, что написал и 5 и 10 лет назад. Потому что — так, во всяком случае, кажется мне — я не написал о нем ничего такого, что противоречило бы истине, какой она виделась мне тогда и видится сейчас.

Но с чем я не могу не согласиться, так это с тем, что пропорция была мною нарушена. В одно время с Алачачяном играли многие очень хорошие баскетболисты, которые заслуживали того, чтобы о них написали больше, чем было написано в «Советском спорте». Виноват, разумеется, я. Не хочу оправдываться. Да и объясняю я причину, в силу которой мною нарушена была пропорция лишь потому, что это имеет прямое отношение к затронутой теме. Алачачян был настоящим артистом от баскетбола: он не гонялся за успехом, но получал его полной мерой. Я не могу сказать, что в нашем баскетболе не было артиста лучше, чем Алачачян. Но в том, что не было артиста, которого зрители любили бы больше, — вот в этом я убежден.

Матчу предшествует церемония представления игроков. Диктор называет номер и фамилию игрока — тот делает шаг вперед, навстречу приветствиям. Одному аплодируют сдержанно, другому — тепло, третьему — бурно. На моей памяти

никому из баскетболистов не доставалось столько оваций, сколько получал их шестой номер ЦСКА и сборной СССР — Арменак Алачачян.

...Между прочим, двое из тех моих коллег, которые упрекали меня, тоже не выдержали испытание Алачачяном. И тому, и другому довелось освещать турниры, в которых играл Алачачян. Готовя их корреспонденции к печати, я не без злорадства думал, что и им Алачачян тоже помешал увидеть баскетбол. Один из них — Евгений Рубин, который был корреспондентом «Советского спорта» на чемпионате Европы 1961 года в Белграде. Другой не захотел, чтобы я назвал его имя.

Меня могут упрекнуть в том, что я сгустил краски, в том, что второстепенную проблему я возвожу в ранг крупнейших: мол, людей, которые корят спортсменов за то, что те играют на публику, не так уж и много, и вред, который они приносят, невелик. Да, у входа в спортзалы не вывешивают грозные надписи «Зрителям вход воспрещен!», и никто еще не додумался до идеи строить стадионы без трибун. Все это так, но тем не менее проблема «Спортсмен — зритель» существует, и проблема эта одна из важнейших.

Нежелание замечать на матче зрителя, желание расценивать матч только как поединок двух команд, борющихся за очки, места — только как поединок, забывая о том, что матч еще и зрелище, — не это ли есть причина грубости, симуляции, некорректного отношения к сопернику и еще многого такого, чего видеть не хотелось бы, но, увы, приходится видеть чуть ли не в каждом матче?

Мне рассказывали такую историю. В одном из театров ставили «Ромео и Джульетту». В сцене, где Ромео стоит подле гроба возлюбленной, актриса, игравшая Джульетту, вдруг чихнула. Ее партнера это рассмешило, и он ушел со сцены. Эту историю кто-то поведал Книппер-Чеховой и закончил ее словами: «Н. — очень плохая актриса». Ольга Леонардовна возразила: «Оба они никчемные актеры».

Плохие актеры, плохие, потому что проявили полнейшее неуважение к зрителям. Но ведь таких, как они, единицы.

Хочу еще раз сказать: между спортсменом и актером нельзя ставить знак равенства. Актер точно знает, в какой момент он разозлится, когда ему будет больно, когда надо будет заплакать, а когда — ликовать: исчерпывающие инструкции на этот счет ему даны драматургом и режиссером. Спортсмены играют самих себя: и злость, и слезы, и боль, и радость у них настоящие.

Рискуя отвлечься от темы, я тем не менее должен сказать о своем отношении к открытому проявлению спортсменами радости. Ничего худого не вижу я и в том, что, к примеру, футболисты, выиграв матч или забив гол, тут же на поле поздравляют друг друга, целуются. Люди достигли того, к чему всеми силами стремились, — почему же им прятать свою радость? Для меня все это настолько очевидно, что я, право же, не стал бы об этом писать. Но не раз и не два приходилось читать в газетах заметки, авторы которых иронизировали над спортсменами, радующимися своему успеху. А надо ли ехидничать, надо ли с умным видом выяснять, хорошо или плохо столь откровенным образом проявлять свои чувства? Такого рода радость —

так сказать, радость крупным планом — естественна, и, что особенно важно, она, эта радость, ничьих чувств не оскорбляет. Человек не машина, а призывом не радоваться успеху, не огорчаться неудаче его как раз и хотят приравнять к автомату. Прятать надо те чувства, которые унижают тебя самого или другого человека.

Но вернемся, однако, к тому, от чего мы невольно отвлеклись. Артиста учат не только играть, его учат уважать зрителя. Я и читал, и слышал множество историй о том, как актер, которому становилось худо на сцене, усилием воли подавлял свой недуг, прятал его от зрителя: если надо было по ходу действия смеяться — смеялся, хотя в пору было плакать. Благородство? Да. Но ведь качество это не врожденное, его можно выработать. И будущего актера учат благородству, учат, потому что бог актера — Зритель.

Спортсмену куда труднее, чем актеру, быть джентльменом. Казалось бы, именно поэтому его и надо было бы с большим тщанием учить этому нелегкому искусству. Спортсменом становятся в более раннем возрасте, чем актером: когда будущий актер еще только мечтает о сцене, кое-кто из его ровесников уже имеет и моральное, и формальное право именоваться мастером от спорта. Стало быть, у наставников спортсмена есть определенные преимущества над их коллегами, которые работают с будущими актерами.

С детских лет спортсмена учат играть и побеждать. Это, разумеется, не плохо: тот не спортсмен, кто не стремится к победе и не умеет побеждать. Плохо то, что будущего спортсмена учат только играть, только побеждать, плохо то, что будущего спортсмена не учат умению вести себя на людях.

Нет, нельзя сказать, что спортсмену ничего не говорят о зрителях. Когда на тебя смотрят несколько тысяч людей — а порой и несколько сотен тысяч людей, — то забываешь все, что знаешь, и все, что умеешь делать хорошо, делаешь из рук вон плохо. И спортсмена учат преодолевать гипнотизирующее влияние, которое оказывает на него присутствие зрителей. И это тоже хорошо. Но опять-таки плохо то, что спортсмена не учат уважать тысячи, сотни тысяч людей, которые пришли на стадион, плохо то, что его не учат играть на публику ради публики.

Впрочем, я, кажется, преувеличил. Но только чуть-чуть. Кое-кто из тренеров учит своих питомцев видеть в зрителе не третьего лишнего в борьбе спортсмена с соперником, не того, кто пришел ему, спортсмену, мешать, а человека, которого надо порадовать не только голом, но и красивой игрой, и джентльменским поведением. Но таких тренеров, увы, немного. Потому что в ту пору, когда тренер был спортсменом, его учили играть и побеждать, только играть и только побеждать... Вот и получается, что техника, тактика, воля к победе, физическая подготовка — предметы для спортсмена обязательные, за изучение которых с него строго спрашивают. Что же до уважительного отношения к зрителю, то этот предмет в программе обучения не значится: хочешь — учи, не хочешь — не учи.

В газетах и журналах часто возмущаются теми спортсменами, которые ведут себя неспортивно. Их клеймят, бичуют, взывают к их совести. Но справедливо ли говорить только о следствии и ни словом не обмолвиться о причине?

...Один спортсмен наносит удар сопернику, другой

оскорбляет судью, третий симулирует, четвертый отказывается поздравить победителя, пятый... шестой... Можно и нужно негодовать. Не следует только удивляться всему этому: спортсменов учат играть и побеждать, их не учат проигрывать, не роняя достоинства побежденного. Все эти ЧП (впрочем, какие это ЧП, если происходят они каждодневно!) есть следствие того, что к зрителю в спорте — в отличие от театрального зрителя, главного действующего лица, — относятся как к чему-то третьестепенному.

Мне слышится иронический вопрос: «Неужто джентльменское поведение должно обусловливаться только присутствием зрителя?» Нет, конечно же, нет! Спортсмен должен быть джентльменом не только потому, что на него смотрят тысячи людей. Но в первую очередь именно поэтому. Тот, кто все время на виду, не может, а обязан вести себя должным образом.

Я был бы нечестен, если бы не сказал о том, что и в моей жизни было несколько эпизодов, о которых я вспоминаю не без стыда. Не оправдываю, а объясняю я это тем, что мне, как и другим спортсменам, никогда не внушали мысль о том, что я еще и артист.

- **«ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...»**
- **«НАДО», А НЕ «ХОЧУ».**
- **НЕТ ПАРТНЕРА — ТРЕНИРУЙСЯ ОДИН.**

Я уже говорил, что вильнюсским любителям баскетбола ереванский СКИФ пришелся по вкусу. Себе самим мы, однако, понравились значительно меньше. Поражение, даже сдобренное аплодисментами болель-

щиков и лестной аттестацией знатока, все равно остается поражением. И пятнадцатое место — это место аутсайдера. Нам не от чего было приходить в восторг.

У поражения есть одно существенное преимущество над победой. Победа — даже неубедительная — настраивает на благодушный лад, поражение — даже случайное — заставляет думать, анализировать, искать ошибки. Чего-чего, а поражений — причем не случайных, а вполне закономерных — у нас было предостаточно.

Мы вчистую проигрывали все вторые таймы: у нас не хватало сил в самом буквальном смысле этого слова. И мы взялись за дело. Не скажу, что ереванский СКИФ был первой советской командой, которая перешла на двухразовые тренировки. Но то, что мы были одними из первых, это точно.

...Чемпионат страны 1951 года. Одесса. Одесситам мы нравимся, кажется, еще больше, чем вильнюсцам. Ну, а коллеги-баскетболисты относятся к нам чуть свысока, похлопывая по плечу: мол, и ребята вы хорошие, и играете красиво, но выигрывать-то вы не умеете — вот в чем дело.

Жара стояла в Одессе адская — за тридцать градусов. В тени и то дышать нечем, а мы в те дни, когда матчей нет, по два раза тренируемся — тренируемся до изнурения. Если утром матч, то потом, отдохнув немного, идем тренироваться.

Формулой турнира, помнится, команды были разбиты на четверки. После предварительных игр по две команды выходили в главный финал. В нашей четверке два признанных фаворита — ВВС, один из главных претендентов на звание чемпиона, и очень сильная по тем временам армейская команда Тбилиси —

ОДО (Окружной Дом офицеров). В обеих командах только мастера и заслуженные мастера спорта, у нас в СКИФе одни лишь перворазрядники. Не помню, какая команда была четвертой, помню лишь, что ей, как и нашему СКИФу, уготовано было место среди аутсайдеров.

Заслуженный мастер спорта Филиппов, один из лучших игроков ОДО, увидев, как мы истязаем себя двумя тренировками в день, искренне пожалел нас и удивился:

— Что вы, ребята, у нас хотите выиграть?

Удивление было ненарочитым, без так называемого психологического подтекста — Филиппов просто удивился, и все тут. Надо сказать, у него для этого были все основания. Баскетбол в значительно меньшей степени, чем, скажем, футбол подвержен всякого рода случайностям. Баскетбол со своей чрезмерной логичностью очень похож на шахматы. Гроссмейстер в десяти партиях одержит десять побед над перворазрядником. И в баскетболе перворазрядник тоже обречен. Я не могу себе представить вариант, при котором в баскетболе команда второй лиги выиграла бы Кубок СССР, как это было в футболе, — она у нас и до четвертьфинала не добралась бы.

Наш СКИФ и был самым что ни на есть настоящим перворазрядником, типичной командой второй лиги, которую допустили в высшую потому только, что она была сильнейшей в своей республике. Что же до ОДО, то по тем временам команда эта если и не значилась в числе гроссмейстеров, то уж, во всяком случае, была крепким мастером с гроссмейстерским баллом.

Мы выиграли, и выиграли чисто. Победа наша для

многих казалась сенсацией. А для нас она была закономерной, такой же закономерной, как те поражения, которые за год до того мы терпели чуть ли не в каждом матче. Я вообще уверен, что случайно можно проиграть — выиграть случайно нельзя. Если ты излишне уверен в победе, ты можешь проиграть. Но даже в этом случае победа твоего соперника не случайная: нельзя победить, если не веришь в победу, не бьешься за нее изо всех сил.

Но мы радовались не только из-за того, что победа наша была закономерной. И не только потому, что, одержав ее, мы и формально и фактически пересекли тот неведомый рубеж, который отделяет аутсайдеров от середнячков. Мы были счастливы, потому что сбылась наша надежда. Мы хотели верить, что эти самые двухразовые тренировки, которые доводили нас до изнеможения, приведут к успеху. Но «хотеть верить» и «быть уверенными» не одно и то же. До матча с ОДО наш СКИФ уже на собственном опыте знал, что это такое — тяжело в учении... После матча мы поняли, что горбатились и вкалывали, как говорят в таких случаях спортсмены, не зря. И сейчас мне предстоит говорить о том, о чем говорить мне не очень-то и хочется, но о чем непременно надо говорить. Не хочется — потому что тема эта избитая, скучная и назидательная. А надо — потому что важна эта тема, быть может, даже одна из самых главных она в сегодняшнем спорте. А что стара она, ничего не значит: раз с повестки дня не снята, стало быть, не стара. Я надеюсь и верю, что среди читателей этой книги будут те, кто только начинает свою жизнь в спорте. Для них тема эта имеет не просто познавательное, а чисто практическое значение, потому что речь пойдет

о трудолюбии спортсмена и о соблюдении им режима.

Когда я приехал из Египта в СССР, в зените славы находился Григорий Новак. О Новаке писали столько, сколько не писали ни об одном спортсмене. О нем говорили в превосходной степени не потому только, что он был первым советским чемпионом мира. Результаты его были феноменальными: и казалось, пройдут десятилетия, прежде чем падут рекорды этого замечательного штангиста. Прошли, однако, не десятилетия, а годы — от рекордов не осталось и следа. А сейчас результаты Новака, будь они показаны даже не полутяжеловесом, а средневесом, и то показались бы заурядными.

Еще меньше времени прошло с тех пор, как гремело на стадионах всего мира имя Владимира Куца, которого называли великим стайером. Он и был великим стайером. Но сейчас-то не всякого бегуна, который тратит на 10 тысяч метров меньше времени, чем Куц, называют и просто хорошим стайером.

Я не случайно привел в пример именно штангиста и бегуна. Штанга — металлическая никелированная палка — и «блины» не претерпели никаких изменений с тех пор, когда выходил на помост Новак. И 10 тысяч метров и для Куца, и для преемника — это 25 кругов вокруг футбольного поля. Тот же самый процесс проходит — он не может не проходить — и во всех остальных видах спорта. Поэтому мне смешно слушать споры — а спорят, увы, не одни только болельщики — о том, скажем, какая футбольная команда играет сильнее — ЦДКА сороковых годов или киевское «Динамо» шестидесятых. Добро бы еще вопрос был сформулирован так: «Какая из этих команд зна-

чила больше для своего времени?» Так нет же, спорят о том, кто выиграл бы. Не то что киевское «Динамо» — команда второй лиги и та победила бы прославленного чемпиона двадцатилетней давности. Между прочим, если бы бегали наперегонки, то — кто знает! — быть может, и по сей день говорили бы, что не было еще стайера, который бежал бы быстрее того же Куца.

В чем же дело? Почему Новак по-прежнему считается выдающимся штангистом, Куц — великим стайером, а результаты и того и другого перестали считаться мастерскими, не то что гроссмейстерскими? Может быть, люди сами по себе стали сильнее? Наивное предположение. Среднестатический человек, не занимающийся спортом, видимо, ненамного сильнее, чем был в этом же возрасте его отец. Для того чтобы люди сами по себе стали намного сильнее (речь-то идет не о секундах, а о минутах, не о килограммах, а о десятках килограммов), должно пройти очень много времени, должен измениться образ жизни, питание и т. д. и т. п.

Сильнее стал не всякий человек, а спортсмен. И стал он сильнее своих предшественников — даже выдающихся, — потому что резко увеличил количество тренировок и увеличил интенсивность самих тренировок, потому что самоограничение у него дошло до аскетизма. Проще говоря, спортсмен стал работать до седьмого пота, отказался от спиртного и курения, начал есть не что попало, а то, что надо, и не столько, сколько он хочет, а столько, сколько надо, — не больше и не меньше. Спортсмен стал сильнее, потому что все реже и реже руководствуется он в своей жизни словом «хочу»: вместо «хочу» — «надо».

Но я не буду выдавать желаемое за реальное. К величайшему сожалению, далеко не все спортсмены уже отказались от «хочу», еще не все поняли, что в стране Спорт главное — «надо». Если бы было проведено соответствующее обследование, надо полагать, выяснилось бы, что трудолюбивых спортсменов, спортсменов, соблюдающих строгий режим, больше всего среди легкоатлетов, штангистов, пловцов, конькобежцев. Не потому, что они сознательнее или умнее, чем мы, игровики. А потому, что стоит ему пропустить тренировку-другую, разок-другой позволить себе то, что именуется у нас нарушением режима, — и тотчас он будет наказан, и наказание это будет наглядным: заупрямится штанга, которая еще несколько дней назад вела себя послушно, на одну и ту же дистанцию уйдет больше секунд, чем уходило совсем недавно. Весы, рулетка, секундомер не позволят спортсмену обмануть самого себя.

В результате обследования выяснилось бы, что немногим менее сознательны борцы, теннисисты, боксеры и прочие «индивидуалисты», у которых нет единиц точного измерения их мастерства — секунд, килограммов, сантиметров, — но которые при самокритичном отношении могут найти логическую связь между пропущенной тренировкой или рюмкой водки и проигранным боем.

И наконец, самыми нетрудолюбивыми спортсменами, самыми активными нарушителями режима, надо полагать, оказались бы мы, игровики, — футболисты, хоккеисты, волейболисты, баскетболисты. Потому что у нас значительно труднее найти причинную связь между количеством тренировок, бессонных ночей, выпивок, выкуренных сигарет и качеством игры.

При желании можно с легкой душой обманывать окружающих и даже самих себя. «Ну да, играли мы действительно неважно и проиграли по делу. Но при чем тут пропущенная тренировка (свадьба друга)? Просто не повезло: два верных мяча смазал. И судья придирался: два фола ни за что засчитал. И партнер сыграл плохо: несколько пасов дал неточных». Но те же самые факты могут быть оценены иначе. Иначе и честнее. Что значит «не повезло»? А может быть, устал больше обычного, играл через силу, свежести не хватило, потому и смазал два верных мяча? И судья, наверное, прав был: опять-таки из-за усталости запоздал вернуться в защиту — не твой соперник, а ты был виновником столкновения. И партнер был прав: он-то пасовал правильно, но ты — все та же усталость — чуть промедлил, и мяч перехватили. Усталость — вот что подвело игрока и его команду. А причина усталости — та самая пропущенная тренировка (свадьба друга).

Правильный образ жизни стал нормой для большинства, скажем, штангистов и — как это ни прискорбно — только для части футболистов или баскетболистов. И это вдвойне, втройне неприятно, ибо тот же штангист, плохо подготовившийся к соревнованиям, подводит только самого себя, а за одного баскетболиста или футболиста — из-за его эгоизма — расплачивается вся команда.

Но нет ли в моих рассуждениях противоречия? С одной стороны, я утверждаю, что и нынешняя команда второй лиги выиграла бы у чемпионов двадцатилетней давности, с другой — сетую на несознательность тех же футболистов. Нет. Процесс, о котором я говорю, проходит и в наших игровых видах

спорта. Так же, как современный штангист — даже середняк — сильнее Новака, так, скажем, и баскетболист-69 сильнее баскетболиста-49. Но так как в силу причин, о которых я говорил, процесс этот проходит у нас значительно медленнее, то и преимущество футболиста над своим предшественником менее весомо, чем у штангиста.

А были ли хорошие игроки, которые и тренировками себя не изнуряли, и в спиртных напитках себе не отказывали? Я покривил бы душой, если бы ответил на этот вопрос отрицательно. Были и есть. Но играли они хуже и меньше, чем могли бы играть, если бы были более строги к себе.

Я не собираюсь ни отрицать, ни умалять значение таланта. И в спорте талант — благо. Но и в спорте без пота талант немногого стоит. Если и была когда-то в спорте эра самородков, то давным-давно кончилась и никогда уже не повторится.

Вам, видимо, случалось увидеть молодого, очень способного спортсмена. Он произвел на вас отличное впечатление. Затем вы прочитали в газете, что от него многого ждет и журналист, с мнением которого вы считаетесь. Проходят месяцы, годы, а ваш любимец никак не выкарабкается из разряда подающих надежды. А затем вы уже перестаете ждать, ибо ясно: из парня толка не будет.

А между тем первая оценка — ваша и журналиста — была правильной. Парень действительно из тех, что для спорта рождены: сильный, ловкий, хорошо координированный, техничный. Откуда вам и журналисту было знать, что талантливый этот парень оказался с ленцой и охотником до всякого рода увеселений? Этого с трибун и из ложи прессы не увидишь.

Откуда вам было знать, что парень этот руководствуется принципом: «Пусть тренируется тот, кто играть не умеет»?

...Я еще не видел Марта Лагу, но наслышался о нем вдосталь. Молодого эстонца называли восходящей звездой, ему прочили большое будущее. Я ждал от Лаги многого, — а когда многого ждешь, невольно разочаровываешься. Однако на сей раз разочаровываться не пришлось: Лага, увиденный мною, превзошел все ожидания. В ту пору — а увидел я Лагу в 1953 году — наши центровые были довольно медлительны. Лага же при росте в 193 сантиметра — по тем временам он был одним из самых высоких наших баскетболистов — бежал со скоростью спринтера. В исполнении Лаги я впервые увидел, как мяч укладывают в корзину двумя руками сверху. И чтобы характеристика была полной, добавлю, что, как и все эстонские центровые, этот семнадцатилетний парень был очень техничен.

В общем Лага справедливо считался одним из лучших советских центровых. В двух чемпионатах Европы Лага защищал цвета сборной СССР. И все-таки правильнее назвать его не звездой, а метеоритом: он мог бы играть еще и сейчас, когда пишется эта книга, — он кончил играть, когда ему едва исполнилось 25 лет...

К величайшему сожалению, примеров, аналогичных этому, я мог бы привести множество. Сколько их было, талантов, не желавших работать, талантов, загубленных водкой, сколько их было, несостоявшихся звезд, недоигравших игроков!.. Чего греха таить, и сейчас еще есть такие, которые пытаются совместить приятное с полезным. Но им, этим совместителям,

живется хуже, чем прежде. И с каждым годом им будет все труднее и труднее. Нет, нельзя сейчас совмещать два вида спорта, а совмещать спорт с водкой, с гулянками — во сто крат труднее. Тот, у кого «хочу» будет побеждать «надо», немногого добьется в спорте, недолго в нем проживет.

Талант без пота немногого стоит. А вот его противоположность — человек, не очень щедро наделенный природой, но трудолюбивый, уверен, далеко пойдет. С тех пор как ушел из «Калева» Лага, в команде не было ни одного столь же талантливого игрока. А «Калев» закрепился в высшей лиге, затем стал крепким середняком и, наконец, одной из сильнейших команд страны. Да, команда без великанов, команда без звезд — команда-гроссмейстер. Столь чудесное превращение объясняется многими причинами. Но едва ли не самая главная — трудолюбие команды. Я умышленно говорю о команде, как об одном человеке: в «Калеве» есть игроки получше, есть похуже, но, уверен, нет в «Калеве» лентяев. На тренировках «Калева» я не бывал. Но видя, какой объем работы проделывает команда в каждом матче, я имею примерное представление об интенсивности ее тренировок.

...Леван Инцкирвели, Николай Леонов, Валентин Радзиевский, Анатолий Астахов — ни одного из них не назовешь рожденным для баскетбола. Ни от одного из них ни баскетбольные завсегдатаи, ни журналисты ничего особенного не ждали. А они добились многого — сознательным отношением к делу, трудом, потом добились. Добились — потому что для них «надо» всегда было важнее, чем «хочу».

А вот Альберт Вальтин — тот рожден для баскетбола. Но этот здоровяк ростом за два метра ни за

что не стал бы одним из лучших наших нападающих, если бы не строжайший режим (Альберт, по рассказам игроков киевского «Строителя», никогда не курил и не баловался спиртным) и воистину фантастическое трудолюбие. Играет он несколько коряво (дало себя все-таки знать то, что он поздно пришел в баскетбол), но дай бог нашему баскетболу побольше таких «корявых» игроков: 25 очков за матч Вальтин набирал шутя-играючи, и в 32 года его хватало на два тайма.

Не 215 сантиметров роста сделали Владимира Андреева центровым лучших команд Европы — ЦСКА и сборной СССР. Было время, когда ему не хватало 40 килограммов веса, и был он настолько слаб, что не мог подолгу стоять с поднятыми вверх руками. Отличным баскетболистом его сделало трудолюбие.

Вальтин и Андреев — люди, наделенные баскетбольным талантом, но, если бы они руководствовались принципом «Пусть тренируется тот, кто играть не умеет», они никогда не стали бы классными игроками.

Один абзац — специально для будущих баскетболистов, для молодых баскетболистов. Тренироваться всегда скучнее, чем играть. Но вам повезло: вы выбрали вид спорта, в котором ножницы между тренировкой и матчем не так велики, как в любой другой игре. Скажем, футболисту или волейболисту нельзя — во всяком случае, неинтересно и трудно — тренироваться в одиночку. Баскетболист может тренироваться и один, потому что, если есть мяч, пол, щит и корзина — значит, есть и баскетбол. Нет партнера — тренируйся один: время дорого. Дриблируй, поиграй в пас со щитом, ставь себе бросок, обучи левую руку работать так, как работает правая. Потянул ногу —

бей штрафные, вывихнул руку — беги. Тренируйся каждую свободную минуту: время дорого.

...Дорого время: в стране Спорт живут недолго. Так не укорачивайте свой и без того короткий век ленью, алкоголем, никотином.

Призыв, скажем, быть смелым справедлив и тогда, когда исходит он от труса: истина не перестает быть истиной оттого, кто ее провозглашает.

Алачачян может быть спокоен. О чем, о чем, а о трудолюбии, о соблюдении режима — о честном отношении к своим обязанностям — он может говорить с чистой совестью, не опасаясь ехидной реплики: «А сам-то каков?» Невозможно сказать о ком-нибудь: он, мол, по части режима и трудолюбия Алачачяна превзошел. Нельзя превзойти — и все тут.

Не из тех, кто рожден для баскетбола: ростом не вышел. А прожил в большом баскетболе два десятка лет. И до последнего дня на площадке проводил больше времени, чем на скамье запасных. Обо всем этом вы уже знаете, как знаете и о том, что Александр Гомельский, тренер сборной СССР, пожалел, что не взял Алачачяна в Мехико, на Олимпийские игры. Так что и в 38 лет он еще в тираж не вышел — в 38, когда многие бывшие баскетболисты имеют уже десятилетний тренерский стаж.

Стареющая женщина скрывает свой возраст. Стареющий спортсмен борется со своим возрастом. Никаких откровений в этом утверждении не со-

держится, но дело в том, что Алачачян начал бороться с наступающей старостью, когда ему было 22 года. Еще не существовало термина «Интервальный метод тренировки», а Алачачян уже тренировался по этой методе: работал до полной усталости, затем предоставлял себе короткий отдых — и опять до изнеможения. Не было партнеров — тренировался один, болела рука — бегал, с ногой что-нибудь случалось — штрафные бил, учил левую руку работать так, как работала у него правая. Все пригодилось: и в 37 он на площадке бывал больше своих молодых партнеров, а уставал меньше, чем те.

Алачачян за долгую свою карьеру со многими тренерами работал. Ни один из них, даже самый требовательный, никогда не говорил ему: «Арменак, надо еще поработать!» Ни к чему это было говорить. А когда уже постаревший Алачачян, бывало, говорил, что для пользы дела ему надо отдохнуть, пропустить тренировку-другую, ему разрешали и верили даже очень недоверчивые тренеры.

Он и из любопытства не попробовал, что это такое — сигарета. А выпить ему однажды пришлось. Когда ЦСКА в какой-то там раз стал чемпионом страны, на банкете ребята силой влили в него коньяк — граммов 25. Он кричал: «Я пьяный, я пьяный!» И потом в течение года приставал к одному из баскетболистов: «Скажи, как ты это бутылками пьешь?»

Я у Алачачяна как-то в шутку спросил, зачем ему деньги. Вот ему — и я назвал игрока, который не прочь был заложить за воротник, — ему

нужны. Он шутку не понял и всерьез ответил мне — и расчетами доказал, предварительно спросив, сколько водка стоит и сколько ее можно за раз выпить, — что на фрукты тратит гораздо больше денег, чем тот на водку вместе с закуской. Фрукты он и впрямь килограммами ел. Не только потому что любил, — потому что полезно. А раз полезно — значит надо. Мед он не любил: не вкусно. Не вкусно, но полезно. Еще не вкуснее, но еще полезнее мед с лимонным соком: Алачачян где-то вычитал, что такая, смесь укрепляет сердечные мышцы. «Не вкусно» — разновидность «хочу» — спасовало перед «надо»: мед с лимоном стал чуть ли не лакомым его блюдом.

Надо — значит надо. По-моему, ему такая жизнь не в тягость была: раз и навсегда приучил он себя делать то, что надо.

...Нет, нет, о трудолюбии, о режиме он лекции может читать со спокойной совестью.

- **ЗДРАВСТВУЙ, СБОРНАЯ!**
- **ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ТБИЛИСИ.**
- **ЕСТЬ ТАКАЯ НАУКА — БАСКЕТБОЛ.**
- **КОНКУРЕНТ, ЗАБЫВШИЙ О КОНКУРЕНЦИИ.**

Чемпионат страны 1952 года проводится в Ереване. Мы полны желания порадовать земляков. Благо наш СКИФ уже не аутсайдер, раздающий очки налево и направо,— он уже середняк. Это заметно по тому,

как относятся к нам — очень уважительно и с опаской. Да и СКИФ, еще два года назад в Вильнюсе боявшийся — и не без оснований — каждую команду, с которой ему надлежало играть, теперь уже позволяет себе — подумать только! — делить своих противников на сильных и слабых. Да и к сильным мы, откровенно говоря, уже относились без особой робости.

Мы выиграли у обеих команд, у которых должны были по идее выиграть. Победили свердловский «Уралмаш», что обрадовало, но не удивило нас. Держали за горло ВВС: мы проиграли одной из лучших команд страны всего три очка. Только московским динамовцам удалось выиграть у нас сравнительно легко.

Я и сам чувствовал, что играл в том чемпионате неплохо: был, как говорится, в ударе. Но когда по окончании турнира мне сказали, что я приглашен в сборную СССР, которой предстояло через полгода играть в московском чемпионате Европы, я и удивился, и обрадовался несказанно. Несказанно обрадовался — сказано слишком слабо: счастье вознесло меня на седьмое небо.

Я был очень молод (не удивляйтесь, это теперь 22 года — пора зрелости спортсмена, а в ту пору и молодели, и старели позже: 16—17-летних чемпионов спорт еще не знал, зато тех, кому за 30, было гораздо больше, чем сейчас, — во всяком случае, я в сборной СССР оказался самым молодым). Я был счастлив и со всем жаром молодости, помноженным на темперамент южанина, начал подготовку. На сборы в Москву я должен был приехать в январе 1953 года. Чемпионат страны закончился в октябре, и в октябре же я, вместо того чтобы хорошенько отдохнуть, начал сверхинтенсивные тренировки. Произошло то, что и

должно было произойти: к январю я уже был тепленький, и меня со спокойной совестью можно было отчислять из сборной.

Да, конечно, я был молод, и умного, опытного советчика у меня не нашлось. Но, право же, дело не в этом.

...1967 год. Всесоюзный зимний турнир, в котором вне конкурса участвует сборная СССР, готовящаяся к чемпионату мира. Блистательно провел турнир нападающий сборной Украины Геннадий Чечура. Он играл так хорошо, что поговаривали: быть ему в сборной СССР. И вот перед последним матчем украинской команды какой-то доброжелатель, узнав от тренеров сборной СССР, что они приглашают Чечуру («После матча, мол, скажем ему...»), поторопился обрадовать Геннадия.

А Чечуру, надо сказать, баскетболисты называли железным человеком — в переводе на нормальный язык это означает «боец среди бойцов», «боец в превосходной степени». Действительно, не счесть матчей, которые киевский СКА и сборная Украины выигрывали благодаря его, Чечуры, хладнокровию и злости. Вне площадки — добряк, рубаха-парень, во время матча — желваки ходят, все время чего-то бурчит, чем-то недоволен, своих партнеров пилит, с судьями переругивается: его, между прочим, и те, и другие побаивались. В 1963 году на Спартакиаде народов СССР в матче против сборной Грузии он вышел на площадку, когда его команда проигрывала очков 15. Украина тот матч выиграла — в первую очередь усилиями Чечуры. Любопытная особенность: чем сильнее был соперник, чем хуже складывались дела его команды, тем спокойнее и лучше играл Чечура. Короче говоря,

человек без нервов — и все тут! Игрок он к тому же был опытный: ему в ту пору шел 29-й год. Да, еще одна важная деталь. Тренеры не ставили вопрос таким образом: сыграет хорошо в последнем матче — вот тогда возьмем.

В том последнем матче Чечура сыграл так плохо, как не играл, наверное, никогда. Не надо было быть врачом-психологом, чтобы установить диагноз: перенервничал, перегорел... И это Чечура — железный человек, человек без нервов, Чечура, который ничего и никого не боялся. А его, между прочим, в сборную СССР за хладнокровие и бойцовские качества брали. На чемпионат мира его все-таки взяли, но, по рассказам ребят, он так в себя и не пришел...

Итак, желторотый Алачачян образца 1952 года и старый баскетбольный волк Чечура в одной и той же ситуации вели себя примерно одинаково. И ничего удивительного в этом нет. Я рассказывал о Чечуре, а мог рассказать о любом другом игроке, которого когда-либо приглашали в сборную СССР.

Что означает для спортсмена приглашение в сборную СССР? Это признание его заслуг: раз пригласили тебя — значит, ты один из самых сильных в стране. Это свершение мечты: потому что тот не спортсмен, кто не стремится попасть в команду № 1 своей страны. Это аванс, который тебе предстоит отработать. Это боязнь оказаться за бортом, боязнь потерять мечту, которую ты уже держишь в руках: тебе-то не дали никаких гарантий, что из тренировочного состава ты непременно попадешь в основной. Из всех сил стараешься отработать аванс, отблагодарить за доверие, удержать мечту в руках. Ну, а что из этого получается, вы уже знаете...

Январь 1953 года. Морозы в Москве той зимой стояли ужасные. В тот день было за 30 градусов. Люди не шли — бежали, торопились туда, где тепло. Многие из тех, кто пробегал около Курского вокзала через несколько минут после того, как прибыл ереванский поезд, должны были невольно сбиться с темпа. Не могли они не сбавить ход, увидев молодого человека, одетого легко, по-пижонски. Тем молодым пижоном был я.

Как и все люди, всю жизнь прожившие в теплых краях, я не умел одеваться по-зимнему. И в Египте, и в Армении зимы как таковой нет. В баскетбол в ту пору из-за недостатка залов мы, за редким исключением, играли под открытым небом — следовательно, летом и за те пять лет, которые прожил я в СССР, мне ни разу не приходилось уезжать зимой из Армении.

Тогда в 53-м, я, может быть, знал три-четыре русских слова — не больше. Холодно, языка не знаю, настроение паршивое: понимал ведь, что не в форме, — с большим трудом, не помню уж, и как, добрался я до стадиона «Динамо», где расположилась сборная СССР.

И вот первые в моей жизни сборы. Нас 25, а мест в команде 12... Как ко мне отнеслись? Одним словом и не ответишь. В чисто человеческом плане хорошо — даже очень хорошо. Унты мне раздобыли, русскому языку обучать начали (любопытно, что среди учителей были и нерусские — грузин, эстонец, литовец; русский язык у советских спортсменов — и не только у баскетболистов — своего рода эсперанто: на каком языке прикажете говорить эстонцу с литовцем или грузину с латышом?). А вот как к игроку, ко мне от-

неслись сдержанно и настороженно. Нет, я и тогда не обижался и не удивлялся: жизнь есть жизнь, а на 12 мест 25 претендентов. Да и не сделали мне ничего худого — просто чувствовался холодок. Мне было хуже, чем другим. Ветераны — те держались группками. А новички могли, во всяком случае, поговорить, отвести душу. Я же, бывало, за день два-три слова скажу.

Относительно того, сколько игроков должно быть на сборе, существуют две теории. По одной, к турниру должны готовиться 12 игроков — те, кто и будет участвовать в турнире. Такой подход к делу сулит одну, но весьма и весьма существенную выгоду: отношения между игроками в высшей степени доброжелательные, можно даже сказать, идеальные. Партнер и ошибку твою подметит, и подскажет, как ее исправить. Да что там говорить, команда, в которой нет конкурентов, команда, в которой все союзники, — такая команда и дружна и монолитна.

Но не следует обольщаться. Такой подход к делу может оправдать себя только в том случае, если каждый из 12 не только настоящий спортсмен, но и в высшей степени порядочный человек, человек долга. Самоуверенность и самоуспокоенность, как известно, — не лучшие из стимулов для работы. Где гарантия, что кто-то, один из двенадцати, не злоупотребит доверием, не станет работать вполсилы, не будет отбывать номер? А ведь такая команда — команда без запасных... К тому же случайная травма — а кто от нее застрахован? — и нет команды. Я уже не говорю о такой, скажем, важной мелочи, как двухсторонний тренировочный матч — его ведь двумя пятерками не проведешь.

Нет, совсем не случайно теория эта, насколько мне известно, никогда не применялась на практике.

О второй теории — теории, которая обычно и осуществляется на практике, — вы уже имеете кое-какое представление и уже знаете об одном из ее недостатков. Но есть еще один, посущественнее. В условиях жесточайшей конкуренции энергия игроков — как минимум тех, которые не уверены, возьмут их в команду или не возьмут, а таких игроков большинство, — в таких условиях энергия, и физическая и нервная, тратится именно на борьбу за место в команде. А когда программа-минимум выполнена и когда надо уже играть и побеждать, желания больше, чем возможностей осуществить это желание.

Это относится не к одному только баскетболу. В 1968 году на Олимпиаде в Мехико я впервые был не участником, а зрителем спортивных соревнований. Со стороны виднее: убежден, что многие из наших спортсменов, которые не оправдали возлагавшихся на них надежд, просто-напросто не могли их оправдать. Они перегорели, перегорели задолго до того, как прибыли в Мехико, перегорели тогда, когда боролись за то, чтобы попасть в Мехико. Одни были излишне возбуждены, другие апатичны — и те и другие миновали то, что называется пиком формы, и тем и другим не хватало нервной свежести.

По мне, на сборы баскетбольной команды надо приглашать 18, скажем, игроков. Но в официальном порядке всем 18 надо объявить, кто из них будет участвовать в турнире, к которому команда готовится, а кто — резервист, приглашенный, как говорится, на всякий случай. Я не говорю, что такого рода вариант представляется мне идеальным. Нет, и здесь недостат-

ки очевидны, но, на мой взгляд, этот вариант лучше тех двух, о которых шла речь.

Но в общем-то рассуждения о невзгодах, связанных с излишне ожесточенной конкурентной борьбой на сборах, навеяны отнюдь не моим дебютом в сборной СССР; это скорее не причина, а повод для сетований: просто я вспомнил все сборы, на которых мне довелось побывать, вспомнил, что говорили и как себя чувствовали многие мои товарищи, — вспомнил и попытался все это обобщить.

Не мог не сделать эту оговорку, ибо тогда, в 1953-м — теперь я это хорошо понимаю, — мне грех было жаловаться. Тренер сборной СССР Константин Александрович Травин, сам в прошлом один из лучших советских баскетболистов, который пережил, наверное, когда-то то, что пережил и я, без слов понял, почему в чемпионате страны я играл лучше, чем у него в команде, — понял и помиловал меня.

Но доброе ко мне отношение Константина Александровича не спасло бы меня: и доброта имеет свои границы. Если бы я играл не хуже обычного, а очень плохо, он, даже понимая меня и испытывая ко мне жалость, в конце концов, все-таки отчислил бы меня. И был бы прав: он тренер, а не филантроп. На мое счастье, в сборной-53 нашлись два очень авторитетных игрока, которые, опекая меня порой даже сверх меры, помогли мне стать на ноги. Двумя добрыми моими ангелами-хранителями были Отар Коркия и Иван Лысов. Должен рассказать о них — не потому, что я их должник, а потому, что игрой своей оба заслужили того, чтобы вечно значиться в списке звезд отечественного баскетбола.

Отар Коркия был редкой даже среди баскетболистов силы человек. А ведь в баскетболе силой — я имею в виду буквальный смысл этого слова — не удивишь.

За Анатолием Поливодой, центровым киевского «Строителя» и сборной СССР, в свое время ходил по пятам тренер-борец, уговаривал его бросить полюбившийся тому баскетбол и сулил, что через год-два тот непременно будет чемпионом — если и не мира, то страны уж точно. В таком случае тот тренер мог бы сборную СССР укомплектовать из одних только баскетболистов.

...Другого центрового сборной СССР, Яака Липсо, в ту пору, когда он играл в ЦСКА, пытался похитить наш же армейский тренер по легкой атлетике. Липсо тоже сулили золотую медаль — в копьеметании.

...Александр Кандель из свердловского «Уралмаша» легонечко, аккуратненько, в треть силы — чтобы банку не повредить — руками открывал консервы.

...Два баскетболиста однажды пошутили над товарищем: перетащили за угол дома — метров за двадцать — его «Москвич».

Но Поливода, Кандель, Липсо и два безымянных героя — те и внешне здоровяки: под два метра, косая сажень в плечах. А вот Казис Петкявичус ростом невелик (если мне не изменяет память, у него 178 сантиметров), и не производит впечатления чудо-богатыря. В Хельсинки во время Олимпийских игр он предложил Григорию Новаку проверить, у кого руки сильнее. Знаете, наверное, — локти на стол, ладонь в ладонь и — кто кого дожмет. Новак его вначале на смех поднял, а затем, разозлившись, принял вызов. Петкявичус, правда, Новака обманул: «Давай, — го-

ворит, — левыми руками померяемся». Но, думаю, если бы Новак и знал, что Петкявичус левша, все равно согласился бы: как-никак чемпион и рекордсмен мира, а тут какой-то баскетболистишка. Петкявичус три раза кряду прижимал руку Новака к столу.

Я уж на что несильным среди баскетболистов считаюсь, а ведь тоже и с боксерами, и с борцами (моей весовой категории, разумеется) силами мерился — как Петкявичус с Новаком — и славы баскетболистов не уронил. Ничего удивительного между тем нет. Наш баскетбольный шарик весит 650 граммов, бросать его надо одними кистями, а лететь он должен с такой скоростью, чтобы и противник его не перехватил, и к партнеру он как можно скорее попал: в баскетболе, как и в спринте, счет времени не на секунды — на десятые доли секунды идет. Попробуйте по два часа ежедневно бросать и ловить с огромной скоростью летящий мяч: лет через 10—15 сможете смело вызвать на матч даже штангиста.

Патриотизм баскетболиста увел меня в сторону от темы — намного дальше, чем я предполагал. Так вот Отар Коркия был редкой даже среди баскетболистов силы человек. Природа его щедро наделила. Он был неплохим борцом, очень хорошим копьеметателем (владел какое-то время рекордом Грузии). Многими еще видами спорта увлекался он, во многих мог преуспеть, но уже в зрелом возрасте, по-настоящему полюбив баскетбол, стал баскетболистом. И еще каким! Долгие годы тбилисский динамовец считался центровым № 1 советского баскетбола. В 1952-м в Хельсинки, хоть и был Коркия на 18 сантиметров ниже Клайда Ловелетта, его, а не американца признали лучшим центровым турнира.

В Вильнюсе — не помню, с кем играли тбилисцы, помню лишь, что решалась судьба золотых медалей, и тбилисцы проигрывали очко — на моих глазах Отар Коркия, получив мяч под неприятельским щитом, поднялся в воздух с тремя (!) соперниками на плечах, — поднялся и мяч в корзину уложил! Сила? Да. Но не только. Я думаю, в обычной обстановке Коркия этакого не проделал бы.

Прежде чем договорить мысль, приведу еще один пример из жизни Коркия. В 1952 году в Хельсинки, во время финального матча с американцами, Коркия напрочь вывихнул большой палец правой руки. Не знаю, как по-медицински правильно назвать эту травму, но палец своего владельца не слушался и причинял ему буквально адскую боль. Врач, бинтовавший — правильнее сказать, привязывавший бинтом палец к руке, — чуть не плакал. Коркия, переминаясь с ноги на ногу, стоял лицом к площадке и просил: «Крепче, дорогой, завяжи!» А потом врач, говорят, чуть не упал в обморок: его пациент, проверив, прочно ли перевязан (привязан?) палец, вышел на площадку. Сгоряча, скажет иной. Не буду спорить. Но то была не поза. Коркия не просто вышел на площадку — он играл. И играл очень хорошо — так же, как он играл до травмы. Еще одна немаловажная деталь. Опытный баскетболист, Коркия не мог не знать, что и его присутствие не спасет команду от поражения: американцы были намного сильнее. Но в тот момент он об этом не думал. Надо было идти и бороться, и он пошел.

По какому же принципу объединил я две эти разные сценки? Только ли потому, что главный герой обеих Коркия? Нет. В жизни каждого человека бывают такие ситуации, когда он может сделать нечто

большее, чем позволяют ему его возможности: раз надо — значит надо, и он добивается своего через не могу. По причинам, вполне понятным, такие ситуации у спортсмена встречаются чаще, чем, скажем... В общем — чаще, чем у неспортсмена. И конечно же, далеко не все спортсмены поступают в таких ситуациях так, как поступил Коркия. Но как раз именно в таких ситуациях и проверяется, кто чего стоит. Здесь понятие «баскетболист», «штангист», «гимнаст» уступает место понятию «спортсмен». Потому что здесь все решает не мастерство, не умение. Здесь уже все решает характер человека. Восторгаться следует не сверхсилой Коркия в первом случае и не сверхмужеством — во втором. Сверхсила и сверхмужество — это следствие, а причина — ответственность, чувство долга.

Можно быть хорошим баскетболистом и плохим спортсменом. Это если баскетболист все умеет, но умение свое показывает, когда команда или выигрывает 20 очков, или 20 очков проигрывает, — когда игра уже сделана и не надо брать на себя ответственность. Такие в баскетболе добивались немногого, хотя на первых порах ими восторгались и зрители, и журналисты, и даже тренеры, которые, случалось, и в сборную их приглашали.

Гораздо большего добивались те, кого можно назвать не очень хорошими баскетболистами, но настоящими спортсменами. Старательностью своей, злостью, огромнейшим трудолюбием, стремлением к славе, желанием добиться своего и не быть обузой в команде они многого добивались. Многие из них, в конце концов, становились и хорошими баскетболистами. Вадим Капранов, который, казалось, так и останется навсегда вечным запасным в ЦСКА, заставил заговорить о себе, когда ему пошел 26-й год, а в 28 его пригласили в сборную СССР.

А Отар Коркия — блестящее сочетание — был и баскетболистом отличным, и великим спортсменом. Он был капитаном сборной СССР. Он себя в игре не щадил, ничего не боялся — рядом с ним стыдно было играть вполсилы, стыдно было праздновать труса. Не было у сборной СССР капитана более достойного, чем Отар Коркия. Да и не было — я, во всяком случае, не помню — в нашем баскетболе игрока, который пользовался бы таким авторитетом — и среди игроков и среди тренеров, — как Отар Коркия.

Не знаю, чем уж я ему приглянулся, но относился он ко мне — лучше не пожелаешь. Стоило кому-нибудь — особенно из звезд — выказать неудовольствие мною, как Коркия тут же на моего обидчика прикрикивал. Даже если обидчик был прав и не очень-то сильно обидел меня... А с Коркия, сами понимаете, не спорили.

А я ведь по молодости лет порой играл не так, как надо, а так, как мне нравилось, так, как играл у себя в СКИФе. Я любил давать скрытые, неожиданные пасы и частенько перебарщивал. В СКИФе партнеры, зная манеру моей игры, всегда от меня паса ждали. И вот я решил дать такой пас Коркия. Решил — дал. Коркия же не ждал паса, и мяч угодил ему в лицо. Я обмер. А Коркия поднял руку и сказал: «Все правильно, мальчик. Это я виноват».

Не могу утверждать, но подозреваю, что он защищал меня именно потому, что я нуждался в защите. Я не успел еще сказать, что Отар Коркия, как и большинство очень сильных людей, еще и очень добрый

человек. Своевольный, своенравный, но отходчивый и очень-очень добрый.

...Прошло с тех пор много лет. Коркия стал тренером команды, цвета которой защищал, — тбилисского «Динамо». В течение нескольких чемпионатов СССР по окончании каждого тура корреспонденты «Советского спорта» просили тренеров каждой команды дать свой вариант сборной СССР. Задача не то чтобы пустячная, но и сложной ее не назовешь: надо было назвать 12 лучших игроков только что закончившегося тура (четырех защитников, четырех нападающих, четырех центровых). Все тренеры сдавали корреспонденту анкеты. Сдавал ее и Коркия. Со всеми тренерами работа у корреспондентов на этом и заканчивалась, с Коркия она только-только начиналась.

— Отар Михайлович, да у вас пятнадцать игроков! — журналист старательно играет удивление.

Играет — потому что он должен был бы удивиться, если бы их, игроков, было 12. После каждого тура у всех тренеров по 12, у Коркия — минимум 14.

— Пятнадцать? — Теперь уже удивляется Коркия. Удивляется чересчур искренне. — Скажи пожалуйста — пятнадцать! Давай сюда, дорогой: быстренько исправим.

Коркия колдует над списком минут пять, потом отдает его журналисту и собирается уходить. Но журналист берет Коркия под руку и на ходу просматривает анкету. Он человек опытный: Коркия его уже однажды обманул — вычеркивал, вычеркивал — и не вычеркнул.

На этот раз фамилии трех игроков вычеркнуты. Журналист благодарит Коркия, отпускает его руку. Но не успевает тот отойти — журналист догоняет его.

— Отар Михайлович, что же вы делаете? Было пятнадцать, а теперь шестнадцать!

Коркия, оказывается, внизу дописал трех вычеркнутых и добавил еще одного.

Но время сработало на Коркия.

— Не ребята — орлы! Слушай, кого тут вычеркивать? Нет, ты скажи, дорогой, кого? — Он вращает своими огромными серыми навыкате глазами, пытаясь призвать в помощь свидетелей, и главное — не встретиться взглядом с журналистом. Коркия жалеет и его. — Нет, ты скажи, дорогой, кого вычеркнуть?

Журналисту все равно, кого вычеркивать. Главное — чтобы было 12 игроков.

— Отар Михайлович, ну вот, предположим, вы — тренер сборной СССР. Вам надо отобрать двенадцать игроков — двенадцать, а не десять и не пятнадцать. Что вы будете делать?

— А почему двенадцать? Почему не пятнадцать?

Можно подумать, что в этом случае у него их было бы меньше, чем двадцать.

В конце концов, в списке остаются 12 игроков. Но оба огорчены: Коркия — потому что ему все-таки пришлось вычеркнуть нескольких орлов, журналист — потому что огорчил доброго человека из Тбилиси.

С чувством огромнейшей благодарности вспоминаю я и Ивана Лысова. Коркия был моим покровителем, Лысов — учителем. Учителем, который сделал для меня больше, чем мог и должен был сделать. Я уже мельком упоминал о том, что Лысов был виртуозом от баскетбола. Я бы даже сказал, что он был самым

техничным игроком, которого мне довелось когда-либо видеть, но от столь категоричного утверждения меня удерживает следующее обстоятельство. Вскоре после того, как Лысов закончил играть, в баскетболе появилось правило тридцати секунд, ограничившее время, в течение которого команда могла владеть мячом, что, разумеется, резко взвинтило темп игры.

Так что попытка сравнить Лысова с виртуозами более позднего времени явно несостоятельна. Поэтому ограничусь следующим утверждением: ни до Лысова, ни после него мне не доводилось видеть баскетболиста, который умел бы проделывать с мячом то, что проделывал с ним малыш из Эстонии (Лысова даже я могу назвать малышом: он один из очень и очень немногих баскетболистов, который еще ниже, чем я, его рост — 170 сантиметров). Нельзя сказать, что Лысов работал с мячом: работа всегда ассоциируется с какими-то определенными усилиями. А Лысову, по-моему, было все равно, бежать ли ему по площадке с мячом, без мяча ли — с мячом, наверное, даже было легче, привычнее, естественнее. Можно сказать, что он родился с мячом. Ну, а если серьезно, то простота, легкость, естественность были оплачены сотнями часов тяжелейшей работы — на сей раз той самой, которая ассоциируется с определенными усилиями, неимоверными усилиями. Чем меньше ты работаешь на тренировках, тем больше видна твоя работа во время игры, и наоборот: видимая зрителю легкость — это очень много пота, пролитого на тренировках.

Иван Лысов обладал еще одним несомненным достоинством — он доскональнейшим образом знал баскетбол. Стоп! Кое-кто пожмет плечами («Мол, почему

баскетболисту и не знать игру, в которую он играет — и играет очень хорошо? И почему знание того, что знать необходимо, возводится в ранг достоинства?»). Поэтому позволю сделать небольшое, но очень важное отступление.

Утверждение, что спорт примитивен (применительно к баскетболу: дай пас, побеги, получи пас, бросай мяч в корзину) — одно из заблуждений, а то обстоятельство, что так думают очень многие и даже любящие спорт люди, существа дела не меняет. На первых порах спорт действительно был прост и прямолинеен. Но спорт начала века и нынешний спорт разнятся не меньше, чем первый автомобиль Форда, едва обгонявший пешехода, и автомобили последних марок, которые едут быстрее, чем летел самолет братьев Райт.

Все верно: дай пас, побеги, получи пас, бросай мяч в корзину. Но кому и когда дай? Но куда беги? И как бросай? Не подумайте только, что я тщусь доказать, будто спорт — это нечто такое же сложное, как ядерная физика. Нет, конечно же. Но он сложнее, чем о нем думают многие.

А баскетбол — и это не только мое мнение, не только мнение баскетболиста — один из сложнейших видов спорта. Тактика — а именно ею в первую очередь и объясняется сложность — в баскетболе богаче, чем в любой другой игре. Теоретически, скажем, футбол с его огромным полем, на котором могут разместиться с полсотни баскетбольных площадок, и 11 игроками имеет больше всевозможных схем. И тактика его будет богаче, чем у баскетбола, но только в том случае, если футболисты смогут ногами делать с мячом то, что делают с ним баскетболисты руками. Я статистикой не занимался, но, думаю, не ошибусь,

если скажу, что даже первоклассная команда не может «подержать» мяч две-три минуты. Если после шести-семи пасов команда сохраняет мяч, ее награждают аплодисментами. В баскетболе и полтора десятка пасов не проблема. Следовательно, ту или иную схему можно не только придумать на макете, ее затем можно и осуществить на площадке.

Между прочим, баскетбольная площадка — полигон, на котором проходят испытание всевозможные тактические образцы. Иные из них с клеймом «Проверено баскетболом» отправляются затем в хоккей, футбол, гандбол. Хоккейный форчекинг — это не что иное, как переименованный баскетбольный прессинг. Зонная защита в футболе появилась сравнительно недавно, в баскетболе она живет и здравствует с незапамятных времен. Любопытно, что даже вошедшие в последние годы в моду цифровые формулы тактики (4+2+4, 3+3+4 и т. д.) имеют баскетбольных предшественниц — 1+3+1, 2+3.

Баскетбол к тому же в большей степени, чем любая другая игра, поддается анализу. Дело в том, что во время каждого матча команд мастеров специальная бригада ведет два протокола — протокол игры и технический протокол, в которых фиксируется все, что может быть зафиксировано. Поэтому, даже не видя матча, можно иметь о нем довольно полное впечатление. Можно узнать:

кто из игроков и на какой минуте выходил на площадку, кто кого заменял и кто сколько времени сыграл;

кто и сколько сделал бросков с игры (с дальних дистанций, средних и ближних) и штрафных — сколько из них достигли цели;

кто и сколько раз добился успеха в борьбе за отскочившие от щита мячи;

кто и сколько раз перехватывал мячи у соперника;

кто и сколько раз терял мячи;

сколько персональных замечаний получил каждый из игроков;

сколько очков набрал каждый из игроков;

кто из тренеров и на какой минуте брал тайм-аут;

как изменялся счет от 0 : 0 до самого конца.

В общем, как видите, баскетбольный матч можно «прочесть» так же, как читают шахматную партию. Нет, аналогия не полная: у нас записываются не все «ходы». Оба протокола ни слова не говорят о том, как каждый из игроков действовал в защите, кто вел себя по-бойцовски, а кто праздновал труса. Поэтому полностью доверяться протоколам нельзя. Если, скажем, А. набрал в матче 20 очков, а Б. — только 4, это еще не значит, что А. сыграл лучше, чем Б. Может быть, тот игрок, которого опекал А., набрал 25 очков, а лучший снайпер команды соперников был посажен Б. на голодный паек?

Но как бы там ни было, чтение протоколов оказывает тренеру огромнейшую пользу. Оно позволяет анализировать сыгранный матч и с учетом этого готовиться к следующему. Оно подсказывает тренеру, над чем в первую очередь надо работать тому или иному его игроку. Анализируя протоколы, можно определить, какие тенденции наметились в баскетболе, куда он идет.

Все это дает мне основания утверждать, что есть такая наука — баскетбол, не бог весть какая мудреная (не высшая математика, конечно же), но все-таки

наука. Кстати, еще об одном весьма распространенном заблуждении. «Играть» и «знать» — не одно и то же. Можно быть хорошим баскетболистом — даже очень и очень хорошим — и вместе с тем не знать баскетбола. Многие отличные баскетболисты, закончив играть, становились тренерами — хорошими тренерами становились, увы, немногие. И напротив, есть очень хорошие тренеры, которых в ту пору, когда они играли, никто не знал. Никогда не были очень хорошими игроками Александр Гомельский и Сергей Башкин, а на тренерском поприще оба преуспели: первый в течение долгих лет работал с мужской сборной командой СССР; под руководством второго юниоры нашей страны три раза подряд побеждали в чемпионатах Европы. Каунасский «Жальгирис» — очень хорошая мужская команда, «Спартак» из Московской области — одна из лучших женских. Но Витас Бимба из «Жальгириса» и его коллега из «Спартака» Давид Берлин не были классными игроками. Между прочим, точно так же обстоят дела и в других играх. Я не помню, чтобы когда-нибудь лестно аттестовали игру таких хоккеистов, как Дмитрий Богинов или Николай Эпштейн. Но первый из них в свое время поставил на ноги горьковское «Торпедо», второй, так сказать, на пустом месте создал воскресенский «Химик».

Не только отличное знание своего предмета делает человека стóящим тренером, надо иметь организаторские способности, быть педагогом, психологом и т. д. и т. п. Но без знания — и притом фундаментального — самого главного своего предмета хорошим тренером не станешь.

Иван Лысов был и баскетболистом гроссмейстерского класса, и одним из самых тонких знатоков баскетбола. Тартуский УСК (Университетский спортивный клуб) был, пожалуй, самой хитрой нашей командой конца сороковых и начала пятидесятых годов. И если учесть, что хитрость команды, ее гибкость, зависят в первую очередь от искусства разыгрывающего игрока команды, то в этом нет ничего удивительного: дирижером УСК был Лысов.

Мне остается рассказать о самом главном — о том, почему я назвал Ивана Лысова учителем, который сделал для меня больше, чем мог и должен был сделать. Уж кто-кто, а он-то мог встретить меня на тех сборах если и не в штыки, то уж, во всяком случае, довольно прохладно. И я не имел бы морального права обижаться на него.

Он — разыгрывающий, и я — разыгрывающий. Оба мы знали, что скорее всего в команде оставят только одного из нас. И он не мог не знать, что преимущество на моей стороне. Нет, нет, я, наверное, играл хуже, чем он, и совсем не был сыгран с командой. Но он ветеран, за плечами которого два чемпионата Европы и Олимпийские игры, а я был молод.

Он мог отнестись ко мне, как к конкуренту. Он мог просто не замечать меня. В конце концов, он мог вести себя по отношению ко мне вежливо, но сдержанно. Повторяю, я бы все понял и принял как должное.

...Со стороны нас можно было принять за тренера и ученика. По существу, так оно и было. С необыкновенным тактом и доброжелательностью наставлял он меня на путь истинный. К своему главному конкуренту Иван Лысов отнесся, как к ученику.

Меня в команде оставили, его — нет...

...Мне очень обидно, что об Иване Федоровиче Лысове, человеке, сделавшем для меня много, я не могу

рассказать больше того, что вы сейчас прочли. Так уж получилось, что он ушел из большого баскетбола. Причины, в силу которой он ушел, я не знаю. Знаю лишь, что для баскетбола его уход — несомненная потеря. Встречаемся мы с ним редко, но теплое к нему чувство я сохраню до конца своих дней.

Давным-давно, в детстве меня назвали счастливчиком. Я действительно счастливый человек: мне всю жизнь везло на добрых людей — на таких, как Отар Коркия и Иван Лысов.

- **ЕЩЕ ДОРОЖЕ ПОБЕДЫ МНЕ БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ.**
- **О ВОСПИТАННЫХ БАСКЕТБОЛИСТАХ И НЕВОСПИТАННЫХ ФУТБОЛИСТАХ.**
- **УЧИТЕЛЯ УЧИЛИ И УЧИЛИСЬ У УЧЕНИКОВ.**

Первый мой чемпионат Европы — Москва, 1953 год — был для меня праздником, на котором я присутствовал в качестве гостя. Несмотря на хорошее ко мне отношение Константина Травина и покровительство Отара Коркия, большую часть турнира я провел на скамье запасных. Не могу сказать, что со мной обошлись несправедливо. Все это можно было понять, но легче от этого не становилось. Сознание того, что на празднике я чужой, мучило меня.

Когда команда выигрывала матч, язык не поворачивался сказать: «Они выиграли», а сказать: «Мы

выиграли» — я не имел права, я лишил себя этого права. Меня никто не осудил за это, не по доброй воле пребывал я в запасных, и ни один я провел турнир на скамье. Положа руку на сердце, могу сказать, что никогда не смотрел с чувством превосходства на тех игроков, которые на скамье проводят времени больше, чем на площадке. Но ведь к себе мы всегда относимся иначе, чем к другим...

Не мне говорить, был ли я честен в спорте. Но я могу сказать, что всегда стремился быть честным. И когда я говорил: «Мы выиграли», в этом «мы» всегда присутствовало и «я». Мне никогда не приносила полного удовлетворения НАША победа без МОЕГО участия. Я знал баскетболистов, которые не рвались в основной состав, знал и таких, которые не прочь были быть вечными запасными. Что ж, каждому свое. Я солгал бы, если бы сказал, что был безразличен к победам. Но, честное слово, мне дороже победы была борьба за нее.

Поверьте, все это не для красного словца. Каждый турнир был для меня праздником, и всякий раз я готовился участвовать в празднике, а не смотреть на него со стороны. За свою жизнь я сыграл в 37 крупных турнирах: Олимпиада, 4 чемпионата Европы, 5 розыгрышей Кубка европейских чемпионов, 3 чемпионата дружественных армий, 4 Спартакиады народов СССР, 15 чемпионатов страны, 4 Всесоюзных зимних турнира (турнир этот приравнен к чемпионату страны). И я горд тем, что в 36 из них я был на переднем крае.

В 1965 году я сыграл в четвертом моем чемпионате Европы и ушел из сборной СССР. У меня спрашивали, почему я это сделал. Потому что хотел уйти

сам, а не быть отчисленным. Но еще больше я боялся, что меня будут держать в команде из милости и что мне придется не играть, а сидеть на скамье запасных. Я не хотел напрашиваться на праздник и не хотел быть на нем чужим.

В том чемпионате сборная СССР довольно легко выигрывала у всех своих соперников. Неприятное впечатление на зрителей произвел лишь матч с командой Венгрии. То был последний матч чемпионата. Наша команда пришла к нему без поражений, венгерская — с одним поражением. Добившись в самом начале матча небольшого преимущества, сборная СССР решила не испытывать судьбу и, поскольку правилами это тогда не возбранялось, подолгу разыгрывала мяч. Команда наша добилась своего: она выиграла, но с небольшим перевесом, хотя при желании скорее всего могла бы одержать более убедительную победу. И вот из-за того, что такого желания команда не изъявила, многие зрители говорили, что матч не удался, что этой победой команда испортила впечатление о победе в турнире, а кое-кто даже обвинил игроков в том, что вели они себя неспортивно.

Матч не удался — это верно. Можно согласиться и с тем, что впечатление о победе было смазано. Ну, а упрек в неспортивности, предъявленный игрокам, явно несостоятелен. Вернее, так — упрек справедлив, но направлен он не в тот адрес.

За год до этого — в финальном матче Олимпийского турнира — американцы применили эту же самую тактику. Добившись небольшого преимущества над советскими баскетболистами, американцы «заморозили» мяч. Американцы были сильнее, но тоже не захотели без нужды рисковать: и небольшое преимущество обеспечивало им золотые медали. Я в Хельсинки не был и не знаю, какой была реакция зрителей, но никто из советских игроков не обвинил своих соперников в неспортивности. И вместе с тем неспортивность такой тактики очевидна. Так в чем же дело? Прежде чем ответить на этот вопрос, приведу еще один случай, когда упрек в неспортивности был отправлен не по адресу.

В начале шестидесятых годов баскетболистки ленинградского СКА, участвуя в розыгрыше Кубка европейских чемпионок, встретились с варшавской командой АЗС-АВФ. Напомню, что в этих турнирах команды встречаются дважды — дома и в гостях, — затем, если каждая из команд выиграла по одному матчу, суммируют заброшенные мячи — у кого сумма выше, тот и победил. В Ленинграде наши соотечественницы победили с преимуществом в 6 очков. До конца второго — варшавского — матча оставалось 28 секунд. 70 : 68 в пользу ленинградок. Два штрафных бьет полька Олесевич. Первый мяч в корзину не попал. И тогда Олесевич сознательно «мажет» второй — в надежде на то, что кто-нибудь из ее партнерш забросит мяч с игры. В баскетболе, как известно, если 40 минут борьбы не выявляют победителя, назначается дополнительная пятиминутка; при необходимости — вторая, третья, и так до тех пор, пока одна из команд не выиграет. Урбаняк сравнивает счет; 70 : 70, теперь у них появляется надежда взять свое в дополнительной пятиминутке.

Мяч у ленинградок. Для того чтобы избежать крайне нежелательной ничьей, в их распоряжении секунд пятнадцать. Времени вполне достаточно для того, что-

бы разыграть мяч и бросить его в корзину. Но будет ли бросок точным — вот в чем вопрос. Преимущество же в 6 очков, добытое в Ленинграде, не велико, и в дополнительной пятиминутке его можно растерять. И тогда Нина Познанская забрасывает мяч в свою корзину. Ленинградки проиграли в этом матче 2 очка, но по результатам двух матчей победительницами были объявлены они. Их тоже обвинили в неспортивности; как и в тех двух случаях, о которых я уже говорил, неспортивность очевидна, но упрек и в этом случае сделан не в тот адрес.

Спортсмена можно винить в том, что, борясь за победу, он преступил через правила игры. Если же правил он не нарушал, всякие упреки в его адрес несостоятельны. Да, от призыва «К победе любыми средствами!» дурно пахнет. Но во всех описанных мною случаях команды добивались победы дозволенными средствами — дозволенными, а не любыми. Истинная причина неспортивности в первых двух случаях — несовершенные правила, в третьем — неумно сформулированный параграф об определении победителя.

Начну с последнего, поскольку здесь все проще простого.

Два матча в турнире сильнейших клубных команд континента правильнее рассматривать как один матч, длящийся четыре тайма (по существу, так оно и есть: ведь в тех случаях, когда команды выигрывали по одному матчу, подсчитывали, какая забросила больше мячей). В этом случае подразумевалось бы, что матч в Варшаве начался при счете 6 : 0 в пользу СКА, после чего невозможно было бы придумать ситуацию, при которой команде выгодно забрасывать мяч в свою корзину. Между прочим, с тех пор при определении

победителя в турнирах европейских чемпионов исходят из того, что во втором матче играются третий и четвертый таймы.

...В начале пятидесятых годов баскетбол не то что болел, он дышал на ладан. Болезнь его называлась замораживанием мяча. Это знали все. Но как ее лечить, никто не знал. В баскетболе велико преимущество команды, владеющей мячом. И если одна из команд ставила перед собой цель удержать мяч, худо приходилось и другой команде, и зрителям. Ну, а что прикажете делать, если не хочет команда атаковать? Правила-то она не нарушает. Да, зрителям это не нравится, но ведь есть еще такие понятия, как победа, очки, занятое место...

И вот нашелся человек — я, к сожалению, не знаю его имени, — который спас баскетбол от медленной, но верной смерти. Человек этот предложил ограничить время, в течение которого команда может владеть мячом (в любительском баскетболе это 30 секунд, в профессиональном — 24). Вот уж воистину, все гениальное просто. Теперь даже кажется странным, как до этого не могли додуматься раньше.

В баскетболе правила меняются часто — так часто, что сам Джеймс Нейсмит, доведись ему сейчас побывать на матче, очень многого не понял бы в им же сотворенной игре. Были не очень умные нововведения, были и стоящие, но такого разумного, как правило 30 секунд, не было. Правило это можно сравнить с кислородной подушкой. А еще правильнее сравнить его с неким — увы, несуществующим — лекарством, приняв которое не просто излечиваешься, но и молодеешь. Если прежде баскетбол был стайером, который при желании делал резкие спурты, то, получив пра-

вило 30 секунд, он стал спринтером: на своей стайерской — сорокаминутной — дистанции баскетбол только изредка позволяет себе снизить темп — и то ненадолго, ибо — чего доброго — флажок упадет.

Хочу высказать еще кое-какие соображения относительно неспортивности спортсмена и неспортивности правил. Сразу же оговорюсь. Ни в коей мере не хочу брать под защиту так называемую тактику умышленного фола в футболе. Мне она противна вообще, а в особенности тогда, когда ее применяют как главное, как единственное даже оружие в борьбе против искусных форвардов. Существует определенная закономерность: чем выше класс нападающего, тем чаще подвергается он насилию. Кого чаще других сбивают с ног в нашем футболе? Стрельцова и Бышовца... У меня сердце обливалось кровью, когда я во время лондонского чемпионата мира сидел у телевизора и видел, как расчетливо и хладнокровно вели облаву на великого Пеле. Я поражался его терпению и был огорчен, но не удивлен, когда великий футболист заявил, что на чемпионатах мира он больше играть не будет.

Да, тот, кто применяет такую, с позволения сказать, тактику, расписывается в собственной слабости: он красноречиво — если, конечно, хамство позволительно назвать красноречивым — заявляет, что не может победить в честной борьбе. Но это не только слабость — это мерзость: можно без особой натяжки сказать, что вооруженный подлостью защитник бьет беззащитного соперника.

Да, есть еще защитники, которые играют, а не подличают (до чего дело дошло: радуемся, что не все бьют по ногам...). Мне было очень приятно видеть, как по-джентльменски опекал того же Пеле наш Валерий

Воронин в московском матче сборных СССР и Бразилии. Воронин проиграл, но он честно боролся, он не запятнал себя подлым поступком. Спорт — это великий воспитатель. Но многие считают, что воспитывать можно только победами, а по-моему, красивым поражением можно в воспитании зрителя достичь большего, чем нечестной победой.

Но такие, как Валерий Воронин, как Альберт Шестернев, — не правило. Правилом становится их антипод — защитник, вооруженный фолом. Среди них появляются такие, которые только в этом ремесле и специализируются. Можно, наверное, даже говорить о том, что появилась как таковая техника сноса. Может быть, футбольный защитник — именно защитник, а не нападающий, именно футболист, а не велосипедист или гимнаст — человек с низким интеллектом и задатками хулигана? Нет, конечно же.

Беру на себя смелость утверждать, что подлость на футбольных полях — подлость, к которой мы начинаем привыкать и относиться как к явлению если и не нормальному, то уж, во всяком случае, обычному, — подлость эта здравствует и процветает с молчаливого согласия и даже одобрения футбольных правил. Мой патриотизм баскетболиста зашел бы слишком далеко, если бы я заявил, что у баскетболистов и интеллект выше, чем у футболистов, и что вообще они люди более гуманные. Нет, просто баскетболисты лучше воспитаны. А их главный воспитатель — правила игры, которые одновременно являются и правилами хорошего тона. Чем же еще объяснить, что в баскетболе, где контактов между соперниками никак не меньше, чем в футболе, игровой бандитизм крайне редко присутствует на матче?

В баскетболе тоже есть не очень-то спортивная тактика. И она тоже именуется тактикой умышленного фола. На этом аналогия заканчивается. У нас наказание соразмерно преступлению. Игрок, который сфолил — даже неумышленно, — получает персональное замечание (после пятого фола он покидает площадку), а команда, игрок которой подвергся агрессии, либо получает право на два штрафных броска, либо вбрасывает мяч из аута. У нас, в баскетболе, нет особого смысла фолить, можно лишь сорвать атаку, но дорогой ценой: либо штрафными бросками противник наберет те же два очка, либо он получает возможность провести другую атаку. Ну, а если команда все-таки сочла, что ей выгодно сорвать атаку даже ценою фола, то и в этом случае ее игрок не будет фолить по-футбольному жестоко: во-первых, в этом нет необходимости (и «тактичный» фол срывает атаку); во-вторых, за это не только накажут двумя штрафными бросками, но и удалят хулигана с площадки.

Поймите меня правильно: я нахваливаю кодекс баскетбольных законов, а не баскетбольную тактику умышленного фола. И у нас эта тактика не считается верхом мастерства и джентльменства, мы не считаем ее красивой. Но в баскетболе тактика эта не только неизбежное зло, это и зло наказуемое. Ну и поскольку все познается в сравнении, то можно сказать, что наша тактика умышленного фола — детская шалость.

Опасаясь, что ссылка на баскетбол покажется неубедительной (автор-то баскетболист), приведу пример из другой игры — из хоккея. Хоккей я, кстати, недолюбливаю: уж очень быстро там развиваются события, из-за чего они, на мой взгляд, не очень-то осмысленны. Но вот правила, которыми обслуживается хоккей, совершеннее, чем в любой другой известной мне игре. Контактов между соперниками и возникающей из-за этих контактов силовой игры в хоккее куда больше, чем и в футболе, и в баскетболе. Запретите в хоккее силовую игру — исчезнет как таковой и сам хоккей. Вместе с тем никто не сетует на грубость хоккеистов, не бранит существующую и у них тактику умышленного фола. Представьте, однако, что с чьей-то легкой руки в хоккейном кодексе упразднили статью, предусматривающую удаление сфолившего игрока на 2, 5 и 10 минут! Хоккей из игры превратился бы в ледовое побоище, а футбольные защитники, которых сейчас так бранят, в сравнении с хоккеистами выглядели бы пай-мальчиками. Кстати, хоккейные правила радикальнейшим образом излечивают спортсменов от болезни, именуемой эгоизмом. За твой проступок, за твою секундную слабость расплачиваются твои же товарищи: с огромным напряжением отбиваются твои партнеры от численно превосходящего соперника — а ты сиди и смотри. Умны правила хоккея!

...Ругают футбольных арбитров. А какими, спрашивается, правами они наделены? Арбитр может либо удалить игрока, что он делает крайне редко, либо назначает штрафной — удар, который не дает сопернику сколько-нибудь существенной выгоды. В футболе мяч удержать труднее, чем в баскетболе; следовательно, контроль над мячом не дает осязаемых благ. Голы же непосредственно со штрафных редки: защитник не такой уж дурак — он знает, где надо нанести удар своей жертве. Между прочим, даже самый беззастенчивый защитник становится очень щепетильным в выборе средств, если его подопечному удалось прорваться в штрафную площадку. Теперь он

хамит только тогда, когда нет иных возможностей уберечь свои ворота.

Ругают защитников и судей, а ругать-то в первую очередь надо правила. Тяжелое преступление — либеральное наказание. Такой «гуманизм» не мог не привести к хулиганству, деликатно именуемому «грязной игрой».

В баскетболе часто меняются правила. Это и достоинство баскетбола, и — одновременно — его недостаток. Достоинство — потому что ФИБА (Международная федерация баскетбола) стремится осуществить три цели: упростить правила игры, сделав тем самым баскетбол более понятным и доступным для зрителя; повысить темп игры, что улучшает баскетбол-зрелище; уравнять — насколько это представляется возможным — шансы людей обыкновенного роста и великанов, что делает баскетбол, самую несправедливую из всех существующих игр, чуть-чуть более справедливым. Недостаток — потому что правила меняются слишком часто: не успеешь как следует обжиться в одном баскетболе, а надо уже переезжать в другой.

В футболе правила меняются так редко, что можно сказать, совсем не меняются. На мой взгляд, это сомнительное достоинство. Одно дело, когда правила не меняют потому, что их менять не надо, — как, скажем, в том же хоккее. Совсем другое дело, когда правила не меняют потому, что их не хотят менять, — как в футболе. Уже хотя бы потому, что призывами к защитникам вести себя хорошо и упреками в адрес судей за то, что защитники все-таки ведут себя нехорошо, тактику умышленного фола из футбола не выживешь. Требуется какое-то сильное средство.

Однако не стоило бы говорить об изменениях правил. В конце концов, существует такая вещь, как традиции: может быть, из-за них, думал я, и не меняют правила в футболе. Но сравнительно недавно законодатели футбола изменили одну из статей кодекса. Традиция, если она существует, была нарушена. Отцы футбола думали-думали и надумали: запретили вратарю, когда у него в руках мяч, делать более четырех шагов...

Говорят, что этим ограничением нанесли удар тем, кто любит «потянуть время». Ну что ж, цель была выбрана стоящая: умышленная затяжка времени футболу не к лицу. Но средство достижения цели — вот что вызывает сомнение. Тактику эту, если ее можно назвать тактикой, правило четырех шагов не ударило, а пощекотало. Хотя бы потому, что тянет-то время в футболе не один только вратарь.

В баскетболе и в хоккее время не потянешь: как только в игре наступает пауза, тотчас же останавливается секундомер, отсчитывающий время. Так не лучше ли было позаимствовать футболу идею «чистого времени» или, скажем, почему бы не ввести параграф, согласно которому мяч из аута не вбрасывали бы руками, а били ногами? И логично (в футбол-то играют ногами), и по аутам стреляли бы реже (ногой-то мяч дальше выбьешь).

Что же до тактики умышленного фола, то ее, думается мне, можно было бы нокаутировать — ну, не нокаутировать, так, по крайней мере, послать в нокдаун — отменой офсайда, не вообще, а на то время, когда пробивается штрафной.

Впрочем, я уже говорю о том, о чем говорить не собирался. Я не ставил перед собой цель критиковать не нравящиеся мне правила футбола, тем более что

футбол присутствует в данном случае как иллюстрация; при необходимости он мог бы быть заменен гандболом, где из-за несовершенства правил игроки тоже ведут себя порой не самым лучшим образом.

Я просто хотел обратить внимание на одно несоответствие. Очень часто обращают внимание на неспортивное поведение игрока и крайне редко на неспортивность правил, которые разрешают, а порой и стимулируют не очень честную игру. Иными словами, уделяя много внимания следствию, почему-то забывают воздать должное причине, будто и впрямь главное зло не в ней.

Тогда, в 1953 году, сборная СССР в третий раз играла в чемпионате Европы и одержала третью свою победу. С тех пор и до 1970 года наши баскетболисты выступали еще в восьми чемпионатах континента и к трем комплектам золотых медалей присовокупили еще семь. На чемпионате мира 1967 года сборная СССР заняла первое место, на четырех Олимпиадах (Хельсинки, Мельбурн, Рим и Токио) — вторые. Не было ни одного турнира, в котором сборная СССР не заняла бы призового места. Но вот ведь что любопытно. В тех случаях, когда команда занимала третьи места (чемпионат Европы — 1955 год, чемпионат мира — 1963 год, Олимпиада в Мехико), что расценивалось у нас в стране как серьезнейшая неудача, как ЧП, а за рубежом — как крупная сенсация (так поражение в полуфинале Олимпийского турнира в Мехико от югославов называли самой крупной сенсацией Олимпийских игр и самой крупной сенсацией мирового любительского баскетбола за всю его историю).

Да что там бронзовые медали, когда мы вернулись из Токио с серебряными, нас поздравляли сдержанно, сквозь зубы...

Ну что ж, такая реакция убедительнейшим образом свидетельствует о силе нашего баскетбола. Кто еще из соотечественников советского баскетбола похвалится такими успехами? Волейбол? Может быть. Но он знал и турниры без медалей. Штанга? Борьба? Наверное, но у них были и черные дни. Хоккей и фехтование? Верно, они добились даже большего, но и хоккей, и фехтование живут в 20, ну в 25 странах. В баскетбол же, который вместе с легкой атлетикой и футболом образует тройку самых популярных видов спорта, играет весь мир. Кто преуспел больше, чем наш мужской баскетбол, так это шахматы и женский баскетбол. Не удержусь и хотя бы вкратце перечислю успехи наших баскетболисток начиная с 1950 года, когда они дебютировали в чемпионате Европы, и до конца 1969 года. Неудачи: вторые места на чемпионатах Европы (1958 год) и мира (1957 год), поражения в финале розыгрыша Кубка европейских чемпионок 1959 года и в полуфинале 1963 года. Первые места: в трех чемпионатах мира, в девяти чемпионатах Европы, в девяти розыгрышах Кубка европейских чемпионок. И чтобы картина была полной: за 20 лет сборная СССР, участвуя в 14 официальных чемпионатах, проиграла 2 матча.

Вернемся, однако, к нашему мужскому баскетболу. У него, кстати, есть заслуги не только перед советским спортом, но и перед международным баскетболом.

...Гонка на шоссе. Впереди, намного оторвавшись от большой группы гонщиков, не то чтобы лениво, но

и не очень энергично жмет на педали лидер: чего особенно стараться-то — все равно не догонят. И вдруг от группы резко уходит вперед один из гонщиков. Его и знатоки-то плохо знают: он новичок. Нельзя сказать, чтобы был он особенно техничен, но желания победить и старательности хватит и на троих, да еще и четвертому останется. Дистанция между новичком и лидером довольно быстро сокращается, между ним и группой — так же быстро увеличивается. Но вот, опомнившись, начинают спуртовать еще несколько гонщиков. Лидер по-прежнему впереди, но теперь он уже сама старательность: могут ведь достать. Группу преследователей — в ней пять-шесть гонщиков — возглавляет тот самый новичок, который первым бросился в погоню. Он вот-вот достанет лидера, но и его самого могут обойти те, кого он потащил за собой.

Это затянувшееся сравнение с велогонкой довольно точно воссоздает картину послевоенного мирового баскетбола. В течение многих лет американцы были настолько сильнее всех, что даже на Олимпийские игры — единственный международный турнир, победами в котором они всегда дорожили, — присылали клубные, не самые сильные к тому же, команды. После того как на международной арене появились советские баскетболисты, положение дел резко изменилось. Теперь уже преимущество американцев не так велико, как в тридцатых-сороковых годах. Их по-прежнему называют сильнейшими, но уже не называют непобедимыми. Мы побеждали их и у себя дома, и затем, когда приезжали к ним в гости. После нас выигрывали у американцев и югославы, и бразильцы. Гонка продолжается.

Советский баскетбол силен. Это констатация фак-

та. Но почему он силен — вот в чем вопрос! Вроде бы и не обласкан особым вниманием. Он у себя дома не то чтобы пасынок, но так, один из сыновей в многодетной семье, не самый любимый и избалованный; с футболом и хоккеем его не сравнишь.

Чем же взял баскетбол? Массовостью своей? Хотя, по официальным данным, баскетболом у нас в стране занимаются 4 миллиона человек, только в какой-то степени можно объяснить успех советского баскетбола массовостью. Значение этого фактора у нас вообще переоценивается. К примеру, в английской школе, я где-то читал, плавание — один из обязательных предметов. Значит, с массовостью дела обстоят превосходно. Но где же они, английские рекордсмены мира и чемпионы Олимпийских игр? Или другой пример, более нам близкий и, увы, огорчительный. Опять-таки по официальным данным, у нас в стране лыжников, конькобежцев и прочих представителей зимних видов спорта, видимо, больше, чем в Норвегии людей вообще. Это обстоятельство, однако, не помешало норвежцам на Белой олимпиаде в Гренобле оттеснить нас на второе место в командной борьбе.

Но уж не собираюсь ли я опровергать утверждение относительно того, что массовость — основа мастерства? Нет, конечно же, основа. Но, во-первых, это правило знает исключения. В Японии, говорят, женщин, играющих в волейбол, можно по пальцам перечесть. А их «Ничибо» не раз и не два выигрывала у команд волейбольных, так сказать, стран.

Во-вторых, пример с плаванием в Англии говорит о том, что само по себе наличие массовости не обязательно приводит к мастерству. Надо знать, какую цель ставят перед этими самыми массами. Массо-

вость, скажем, австралийского тенниса имеет ярко выраженную спортивную окраску. В Англии же, объявив плавание обязательным предметом, преследовали, как мне кажется, иную цель — хотели, чтобы каждый человек умел плавать.

И наконец, массовость бывает разная — та, которая предназначается для отчетов о темпах роста и прочих благополучиях, и массовость подлинная. 4 миллиона людей занимаются у нас баскетболом. Что значит «занимаются»? Раз-другой вышли на площадку — и тотчас попали в число баскетболистов, улучшив тем самым показатель массовости. Надо считать не тех, кто «занимается», а тех, кто играет, играет серьезно, не по-дилетантски. А если подсчитать таких — от кандидатов в ДСШ до игроков команд мастеров, — то, боюсь, один ноль исчезнет из этой впечатляющей цифры 4 000 000. Вот у шахматистов наших массовость подлинная, и носит она ярко выраженный спортивный характер. Глядя на шахматистов, можно действительно сказать, что массовость — основа мастерства.

Может быть, баскетбол изрядно преуспел благодаря энтузиазму тренеров? Да, в очень и очень большой степени. И в первую очередь благодаря тысячам тех незаметных тренеров, которые работают с детьми. Большинство из них работает в условиях, которые ни блестящими, ни даже сносными не назовешь: ничего не поделаешь — тренировочными базами, спортзалами, инвентарем и команды мастеров наши не богаты, а о детях и говорить нечего. А ведь работают тренеры, на энтузиазме и фанатичной любви к делу работают и отличнейшую «продукцию» выпускают. Тренеры сборной СССР, клубных наших команд молиться должны на детских тренеров.

Но ведь энтузиастов не счесть и среди тренеров, работающих в других видах спорта...

Есть еще одна причина — причина чисто баскетбольного свойства.

Тот, кто бывал на матчах с участием чехословацких команд, не мог не заметить, что баскетболисты эти играют очень элегантно. Они техничны, вооружены мягким броском. Каждый игрок знает свой маневр, знает, где он должен находиться в тот или иной момент, и знает, где будет находиться его партнер. Высокая баскетбольная культура чехословацких баскетболистов видна и в их игре без мяча, и в легкости, с которой осуществляют они наигранные комбинации. Достоинств, как видите, много.

Есть, однако, и недостатки. Чехословацкие баскетболисты играют очень уж по науке, чересчур, я бы сказал, логично и бесстрастно. К тому же они недолюбливают силовую игру, без которой в баскетболе побеждать все труднее и труднее. Им бы чуть больше темперамента. В общем, если позволительно сравнение с кулинарией, то чехословацкий баскетбол — это очень вкусное кушанье, которое, однако, стало бы еще вкуснее, если бы его приправили перцем.

Бразильский баскетбол — тот, пожалуй, не назовут пресным даже любители очень острых блюд. Это баскетбол, в основе которого темперамент и жажда аплодисментов. Зрителю нравится эффектный пас — пожалуйста! Зритель в восторге от финтов — получайте пять, десять финтов! Ага, вам по душе красиво заброшенный мяч — я таких могу много забить!

Не поймите меня таким образом, что бразильцы-баскетболисты стремятся угодить бразильцам-зрителям. Нет, они ведь и сами бразильцы, и они играют

так, как им нравится. Им нравится игра в нападении: они играют в нападении виртуозно — так виртуозно, как не играют даже американцы. Им нравится работать с мячом — они вытворяют с ним такое, что не всякий жонглер сумеет это повторить. Им нравится играть в спринтерский баскетбол, нравится, получив в воздухе мяч, не приземляясь, уложить его в корзину, — они играют по принципу «быстро, быстрее и еще быстрее», и прыгают, и «сидят» в воздухе, а дождавшись мяча, эффектнейшим образом отправляют его в корзину.

Но им не нравится медленный розыгрыш мяча — они не играют в позиционный баскетбол, им не нравится игра в защите — они не защищаются, а отбывают номер, им не нравится черновая работа — они ею не занимаются.

Великолепен бразильский баскетбол — великолепен, но не безгрешен.

Рассказывая о двух баскетболах — чехословацком и бразильском, я чуть-чуть, самую малость переборщил. Встречи на многочисленных официальных и неофициальных турнирах с соперниками, не похожими на тебя, не могли пройти бесследно — и не прошли. Чехословацкие баскетболисты стали играть менее академично и позлее, бразильцы осознали, что черновую работу за них никто не будет выполнять и что без игры в защите сильного противника не победишь.

И если бы эти команды, столь несхожие между собой, встречались как можно чаще, пользу извлекла бы каждая из них. Они учились бы друг у друга.

А теперь рассмотрим оптимальный вариант. Предположим, что две баскетбольные федерации — чехословацкая и бразильская — объединились, начали регулярно проводить свои чемпионаты, а на международных турнирах выступили бы смешанной чехословацко-бразильской командой. В этом случае оба баскетбола остались бы в огромном выигрыше, а их смешанная команда, по идее, была бы сильнее и чисто чехословацкой, и стопроцентно бразильской.

Мне слышится раздраженная реплика: «Ну, а какое отношение имеет все это к силе советского баскетбола?» Но в том-то и дело, что я уже давно говорю о советском баскетболе. Да, да, о советском. У нас, образно говоря, есть свой чехословацкий баскетбол и есть баскетбол бразильский. Та причина чисто баскетбольного свойства, о которой я говорил, — многонациональность, или, точнее, многохарактерность советского баскетбола. Три школы баскетбола — российская, прибалтийская и грузинская — объединившись, и образовали то, что мы называем советским баскетболом, советской школой баскетбола. Оговорюсь сразу же, деление это несколько условное.

...В годы, предшествовавшие второй мировой войне, были сыграны три первых чемпионата Европы по баскетболу. В первом из них золотые медали достались латышам, в двух следующих — литовцам. Во всех трех неплохо сыграла и эстонская команда.

Я уже говорил, что деление на школы носит несколько условный характер. Так, когда я впервые увидел команды Прибалтийских республик, они несколько разнились одна от другой. О латышах можно сказать, что они на площадке играли в шахматы: все рассчитано до мелочей, потеря мяча — ЧП. Эстонская команда отличалась очень подвижной игрой. Центро-

вых в ту пору называли столбами: и под чужим щитом, и под своим они занимали статичные позиции. Эстонских центровых столбами нельзя было назвать. Литовцы — те играли очень гибко. Если при позиционном нападении какая-то одна комбинация им не удавалась, они тотчас же вынимали из кармана другую.

Но общего у трех этих команд было значительно больше, что и давало основание говорить о прибалтийской школе баскетбола. Ученики этой школы получали солидное техническое образование, знали цену мячу и дорожили им. На высоте у них была игровая дисциплина, при которой каждый игрок делает не то, что он хочет, а то что надо делать по мнению тренера. Превыше всего в этой школе ценился баскетбол рациональный. Практически это означало, что за крайне редким исключением прибалтийские команды применяли наигранные комбинации, которых у них было предостаточно. Акцент в атаке делался на так называемое позиционное нападение. В общем, играли прибалтийские команды по науке, очень логично, и логика эта была проста: максимум выученного назубок, минимум отсебятины. Это был солидный академичный баскетбол, и три комплекта золотых медалей в чемпионатах Европы самым лестным образом аттестовали прибалтийскую школу баскетбола.

Вскоре после того как Латвия, Литва и Эстония присоединились к Советскому Союзу, состоялась серия матчей между баскетболистами Прибалтийских республик и некоторыми командами Российской Федерации. Мне рассказывали очевидцы тех матчей, что россияне не знали, что такое пивот (это когда игрок стоит на одной ноге, по-баскетбольному — на осевой ноге,

а другой делает шаги в сторону, вперед или назад), при заслонах наталкивались на соперников, ибо не умели еще «меняться» игроками, принимали финты за чистую монету. В общем, казалось бы, обнаружили свою полнейшую беспомощность и на бой с блестяще оснащенным и в техническом, и в тактическом отношении соперником вышли, по существу, безоружными. Да, все это так. Но дело в том, что беспомощные и безоружные выиграли почти все матчи. Я уже подробнейшим образом рассказал о достоинствах прибалтийской школы и бегло перечислил недостатки российской. Но у первой был целый ряд минусов, у второй — большое количество плюсов. Баскетболистам Прибалтики не хватало как раз того, что у россиян было в избытке.

Отличная физическая подготовка россиян давала им возможность в конце второго тайма играть так же свежо, как и в начале первого, позволяла им вести силовую борьбу, которая в известной мере восполняла пробелы в техническом и тактическом образовании. К тому же они играли «не по науке»: матч, казалось бы, проигран, а они яростно сопротивляются. И еще одно достоинство было у российских баскетболистов. Благодаря все той же великолепной физической подготовке и старательности они очень и очень неплохо защищались. Любопытная деталь. В начале шестидесятых годов на страницах «Советского спорта» велась дискуссия о прессинге — одном из самых активных видов защиты. И в ходе дискуссии вдруг выяснилось, что россияне прессинговали еще задолго до того, как появился этот термин.

А что не знали россияне пивотов и заслонов, что играли они излишне прямолинейно, объяснялось про-

сто: в течение долгих лет их баскетбол варился в собственном соку.

Баскетболисты же Прибалтики были как раз не очень сильны в буквальном смысле этого слова, чем можно объяснить и то, что их не хватало на два тайма, и их нелюбовь к силовому баскетболу. К тому же чрезмерное увлечение заранее разученными комбинациями начисто исключило из их баскетбола экспромт, что делало игру несколько шаблонной. В общем, после серии матчей выяснилось, что прибалтийский баскетбол лучше смотрится, но хуже выигрывает. И надо ли говорить, что участникам тех матчей было что позаимствовать друг у друга.

Если прибалтийский баскетбол тех времен напоминал баскетбол чехословацкий, то грузин можно смело назвать нашими бразильцами. Они схожи и физическими данными, и темпераментом, и любят они в баскетболе одно и то же, и пренебрегают одним и тем же, даже болельщики у них и те одинаковые. Страсть к атаке и антипатия к защите, умение делать с мячом все, что угодно, и нежелание играть без мяча, блистательный экспромт и анархистский баскетбол без всякого намека на игровую дисциплину.

Так было. А затем произошло то, что и должно было произойти: в баскетболе наступила пора всеобщего обучения. Учителя учили и одновременно учились у своих учеников. Все были учителями, и все были учениками. Учили и учились не по учебникам — на площадках.

Если играешь против грузин, которые высоко прыгают, научись прыгать так же высоко, научись — или проиграешь. И что у южанина от природы, то к латышу приходило от штанги, от лишней тысячи

приседаний. Если хочешь побеждать, играй и в защите. И грузины заставили себя осваивать то, что противно их натуре.

С каждым годом все труднее стало определять, к какой из трех школ отнести того или иного игрока, ту или иную команду. Латыш Валдис Муйжниекс, литовец Модестас Паулаускас, эстонец Прийт Томсон — все они бойцы до мозга костей, хотя и обучались не в российской школе баскетбола. Грузин Гурам Минашвили был одним из лучших защитников страны. Технике Михаила Семенова и Геннадия Вольнова могли позавидовать круглые отличники прибалтийской школы. А к какой школе причислить тот же «Калев»? К прибалтийской? Можно, потому что, скажем, игровая дисциплина на высоте. Но ведь комбинаций-экспромтов у нее, пожалуй, не меньше, чем у тбилисского «Динамо».

Произошло то, что и должно было произойти. Три школы, объединившись, образовали одну — школу советского баскетбола.

- **ЧТО ЕСТЬ БАСКЕТБОЛЬНАЯ АМЕРИКА.**
- **ПРОФЕССИОНАЛЫ — ГРАБЕЖ ИЛИ СТИМУЛ!**
- **МЫ МОЖЕМ СТАТЬ ПЕРВЫМИ, НО...**

160 миллионов зрителей собирает ежегодно баскетбол. 143 миллиона смотрят баскетбол в США. Баскетбольный сезон длится в Соединенных Штатах 8 месяцев. Следовательно, ежедневно на матчи приходят в среднем около 600 тысяч зрителей. И это не считая

тех зрителей, к которым баскетбол благодаря телевидению приходит домой. Чем же объяснить такую популярность баскетбола в США?

Только тем, что он появился на свет божий в этой стране? Вряд ли. Между прочим, в том же самом Спрингфилдском колледже, где Нейсмит дал путевку в жизнь баскетболу, стараниями другого преподавателя — Моргана — был сыгран первый в мире волейбольный матч. Как известно, волейболу вольготно живется где хотите, но только не в отчем доме. На родине им, так сказать, пользуются не по назначению: в волейбол на своих тренировках играют баскетболисты. Впрочем, не на одних только тренировках. Сборная США, которая в 1966 году участвовала в чемпионате мира по волейболу, была составлена из баскетболистов.

Почему же все-таки так велика аудитория у американского баскетбола? Мне легче будет ответить на этот вопрос, если вначале я объясню, почему баскетбол менее популярен в других странах.

Баскетбол отпугивает сложностью своих правил, которые к тому же очень часто меняются, и чрезмерной логичностью при определении победителя. Правила, по которым играют в футбол и хоккей, не говоря уже о волейболе или теннисе, довольно просты. Я понимаю, что какой-нибудь патриот футбола или хоккея, обидевшись (хотя обижаться нечего: простота правил, их доступность — огромнейшее достоинство), может придумать вопросы, ответить на которые я лично и не сумел бы. Но я говорю не о теоретической стороне дела, а о практической. Скажем, человек, весьма далекий от спорта, решил восполнить пробел в своем образовании и пошел для начала на футбол,

хоккей и баскетбол. Премудрости футбола он постигнет довольно быстро. На хоккейном матче ему придется труднее, но, в конце концов, он и здесь поймет, что к чему. На баскетбольном же ему без посторонней помощи придется худо.

Да что там простой смертный — доведись Джеймсу Нейсмиту, отцу баскетбола, человеку, который сравнительно недавно видел свое детище (в 1936 году, уже человеком преклонного возраста, побывал он в Берлине, где впервые на Олимпиаде разыгрывался баскетбольный турнир), доведись ему сейчас побывать на баскетбольном матче, он замучил бы вопросами своих соседей. «Почему мяч попал в корзину, а два очка не приплюсовали?», «Почему приплюсовывают два очка? Мяч-то в корзину не попал...» Ему объяснили бы, что в первом случае правило цилиндра нарушил игрок атакующей команды, а во втором — обороняющейся. Он спросил бы, а что это такое — правило цилиндра. Не успели бы ему закончить объяснение, как он тотчас бы поинтересовался: «Почему за эту персональную ошибку бьют штрафные, а за точно такую же две минуты назад не били?» Ему растолковали бы, что тогда шла 36-я минута матча, а сейчас — 38-я, и, следовательно, уже действует правило трех последних минут. Не хотел бы я быть его соседом...

На моем веку ввели правила трех и тридцати секунд, правило цилиндра, отменили правило зоны, а затем, видоизменив, возвратили его баскетболу, правило трех последних минут заменили правилом пяти последних минут, а затем, опять-таки в несколько измененном виде, стало действовать правило трех последних минут; когда я начинал играть, удаляли с площадки за четыре персональных замечания, те-

перь удаляют за пять... Я вовсе не уверен, что перечислил все происшедшие за эти годы изменения...

Нет ли здесь, однако, противоречия: я ведь писал в предыдущей главе о том, что одна из главных целей, которую преследуют законодатели баскетбола, — упрощение правил. Достижению этой цели, увы, мешает желание достичь две другие, о которых я тоже упоминал.

...Вы, наверное, помните, что правило тридцати секунд спасло баскетболу жизнь, омолодило его. Но правила-то усложнились.

...Великан располагался под корзиной, получил мяч и легко, благо корзина рядом, укладывал его туда. Тогда расширили зону штрафного броска и запретили находиться там больше трех секунд подряд игрокам нападающей команды. Правило трех секунд отодвинуло великана из-под корзины. Разумное решение? Разумное. Но правила-то усложнились.

...В 1956 году на Олимпиаде в Мельбурне американец Билл Рассел (при росте в 207 сантиметров он прыгал так, что его макушка оказывалась выше кольца, а кольцо, напомню, находится в 305 сантиметрах от пола) легче легкого перехватывал мячи, которые, казалось, вот-вот опустятся в корзину его команды. И тогда запретили касаться мяча, находящегося в воображаемом цилиндре, нижним основанием которого является кольцо. Умно поступили, введя правило цилиндра? Да. Но правила-то усложнились.

В общем-то, как бы там ни было, но правила у баскетбола сложные. Для всех, кроме самих баскетболистов. Поэтому и отпугивают они всех, кроме баскетболистов. Слово «баскетболист» не следует понимать буквально: в данном случае баскетболистами следует

считать и тех, чьи попытки стать игроками оказались безуспешными.

Отпугивает баскетбол и тем, что здесь очень часто — значительно чаще, чем в том же футболе, — можно еще до начала матча назвать его победителя. Такая чрезмерная логичность баскетболу-зрелищу во вред. Вы идете в кинотеатр посмотреть приключенческий фильм. Если после первых же кадров вы догадываетесь, кто шпион, то и смотреть вам неинтересно: вы-то выбрали приключенческий фильм именно потому, что хотели получить порцию острых ощущений. За той же самой порцией острых ощущений идет зритель и на спортивный поединок. Он, этот зритель, не случайно называется болельщиком: он идет болеть, переживать, а какие уж тут переживания, если и до начала все ясно.

В футболе тоже в конечном счете побеждает сильнейший. Если футболисты киевского «Динамо» сильнее, то они в конечном счете и победят в чемпионате. В чемпионате — да, а вот в каждом конкретном матче — это еще вопрос. И за ответом на этот вопрос тысячи людей идут на стадион.

Но у кино и особенно у театра есть особая категория зрителей. Немного, наверное, найдется людей, которым не известен был бы сюжет «Чайки». И уж завзятые театралы — те, конечно же, знают, что произойдет с героями Чехова — знают, но валом валят в театр. А актеры — и профессионалы, работающие в другом театре, и самодеятельные, — те, наверное, ходят десятками раз — сравнивают, учатся.

Вот и на спектакль баскетбольного театра тоже идут театралы и актеры, профессиональные и самодеятельные. Они идут смотреть не только, кто вы-

играет, еще в большей степени их интересует, как играют.

...Два эти обстоятельства и отпугивают от баскетбола простого зрителя, делая баскетбол игрой для посвященных. Если бы был проведен опрос зрителей какого-нибудь матча — не парадного, такого, скажем, как СССР — США, на который не все идут из любви к баскетболу, а рядового, обыкновенного матча — так вот, если бы был проведен опрос, выяснилось бы, что из каждых 10 зрителей 7—8 сами играют или когда-то играли в баскетбол — пусть плохонько, но играли.

Право же, 143 миллиона зрителей — это для США не так уж и много. Для этого надо, чтобы каждый баскетболист — причем не тот, который когда-то играл, а тот, который уже играет, еще играет, — посмотрел за сезон всего 8 матчей: в США 18 миллионов баскетболистов. Уточняю, 18 миллионов мужчин-баскетболистов (женщины в баскетбол там почти не играют, их количество измеряется тысячами, если даже не сотнями). Но, правда, в эти 18 миллионов включены и «мужчины» 8—9 лет от роду.

18 миллионов — ни одна страна мира ни в одном виде спорта не в состоянии выставить армию, численность которой хотя бы примерно равнялась баскетбольной армии США. 18 миллионов — даже совместными усилиями остальные 126 стран, которые объединены ФИБА, вряд ли смогли бы выставить баскетбольную армию, и в два раза уступающую в численности американской.

Я понимаю, что в наш век удивить трудно. Но все-таки представьте, что в один и тот же момент на площадках появляются полтора миллиона команд, в каждой из которых, как и положено, по 12 игроков, и одновременно начинаются 750 тысяч матчей.

«Ну, хорошо, — скажет иной скептик, — 600 тысяч зрителей в день — это я еще могу себе представить. Ну, а где же они будут сидеть, эти 600 тысяч зрителей?» Вот на этот вопрос я ответить не могу. Не знаю я, сколько в США спортзалов, не располагаю такими сведениями.

Но я знаю, что нет в США колледжа или университета, которые не имели бы своих баскетбольных команд и которые вынуждены были бы снимать в аренду залы для тренировок и матчей. Я знаю, что если зал колледжа или университета имеет трибуны, вмещающие даже 5 тысяч зрителей, то этот колледж или университет считается бедным. И он, действительно, не очень богат, беднее многих других, ибо и на матчи студентов-баскетболистов вход платный, а зал Мичиганского, скажем, университета вмещает 15 тысяч зрителей, Канзасского — 17 тысяч, а университет штата Миннесота — 20 тысяч.

В борьбе за благосклонность и доллары зрителя у баскетбола в США два мощнейших конкурента — американский футбол и бейсбол, аудитория у которых, по рассказам, такая же внушительная, как и у баскетбола. Но конкурентам этим нет нужды подставлять друг другу ножку, а зрителю не приходится ломать голову над тем, куда же ему пойти. Три эти игры разделили год на три сезона: в бейсбол играют с апреля по июль, в американский футбол — с июля по сентябрь и в баскетбол — с сентября по апрель.

Не буду перечислять все турниры, в которых меряются силами баскетболисты США, — их величайшее множество. Шуточное ли дело, за каких-то восемь месяцев пропустить 18 миллионов баскетболистов!

Свою первую золотую медаль чемпиона штата, а затем и США американец может получить девяти лет от роду — за победу в так называемом «цыплячьем чемпионате». И эти турниры собирают огромное количество зрителей: одних мам и пап сколько (не знаю, но не удивился бы, узнав, что и эти матчи платные). К девяти годам американец-баскетболист уже очень техничен: дети-то и вообще легче усваивают технику, а его стаж в этом возрасте исчисляется уже двумя-тремя годами.

Где же он набирал этот стаж? Дома: коттеджи строят вместе с баскетбольными площадками; вне дома: площадки есть повсюду — и в городе, и за городом: если нет настоящей площадки, то, как минимум, есть щит с корзиной, часто такие корзины укреплены прямо на стене дома; во время загородных прогулок: переносный в виде треножника щит с укрепленной на нем корзиной занимает в машине немного места; в школе: многие школы имеют прекрасно оборудованные спортзалы — читай, баскетбольные залы.

Американец, окончивший школу, если он хочет и дальше играть в баскетбол, попадает в одну из четырех лиг, которые вместе и образуют любительский баскетбол США. Вот эти четыре лиги. NCAA (Нэйшнл Колледж Атлетик Ассошиэйшн) и NAIA (Нэйшнл Атлетик Интерколледж Ассошиэйшн) — две студенческие лиги, которые отличаются тем, что первая из них объединяет университеты и крупные колледжи, а вторая — небольшие колледжи. NAIA объединяет команды 460 колледжей. В NCAA — два дивизиона: университетский (185 команд) и дивизион колледжей (575 команд). О силе команд, входящих в NCAA, можно судить по тому, что чемпионами Олимпийских игр стали представители этой лиги: в Лондоне (1948 год) — баскетболисты университета Кентукки, в Хельсинки (1952 год) — Канзасского университета.

Если две только что упоминавшиеся лиги на все 100 процентов студенческие, то AAU (Аматер Атлетик Юнион — Любительский атлетический союз) объединяет и студентов, и нестудентов. В AAU входит Индустриальная лига, объединяющая крупные фирмы, такие, к примеру, как «Гудэар», «Пэсифик Норд-Уэст Дистракт». По вполне понятным причинам фирмы заинтересованы в том, чтобы иметь сильные команды: как вы сами понимаете, баскетбол в США — великолепнейшая реклама. В команде одной из таких фирм, «Филиппс-66», в течение многих лет играл Джерри Шипп, превосходный нападающий, олимпийский чемпион 1964 года, кстати сказать, знакомый советским любителям баскетбола (Шипп в составе сборной США дважды приезжал в нашу страну — в 1961 и 1964 годах). Его несколько раз приглашали в профессионалы, но он — редчайший случай! — приглашений не принял. Я спросил у него о причине. Он объяснил мне, что владельцы фирмы заключили с ним джентльменское соглашение, по которому он, Шипп, после того как закончит играть, либо станет тренером команды, либо получит в фирме высокооплачиваемую должность (Шипп — дипломированный инженер).

И наконец, четвертая лига любительского баскет-

бола — AS (Арм Сервис — вооруженные силы). Любопытная деталь: в этой лиге нет ни одного игрока ростом за два метра. Дело в том, что, по закону, в армию США берут людей ростом до двух метров.

В каждой из четырех лиг проводится свой чемпионат, который одновременно является отборочным турниром перед Нэйшнл Инвитейшн Турнамент или проще говоря, перед национальным чемпионатом. Поскольку в каждой из этих лиг огромнейшее количество команд, лиги разделены на дистрикты (районы). В AAU 16 дистриктов (в таких из них, как Кливленд и Огайо, по 600 команд). В NCAA тоже 16, но команды одного дивизиона с командами другого не встречаются. В NAIA 32 дистрикта.

Победители дистриктов каждой лиги собираются в каком-то одном городе и в течение нескольких дней по олимпийской системе выявляют чемпиона лиги (в NCAA таких чемпионов двое — чемпион среди колледжей и университетский).

Затем тренеры-селекционеры каждой из лиг комплектуют сборные команды, которые затем будут участвовать в чемпионате США. По традиции чемпионат страны оспаривают 8 команд: 2 сборные AAU, 3 — NCAA (комплектуются из игроков обоих дивизионов), 2 — AS и одна — NAIA. Восьмерка собирается, как правило, в нью-йоркском Мэдисон-Сквер-Гардене — и тоже по олимпийской системе — разыгрывает чемпионат страны.

На турнирах любителей — особенно на финальных пульках лиг и тем более на финале финалов, где играют лучшие из лучших, — обязательно присутствуют тренеры-селекционеры NBA. Нэйшнл Инвитейшн Турнамент — это не только финал чемпионата, это еще и крупнейшая баскетбольная ярмарка сезона. И тренеры-селекционеры NBA оценивающим взглядом присматриваются к игрокам.

Но пора уже представить NBA (Нэйшнл Баскетбол Ассошиэйшн — Национальная баскетбольная ассоциация). NBA — это баскетбол высшего сорта. NBA — это сильнейший баскетбол сильнейшей баскетбольной державы мира. NBA — это лучшее, что есть в мировом баскетболе. NBA — это профессионалы баскетбольной Америки. NBA велика и могуча, NBA и гроша ломаного не стоит без любительского баскетбола США.

Как-то я поспорил с одним нашим тренером.

— Легче или труднее пришлось бы нам на Олимпийских играх, если бы в США не было профессионального баскетбола?

Он, не задумываясь, ответил:

— Существование профессиональной лиги нам, конечно же, на руку: Робертсон и Лукас молоды, да и Рассел еще не стар.

— Ну, а через две-три Олимпиады?

— Через две-три? — удивился он. — А что изменится через две-три? И через пять, и через десять — до тех пор, пока грабят любителей, ничего не изменится. Ты посмотри: такой, как Рассел или Робертсон, могли бы играть на трех-четырех Олимпиадах, а играли только на одной!

Мой оппонент был прав: и Билл Рассел, и Оскар Робертсон, и Джерри Лукас, и Билл Брэдли, и Уолтер Хаззард — да и все остальные звезды США только по одному разу защищали на Олимпиадах цвета своей страны, хотя могли бы играть еще раз, два, а то и три (для Рассела, который был достаточно силен для того, чтобы поехать в Мехико, это была бы четвертая

Олимпиада). Все это так. Но давайте-ка обратим внимание на такую закономерность: Билла Рассела, который играл в Мельбурне, в Риме заменили Оскар Робертсон и Джерри Лукас, вместо последних в Токио появились Билл Брэдли и Уолтер Хаззард, а этих, в свою очередь, сменили в Мехико Спенсер Хейвуд и Джордж Уайт, которые, по слухам, вернувшись из Мехико, тоже подались в профессионалы. В Мюнхене, убежден, появятся еще какие-нибудь звезды. Значит, несмотря на то, что профессиональная лига грабит любительский баскетбол, последний не беднеет.

Ну вот, скажут мне, явное противоречие: разве команда, в которой вместе играют Рассел, Робертсон, Лукас, Брэдли, Хаззард, Хейвуд, Уайт, не была бы сильнее той, в которой играют только один-двое из них? Разумеется, теоретически такая команда была бы сильнее. А вот практически... Я совсем не уверен, что практически такая команда могла бы быть создана, и вовсе не потому, что игроков этих одного за другим купила профессиональная лига. Как раз наоборот: не было бы профессиональной лиги — не было бы в любительском баскетболе США звезд такой величины. В том-то и дело, что любительский баскетбол США живет и здравствует благодаря профессиональной лиге — это так же точно, как и то, что профессиональная лига процветает благодаря баскетболу любительскому.

Билл Рассел и другие знали, что существует профессиональная лига, и знали, как велики заработки тех счастливчиков, которым удалось попасть туда. Поэтому Билл Рассел и другие, когда им было лет, скажем, 15—16, не просто играли в баскетбол, они уже делали свой бизнес, как делают его многие их

соотечественники-спринтеры, которые, преуспев в любительской легкой атлетике, уходят потом в профессиональный американский футбол. Между прочим, несмотря на то, что американский футбол регулярно забирает к себе лучших спринтеров, рекорды и золотые медали все равно остаются в США.

Незадолго до Олимпиады 1964 года к нам в страну приезжали баскетболисты сборной США. Советский журналист интервьюировал центрового американской команды Джима Бернса. Он, в частности, спросил, хочет ли Бернс попасть на Олимпиаду.

— Конечно, — ответил тот. — С золотой медалью легче открыть дверь в профессиональную лигу.

— Ну, а если бы вас пригласили в профессионалы и без медали, вы старались бы попасть в олимпийскую команду?

— Зачем? — удивился Бернс.

«Зачем?» Это тот случай, когда вопрос красноречивее ответа. Действительно, зачем? Он хотел, чтобы его профессией стал баскетбол, который сумеет прокормить его. Его зовут в профессионалы — так зачем же ему эта самая Олимпиада? Я не хочу сказать, что Бернс — это правило. Наверное, в Америке есть и такие баскетболисты, которые мечтают только о золотой олимпийской медали. Но и такие тоже не правило. Во всяком случае, я не знаю ни одного американского баскетболиста, который поехал бы на две Олимпиады. А правило — играть в баскетбол и делать бизнес, играть в баскетбол и думать о завтрашнем дне, играть в баскетбол и стремиться в профессионалы. Ну, а если жесточайшая конкуренция помешала тебе сделать баскетбол своей профессией, выбирай другую — профессию клерка, инженера или по-

жарника. Таких, которые хотят стать профессионалами, сотни, тысячи, сотни тысяч. В их борьбе и рождаются новые звезды.

Я не хочу сказать, что без крохотной NBA (в этой лиге немногим больше ста баскетболистов) в США прекратили бы играть в баскетбол. Нет, играли бы, конечно. Но ведь и в Англии, напомню, все умеют плавать. Впрочем, Америка, наверное, не стала бы второразрядной баскетбольной державой. Но и не была бы она наверняка такой сильной, как сейчас.

У нас вообще очень и очень часто жалеют бедных любителей (не только баскетболистов), которых-де обворовывают профессионалы, обрекая тем самым любительский спорт на вымирание. Тезис этот столь же назойлив, сколь и нелеп. Тут дело не так уж просто. Ведь можно сказать и так. Огромные гонорары профессионалов удесятеряют старательность любителей. Их не надо уговаривать потренироваться лишний раз, подумать о своей физической подготовке, обратить внимание на тот или иной свой недостаток. Они еще не стали профессионалами, но профессиональное отношение к делу у них уже выработалось, а от профессионального отношения к делу до преуспевания в этом деле — один шаг. Конечно, попадут в профессионалы единицы, но ведь достаточно сильны и те, которые рвались туда.

Мне могут возразить, сославшись на пример хоккея: вот, мол, и профессиональная лига в Канаде есть, а бьют же наши ребята их любителей. Да, это так. Но разве нельзя предположить, что любительский хоккей Канады был бы куда слабее, не существуй там профессиональная лига?

А может быть, без профессиональной лиги хоккей

как таковой прекратил бы в Канаде свое существование — кто знает. Нет же волейбола на родине волейбола. А создай там профессиональную лигу с таким еще ни разу не скомпрометировавшим себя стимулом, как действенный гонорар, — глядишь, и появился бы волейбол. И наверное, очень и очень неплохой.

И наконец, я ведь не утверждаю, что наличие профессионального спорта в той или иной стране обязательно обеспечивает спортсменам этой страны и первые места в турнирах любителей. Я хотел доказать, что в тех странах, где есть профессиональный спорт, существует солидный стимул для любителей, и, следовательно, любительскому спорту, хотя его и обижают профессионалы, живется неплохо. Ему жилось бы куда хуже, если бы там не было профессионалов, которые грабят его.

На мой вопрос, получают ли профессионалы, победившие в турнире NBA, золотые медали, я, конечно же, ждал утвердительного ответа (я и спрашивал-то так, на всякий случай), а услышал примерно следующее:

— Не путайте с любителями. Профессионалы получают деньги.

Прежде чем рассказать о том, как оплачивается труд профессионалов-баскетболистов, сделаю две оговорки. Первая: эти сведения получены мною в 1965 году во время турне сборной СССР по США, и я просто-напросто не знаю, произошли ли с тех пор какие-нибудь изменения; вторая: я не знаком с американским законом о налогах и поэтому не знаю, какая часть гонорара удерживается. Я понимаю, что ценность информации в значительной степени сни-

жается, но поскольку интересна сама система оплаты, я решил о ней рассказать.

Условно баскетболистов NBA следует разделить на суперзвезд и просто звезд. С суперзвездами заключаются персональные контракты. Вот сколько, прибегая к американской терминологии, стоят некоторые из игроков: Лукас — 35 тысяч долларов, Робертсон — 40 тысяч, Рассел — 45 тысяч, Чемберлен — 75 тысяч. Тем фантастичнее кажется контракт, заключенный с Лью Алсиндором: напомню, что новая сверхсуперзвезда оценена в миллион долларов. Просто звезды, с которыми персональные контракты не заключаются, получают 8 тысяч долларов. Но дабы не разжигать антагонизма между звездами и остальными, дабы заставить и тех и других играть в полную силу, каждая команда в зависимости от количества побед и занятого места получает довольно внушительную сумму (она зависит от сборов, сделанных командами лиги), которая делится между игроками поровну.

Юридически игроки получают гонорар за восемь месяцев. Я говорю «юридически» потому, что, хотя в течение четырех остальных месяцев баскетболисты вольны делать все, что им заблагорассудится, фактически они — я убежден — не расстаются с мячом и во время, так сказать, неоплаченной трети года. Тот же журналист, который так удивил центрового сборной США Джима Бернса, рассмешил и тренера этой команды Джона Маклендона. Рассмешил вопросом, который не вызвал бы улыбку ни у одного из советских тренеров. Журналист спросил, как работает тренер профессиональной команды над техникой игроков и сколько он этому вопросу уделяет времени. Маклендон долго не мог понять, чего от него добиваются, а поняв, как я уже говорил, рассмеялся. Дело даже не в том, что американец, который, можно сказать, «родился с мячом» и, прежде чем попасть в профессиональную лигу, прошел великолепнейшую школу баскетбола. Дело в том, что, попав в профессиональную лигу, он выполнил всего лишь программу-минимум. Программа-максимум — удержаться там как можно дольше. Задача не из легких, если учесть, что в желающих стать профессионалами недостатка не испытывается. А это значит, что и во время четырехмесячного отпуска профессионал должен денно и нощно заботиться о своей форме.

Не подумайте только, что доверие к игроку в NBA заходит слишком далеко и что порядок в лиге зиждется на одной только самодисциплине. Самодисциплина самодисциплиной, но есть еще и строжайшая дисциплина.

...Рассказывают, что однажды новичок «Бостон Селтика» опоздал к самолету. Как же обрадовался он, увидев, что команда еще не улетела. «Должно быть, на мое счастье, погода нелетная», — подумал, наверное, он и поспешил к Ауэрбаху, тренеру команды, с извинениями.

Ауэрбах, довольно приветливо выслушав его, сказал:

— Раз опоздал, — значит, была причина. Не страшно — мы успеем. До следующего рейса времени много, так что ты успеешь купить билеты — себе, мне и всей команде.

Не знаю, может быть, это и выдумка. Но очень правдоподобная выдумка. Дисциплина у профессионалов армейская, и власть тренера неограниченная. В американских командах, и не только в профессио-

нальных, на любое замечание тренера игрок вправе сказать только одно: «Йес, сэр!»

Игрок может опоздать на тренировку — с кем не случается. Профессионал опаздывает не на минуты — на доллары. Такса: одна минута — один доллар.

Игрок, который во время матча получил, скажем, персональное замечание, должен молча поднять руку. Но он не машина ведь, а человек — может вспылить, дать волю чувствам. После матча он будет оштрафован: за эмоции тоже надо платить.

Пользуясь случаем, скажу, что квалификация судей, их объективность — выше всяких похвал, а какие бы то ни было нарекания в их адрес крайне редки. Мастерство арбитра под стать мастерству игрока. И им, арбитрам, платят солидные деньги (100 долларов за матч). И они тоже дорожат своим местом.

Деньги... Нелегко достаются они профессионалам. Достаточно сказать, что в каждой команде всего 12 игроков, в матче участвует не свыше десяти (для сравнения: у нас в командах мастеров примерно 20 игроков, в матче участвуют 12). Играть в профессиональном баскетболе потруднее, чем в любительском. Кстати, коротенько о том, чем разнятся правила двух баскетболов.

Мы играем 40 минут, они — 48 (четыре тайма, по 12 минут в каждом, после первого и третьего таймов перерывы по две минуты, после второго — 15), у нас действует правило 30 секунд, у них — 24. Трехсекундная зона в профессиональном баскетболе значительно у́же, за первые пять фолов штрафные броски не пробиваются; зато за все следующие, вне зависимости от того, в каком месте площадки они совершены, назначаются два штрафных броска. Но фолы

в профессиональном баскетболе фиксируются судьями значительно реже, чем в любительском: в профессиональном баскетболе силовая борьба в чести. Уилт Чемберлен как-то жаловался на то, что прыгал он под щитом, а приземлился в углу площадки.

Догадаться, почему в команде всего 12 игроков, легко: деньги. И легко догадаться, что деньги эти достаются совсем непросто. От травм не застрахован никто — даже очень техничный и находящийся в отличной форме игрок: чего не случается на площадке, тем более если сезон длится восемь месяцев; надо к тому же учесть, что с каждым годом силы команд все больше подравниваются, и, следовательно, борьба и в каждом матче, и во всем турнире ожесточается. Так ли уж удивительно, что тот же Чемберлен сетует на то, что за матч он теряет четыре-пять килограммов, что по ночам не сразу может уснуть и что желудок у него ни к черту?

Как же разыгрывается чемпионат NBA, который без всякой скромности, но и не без достаточных к тому оснований именуется чемпионатом мира (не потому ли, кстати сказать, американцы без всякого уважения относятся к официальному чемпионату мира, непременными участниками которого являются и их соотечественники?). С момента своего основания — а это произошло в 1946 году — NBA разделена на две лиги — Восточную и Западную. Каждая из них проводит многокруговой предварительный турнир (по нескольку матчей дома, в гостях и в нейтральных городах). Затем команды, занявшие первые места в Восточной и Западной лигах, проводят семь матчей (до четвертой победы) тоже дома, в гостях и на площадках нейтральных городов. Победитель и объявляется чемпио-

ном мира. Точно так же разыгрываются и все остальные места.

Самая справедливая — даже не так, единственно справедливая система проведения чемпионата «Каждый с каждым дома и в гостях». Руководители NBA не могут не знать этого, потому что это не является откровением и для начинающего болельщика. Команда, занявшая второе место в Восточной лиге, может быть сильнее первой команды (или слабее четвертой команды) Западной лиги. Я уже не говорю о том, что многие команды двух этих лиг, к величайшему, видимо, сожалению болельщиков, годами не встречаются между собой.

Не бог весть каким надо быть умником, чтобы догадаться, почему это происходит. Деньги, конечно же, деньги. Этой же прозаической причиной объясняется и тот факт, что подавляющее большинство городов США не имеют своих профессиональных команд — это при любви-то американцев к баскетболу! Кстати, матчи на площадках нейтральных городов, видимо, и проводятся для того, чтобы как-то восполнить этот пробел, а заодно и пополнить казну.

Между прочим, совсем нехудо было бы нам часть матчей чемпионата проводить в городах, не имеющих команд в высшей лиге (не нарушая, разумеется, при этом равновесия, чтобы дома и в гостях было сыграно одинаковое количество матчей).

У нас есть города, так сказать, баскетбольные, которые с настоящим-то баскетболом, по существу, не знакомы. Никогда не поверю, что в Каунасе баскетбол любят, а в Вильнюсе или Клайпеде к нему равнодушны. Между прочим, такого рода матчи, кроме всего прочего, явились бы и хорошей рекламой баскетбола,

и настоящей школой баскетбола. Я, например, убежден, что довольно малочисленный, плохо организованный и никому в США не нужный женский баскетбол в достаточной степени силен именно потому, что американкам есть у кого учиться.

Я думаю, NBA не прогорела бы и в том случае, если бы имела больше команд (в 1969 их было 12) и если бы чемпионат свой разыгрывала по системе «Каждый с каждым». Не прогорела бы, но и денег заработала бы меньше. Неприятно, разумеется, если во всех случаях целесообразность измеряется только деньгами. Но, право же, очень плоха и другая крайность.

Американцы не хотят летать с востока на запад страны, хотя там их и ждет переполненный зал, который (учитывая высокую стоимость билетов и огромную вместимость трибун), безусловно, окупил бы — и с лихвой — затраты. А 11 команд нашей высшей лиги летят в Алма-Ату, где их ждет зал со скамейками на 200 зрителей. Правда, неподалеку от спортзала, в котором тренироваться и то не хочется, есть отличный Дворец спорта. Но там — центральное событие спортивного сезона! — выступает концертная бригада...

Или такой, скажем, случай. Весной 1969 года в один и тот же день в Риге должны были состояться финал разыгрыша Кубка европейских чемпионок с участием ТТТ и матч чемпионата страны с участием ЦСКА. Казалось бы, перенесите один из этих матчей на другой день (еще лучше было бы заранее назначить его на другой день, благо календари обоих турниров под рукой). Так нет же! Хуже того — оба матча играли в разных залах и в одно и то же вре-

мя... Если заинтересованные лица до такой степени не заинтересованы в деньгах, то, по крайней мере, подумали бы о зрителях и провели оба матча в одном зале (бедняги не знали, какую же из лучших команд Европы — женскую или мужскую — посмотреть). Вот уж воистину: нет залов — горько, есть — тоже несладко. Нет, что там ни говори, а плохо, и когда все время считают деньги, и когда их вовсе не считают.

Я уже говорил о том, чем отпугивает баскетбол зрителей. Сами понимаете, американца сложными правилами игры не смутишь. В США, кстати сказать, действуют три баскетбольных кодекса. Профессионалы играют по одним правилам, AAU и AS — по тем же правилам, по которым играем и мы. Правила обеих студенческих лиг представляют собой нечто среднее между правилами любителей и профессионалов. В тех случаях, когда команды этих лиг играют с командами AAU и AS, их матчи регламентируются правилами любительского баскетбола.

А вот тому, что я назвал чрезмерной логичностью баскетбола, руководителями ФИБА объявлена война. Почему исход матча можно предугадать зачастую еще до того, как он начался? Чего же тут голову ломать: потому что одна из команд сильнее! Ну, а можно ли уравнять силы команд? Теоретически, видимо, можно. Но практически как это сделаешь: не будешь же ломать уже сложившиеся команды.

Выход из положения, однако, нашелся. В конце каждого сезона, как я уже говорил, лучших из любителей приглашают в профессиональную лигу. Составляется список этих игроков. Туда же включаются те из профессионалов, которые в силу целого ряда причин, закончив играть в своей команде, хотят — и

могут — играть в какой-нибудь другой. И вот руководители профессиональной лиги издали закон, согласно которому первым выбирает себе игроков, значащихся в списке, команда, которая в чемпионате NBA заняла последнее место. Из оставшихся игроков выбирает предпоследняя команда. И так далее. Чемпион выбирает последним. Твоя команда слаба — бери лучших игроков, твоя и так сильна — бери тех, кто поплоше.

Прошло несколько лет — и все стало на свои места. Теперь уже среди профессионалов нет заведомых лидеров и обреченных аутсайдеров. Я сужу об этом по тому, что подавляющее большинство матчей заканчивается с небольшим перевесом одной из команд (от 2 до 6 очков), что свидетельствует о примерном равенстве сил.

Любопытная деталь, связанная с вербовкой игроков-любителей в профессиональную лигу. В свое время было заключено соглашение между NBA и — право уж, не знаю, кто в этих переговорах выступал от имени университетов и колледжей США. Суть договора: со студентом нельзя в течение пяти или шести лет с момента его поступления в университет (колледж) заключить контракт.

Что выгадали университеты и колледжи, ясно как божий день. Сильная баскетбольная команда — это и реклама университета, и деньги — немалые к тому же. А ведь не секрет, что многие студенты — из тех, кто хорошо играет в баскетбол, — пребывая в университете, не столько помышляют о дипломе, сколько о контракте. Поэтому в договоре университеты (колледжи) обезопасили себя: если бы было сказано, что нельзя заключать контракт со студентом, студент

в тот самый момент, когда его поманили в профессионалы, просто-напросто закончил бы курс обучения и перестал бы быть студентом.

Но руководители-то NBA не филантропы и толк в баскетболе знают. Почему они согласны ждать хорошего игрока пять лет? Думаю, что они руководствуются трезвым расчетом.

Ну и что от того, что игрок хорош? Через пять лет он будет играть еще лучше. И от нас он никуда не уйдет. Примерно так, видимо, рассуждали руководители NBA.

В университетах (колледжах) с баскетболистами работают первоклассные тренеры. Достаточно сказать, что Боб Коуси, великий Коуси, которого называли самым выдающимся баскетболистом, когда-либо выступавшим на площадках США (он, кстати, в течение долгих лет защищал вместе с Расселом цвета «Бостон Селтика», многократного чемпиона профессиональной лиги), был приглашен в один из университетов страны и приглашение это принял. Залы у университетов (колледжей) превосходные. Сильных соперников предостаточно. Ну, а если учесть, что у потенциально большого спортсмена учеба не отнимает времени — во всяком случае, не мешает спорту, — то надо будет прийти к выводу, что через пять лет хороший баскетболист станет баскетболистом отличным.

Но неужто сама профессиональная лига, магнитом притянувшая к себе все лучшее, что есть в баскетболе — тренеров, игроков, технику, тактику, — неужто эта академия баскетбола не может довести игрока до нужных кондиций, не может обучить подающего большие надежды баскетболиста? Безусловно, может. Но не хочет. Зачем ей это?

NBA не школа: там не учат и не учатся.

NBA — рентабельное предприятие, тот же фордовский завод, где никто не получит цента, если не наработал на два, где нет лишних людей, потому что лишние люди — это лишние расходы, это меньшая, чем могла бы быть, прибыль, лишние люди — упущенная выгода.

В профессиональной команде, напомню, всего 12 игроков. Там нет места для стажера, даже если этот стажер — по всему видно — через год-другой заткнет за пояс половину игроков команды.

Талантлив? Трудолюбив? Боец? Очень хорошо. Нам такие нужны. Пусть работает, старается, пусть играет, когда трещат ребра, пусть играет под рев враждебных трибун, пусть выигрывает проигранные матчи и проигрывает выигранные, пусть ошибается и учится на своих ошибках. И желаем ему успеха. А вот когда научится, когда количество его ошибок будет сведено до минимума — одним словом, когда он станет мастером, милости просим.

Спорное утверждение — не правда ли? Ведь очень многие считают, что талантливый, но ошибающийся игрок лучше того, кто играет ровно, но звезд с неба не хватает. Зрителям — тем наверняка больше нравится первый: ну и что от того, что несколько раз ошибся, зато какой мяч перехватил (забил, отпасовал). Но по большому счету СЕГОДНЯ лучше середняк. Тренер знает, чего от него можно ждать, знает, какое дать ему задание, и знает, что задание это будет выполнено. А тот талантливый, но ошибающийся может сыграть и на 5 с плюсом, и на 3 с минусом: он игрок ненадежный. И каково тренеру да и всей команде: никому неведомо, как сыграет этот парень не

вообще, а в матче, к которому команда готовится сейчас.

Но разве это правило: молодой — значит играет неровно, с ошибками? Да, правило, почти не знающее исключений. Есть ветераны, которые ошибаются чаще положенного, но нет молодых игроков, которые не ошибались бы.

На что уж хорош Модестас Паулаускас. На моей памяти не было в советском баскетболе сильнее игрока (ему, кстати, и в профессиональный американской команде место нашлось бы). Он и юнцом уже считался игроком с холодной головой. В 1965 году в составе сборной СССР, которая совершала турне по Соединенным Штатам, был и Паулаускас. По существу, это был его дебют в сборной СССР. В первых матчах он совершал столько ошибок, сколько не совершал потом, наверное, за сезон.

Не бывает молодых игроков, которые не ошибались бы. И в этом нет ничего предосудительного. Напротив, ошибки, через которые все проходят, — вернее, не сами ошибки, а отношение к ним игрока, — яснее ясного дают знать, оправдает ли подающий надежды ожидания или так и останется в разряде подающих надежды. Одна своя ошибка учит строже и лучше, чем двадцать чужих, даже если на эту одну не обратили особого внимания, а те двадцать подвергли анализу, — потому что это своя ошибка. Я знаю игроков, которые годами помнили, где и как они ошиблись. Да я и сам отлично помню — так, будто это было вчера, — многие свои ошибки. Ну, а если молодой игрок ошибся и тут же милостиво себя амнистировал, если он не думает о том, почему он ошибся и как избежать этой ошибки и в следующий

раз, а вместо этого оправдывает себя («Не я виноват: он мне дал пас плохой...») или утешает себя («Кто, мол, не ошибается!») — такой, поверьте мне, большим мастером никогда не станет. Это сказано не для красного словца: нетребовательность к себе, отсутствие самоанализа, неумение — а чаще нежелание — осмыслить происходящее — вот причины, в силу которых спортсмен играет хуже, чем он мог бы играть.

Вернемся, однако, к американцам. О том, чем руководствуются хозяева профессиональной лиги, не доверяя, что ли, молодым баскетболистам, я сужу предположительно. Но то, что они делают ставку на ветеранов, это факт. В 1964 году команда «Олл старз» («Все звезды») совершала турне по Европе. Команду справедливо можно было назвать сборной NBA (из суперзвезд не хватало только Уилта Чемберлена). Так вот, старшему из ее игроков — Бобу Коуси — шел 37-й год. Еще пятерым — Биллу Расселу, Сэму Джонсу, Тому Хэйнсону, Бобу Петиту и Тому Гала — за 30 лет. Моложе 30 были двое — 24-летний Джерри Лукас и 28-летний Оскар Робертсон. Между прочим, семеро из них — все, кроме Коуси, — играли в командах NBA и в сезоне 1969 года. Средний возраст баскетболиста-профессионала — 33—34 года.

Ну как здесь опять не вернуться к нашему баскетболу, который крайне несправедливо и необъективно относится к ветеранам. Скажу сразу: не из личной обиды пишу я об этом — меня и в 37 из баскетбола не гнали. Но я-то был исключением.

А правило было таково. Молодой способный игрок, хотя и не умеет он еще многого, да и то, что умеет, делает еще небезупречно — «ура». На ветерана же, который еще все умел, был еще силен — сильнее того

молодого — смотрели косо. Три, пять неудачных матчей молодого — ничего: он еще молод, научится. Один не очень удачный матч ветерана — все ясно: уже стар, не тянет. И прощались с баскетболистом, который куда сильнее своего молодого соперника, которому еще играть и играть...

А тот молодой, повзрослев на шесть-семь лет, играл куда лучше и — главное — надежнее, чем в ту пору, когда ему все прощалось. Но теперь уже придирчиво относились к мелким его ошибкам и понимающе кивали: уже не тянет — ветеран. Теперь уже славили новых молодых, рассматривая их достоинства через увеличительное стекло, их недостатки — через уменьшительное.

Сколько было у нас игроков, которых торопились брать в сборную СССР, когда они еще того не заслуживали, и сколько из них оставались вне сборной, когда они еще очень нужны были команде...

Никем еще не доказано, что, к примеру, 32-летние баскетболисты менее сильны и выносливы, чем 22-летние (не надо только путать понятие «сила» и «желание показать силу»: последнего у молодых больше, что тоже свидетельствует не в их пользу). Зато досконально известно, что 32-летние мудрее и опытнее, а стало быть, и сильнее, если иметь в виду переносный смысл этого слова.

В чем же дело? Почему наш баскетбол так любит молодых и крайне недоброжелателен к ветеранам? Может быть, он невольно копирует американский любительский баскетбол?

Да, на всех международных турнирах честь США отстаивают команды, которые составлены из молодых игроков. Но, во-первых, американец начинает играть

в баскетбол примерно 8 лет от роду. Следовательно, к 22 годам у него 14-летний стаж пребывания в баскетболе. Этот стаж наш, так сказать, среднестатистический баскетболист набирает где-то к 29 годам. Тем не менее мы тоже норовим комплектовать команды 22-летними...

Во-вторых, я думаю, американские тренеры с удовольствием делали бы ставку на 30-летних. Они этой возможности лишены. Если американцу не удалось выбрать ту профессию, которую он хотел выбрать — профессию баскетболиста, — он выбирает ту, которую может выбрать. Отныне он работает. Как бы ни любил американец баскетбол, но уделять ему столько времени, как в ту пору, когда он готовил себя в профессионалы, он уже не может.

Наш собственный опыт — уже довольно богатый — мог бы подсказать, что переоцениваем мы возможности молодых, что рано списываем в тираж ветеранов. Если бы проанализировать все турниры — и внутрисоюзные и международные, — выяснилась бы любопытная вещь. Выяснилось бы, что все эти турниры выигрывали уцелевшие ветераны. Даже в тех случаях, когда команда наполовину была укомплектована молодыми игроками, чем сильнее был соперник, чем тяжелее матч, тем больше времени проводили на площадке ветераны. По пальцам можно было бы перечесть тех молодых, которые сразу, как говорится, с ходу становились в команде ведущими игроками. Паулаускас? Да. Но он наш советский «американец»: он научился играть раньше, чем читать. А кто еще, кроме Паулаускаса? Куда легче назвать тех, кто, получив аванс в виде приглашения в сборную, так его и не отработал...

Мы равняемся, комплектуя команды, на любительский баскетбол США, а должны равняться на профессиональный. В чем, в чем, а в человеколюбии руководителей NBA не заподозришь и бессребрениками их не назовешь. И если делают они ставку на тех, кому за тридцать, — стало быть, это выгодно.

Я спрашивал у американцев, на что могла бы рассчитывать сборная СССР, доведись ей быть девятой участницей любительского чемпионата США. Все в один голос сказали, что она заняла бы первое место. Напомню, что на Олимпиаде в Хельсинки сборная СССР сравнительно легко была побеждена в обоих матчах даже не чемпионом США, а чемпионом NCAA — командой Канзасского университета. Следовательно, прогресс очевиден.

Ну, а сумеет ли наш баскетбол добиться большего? Сумеет ли он стать первым в мире?

От меня, наверное, ждут утвердительного ответа. Я бы и рад сказать «да», но ведь, кроме патриотизма, есть еще и такое понятие, как реалистичность. И патриотизм нереалистичный, патриотизм, который желаемое выдает за реальное, — это, по существу, обман. Думаю, что на уровне пятых команд мы, наверное, всегда будем проигрывать американцам, а на уровне десятых — будем проигрывать наверняка.

В бейсбол играет только Американский континент, в американский футбол — только США. Баскетбол же — один из трех кумиров страны — в чести у всего мира. Я не хочу повторяться и говорить о том, как живется баскетболу в Соединенных Штатах. Я не хочу утверждать, что и мы должны сделать баскетбол видом спорта № 1. У нас иное отношение к спорту: по пальцам можно перечесть те виды спорта, которыми не занимаются в нашей стране. Такой подход к делу является более верным: не случайно те же американцы произвели переоценку ценностей и начали культивировать те виды спорта, к которым прежде относились весьма прохладно (коньки, водное поло, фехтование, гимнастика). Но мы говорим о баскетболе.

Наш баскетбол — это обыкновенный, рядовой вид спорта. Пекутся о нем меньше, чем о футболе и хоккее. Баскетбол в какой-то степени может даже считать себя обиженным: он не получает и того, что заслужил.

Я, например, совсем не уверен, что баскетбол в стране любят меньше, чем хоккей. Да, в Российской Федерации — спору нет — хоккей более популярен. Но РСФСР — это половина страны. Не скажу, что на Украине, в республиках Закавказья и Прибалтике к хоккею относятся прохладно, но уверен, что предпочтение там было бы отдано баскетболу.

Да, зрителей у хоккея больше, чем у баскетбола. Но игры-то эти находятся не в равном положении. У хоккея число билетов, видимо, совпадет с числом тех, кто хочет эти билеты купить. Желающих же увидеть баскетбол — и об этом я сужу не предположительно — куда больше, чем мест в залах.

Но я в общем-то еще не ответил на вопрос, сможем ли мы стать первыми в мире. Поскольку силами меряются не десятые команды и не пятые, а первые, то мнение патриота совпадает с мнением реалиста. Да, мы сможем побеждать американцев.

Мы можем стать первыми, но можем оказаться и третьими...

Тогда, в 1952-м, американцы занимали первое место в мире. Вторая команда (это были мы) могла бы считаться по уровню игры десятой, а третья — двадцатой. В конце шестидесятых годов второй уже был вторым, а третий — третьим.

Мы все время готовимся только к ближайшему турниру и вниманием окружаем только сборную СССР. Я не хочу сказать, что к предстоящим турнирам надо готовиться с меньшим тщанием: самый важный турнир тот, в котором играть завтра. И я далек от мысли противопоставлять сборную СССР всему нашему баскетболу: конечно же, команде № 1 и внимание должно оказываться особое. Но надо ведь и думать о турнирах будущих лет, и печься о командах, которые в этих турнирах будут играть.

Не буду сейчас говорить обо всех проблемах, которые надлежит решить во благо отечественного баскетбола. Но о двух не могу не сказать. Решение каждой из них не принесет сиюминутной выгоды. Отдача произойдет, в лучшем случае, лет через десять. Но ведь и через десять лет будут играть в баскетбол.

...Американец Джей Арчер решил, что баскетбол слишком хорош для того, чтобы в него играли одни только взрослые. Но он знал, что для детей и мяч тяжел, и площадка велика, и корзины висят высоко. Он знал, что баскетбол — игра взрослых, но ему очень хотелось, чтобы в него играли и маленькие. И тогда он, как ребенок, который балуется, посмотрел на баскетбол через перевернутый бинокль. Площадка уменьшилась, мяч похудел и полегчал, опустился щит с корзиной. Так баскетбол стал минибаскетом.

И с конца пятидесятых годов началось повальное увлечение минибаскетом среди детишек Западной

Европы, большинства стран народной демократии и Латинской Америки. Очевидный прогресс баскетбола в таких, скажем, странах, как Испания, Италия и особенно Югославия, в какой-то степени объясняется минибаскетом. И не надо быть тонким знатоком баскетбола, чтобы предсказать дальнейший прогресс этой игры именно в тех странах, где прижился минибаскет.

Ну, а каково же минибаскету у нас в стране? Худо. И вот ведь отчего вдвойне обидно. Еще до того, как минибаскет начал победное шествие по странам мира, он появился у нас. Он, правда, не назывался минибаскетом, но дело-то не в названии. Вскоре после того, как он кончил играть, Отар Коркия задался той же целью, что и Джей Арчер. Может, Коркия и слышал что-нибудь о минибаскете, а может, и нет. Не это важно: никто ведь не ставит под сомнение авторство Джея Арчера. Зал тбилисского «Юного динамовца», где тренировал Коркия, оборудовали опускающимися щитами, Коркия раздобыл мячи, которые были и меньше, и легче баскетбольных. И работа закипела. Коркия, говорят, дневал и ночевал в зале. Но когда он ушел тренировать команду мастеров «Динамо», на минибаскете в Грузии был поставлен крест.

В каждой из трех Прибалтийских республик минибаскет живет и здравствует. И это очень хорошо. Но плохо, что зона его действия ограничивается только Эстонией, Латвией и Литвой. Минибаскет требует немногого, а расплатится он щедрой рукой. Потому что тот, кто пройдет через минибаскет, к 20—22 годам будет молодым ветераном — спортсменом, который уже все знает и еще все умеет.

Увы, не я первый говорю о минибаскете. Боюсь,

однако, что и не последний... Никто не «против», все «за». И дело ни с места...

И еще один резерв есть у нашего баскетбола — огромный резерв, который мы не используем или в лучшем случае используем до обидного плохо. Я имею в виду потенциальных баскетболистов — тех, кто живет в сельской местности. Тот факт, что у нас в стране есть спортивные общества — такие, как «Урожай», «Колгоспник» и другие, — специально предназначенные для работы с сельскими спортсменами, сути дела не меняет: поставщиком большого баскетбола остается город.

Я не настолько наивен, чтобы ставить знак равенства между городом и деревней. Да, конечно же, характер работы проживающих в сельской местности, явно недостаточное количество спортзалов, наконец, дефицит тренеров — все это дает себя знать. И вместе с тем я убежден, что наличие всех этих причин порождает чрезмерную нетребовательность: им, мол, трудно, они бы и рады, да не могут. Согласен: трудно, даже очень трудно. Но кое-что можно сделать — было бы только желание.

Спорт, как известно, начинается с тренера. Следовательно, Федерации баскетбола СССР, республиканским федерациям надо начинать работу с поисков тренера. Мне видятся скептические улыбки: тренеров и в городе не хватает, а в село их и коврижкой не заманишь. Но тренер, о котором я говорю, вовсе не должен быть выпускником инфизкульта. Он может быть учителем, механизатором, агрономом, врачом — всяким, кто, закончив учебу в институте, поехал работать в сельскую местность. Баскетбол увидел свет в институте и до сих пор является у большинства студентов игрой № 1. В нашей стране нет, наверное, ни одного института, который не имел бы баскетбольных команд. Среди игроков этих команд и надо искать будущего тренера.

Итак, молодой тренер приехал в село. С чего начинать ему свою работу? С поисков места для игры. И не надо падать духом, если нет даже крохотного по своим размерам спортзала. Хотя в оптимальном варианте баскетбол должен иметь крышу над головой, он может обойтись и без нее. К тому же в Средней Азии, в Закавказье, в Молдавии, в южных областях РСФСР и Украины баскетболом под открытым небом можно заниматься до семи-восьми и даже до девяти месяцев в году. В большинстве остальных районов страны на свежем воздухе можно играть до полугода (не обязательно ведь играть в трусах и майках, можно и в тренировочных костюмах). Да, баскетбол капризен, в отличие от футбола или волейбола он требует, чтобы поверхность площадки была идеально ровной. Выход из положения есть. В Италии и Испании, где я частенько бывал, во многих дворах я видел площадки для минибаскета с недорогим асфальтовым покрытием.

Почти во всех колхозах и совхозах есть клубы, в школах — актовые залы. Нет актовых залов — есть коридоры, обыкновенные школьные коридоры: незачем пустовать таким специально для баскетбола придуманным сооружениям. Сделайте предохранительные решетки для окон, в противоположных концах зала укрепите подвесные щиты, расчертите мелом разметку — площадка к приему баскетболистов готова. Не должно смущать то обстоятельство, что по размерам своим эти площадки далеки от стандарт-

ных: и на маленьких площадках баскетбол доставит большое удовольствие.

Площадка-то есть, а вот найдутся ли те, кто захочет играть в баскетбол? Желающие обязательно сыщутся: баскетбол не может не нравиться. Не старайтесь набирать в секцию только тех, кто ростом выше: баскетбол сослужит добрую службу и тем, кто уйдет потом в другой вид спорта.

Хорошо это или плохо, но в баскетболе больше преуспевают те, кто ростом выше. Поэтому, не отказывая в приеме малышам, высоких агитируйте за баскетбол. И не удивляйтесь, если на первых порах они будут успевать хуже, чем те, кто ростом мал. Высокие, как правило, и сложены похуже, и координация движений у них неважная. Поэтому они прогрессировать будут медленнее, и поэтому работать с ними надо больше.

Разумеется, лучше всего играть в баскетбол баскетбольными мячами. Но не беда, если таких нет: без особого ущерба для дела они могут быть заменены футбольными. Важно только, чтобы их было много. Невелик прок от тренировок, во время которых баскетболисты находятся в вынужденном простое.

Итак, есть где играть, есть кому играть, и есть чем играть. Я бы не рекомендовал начинать занятия с изучения правил. Это всегда скучно. В баскетболе, где правила очень сложны, — скучно вдвойне. К тому же правила сложны для непосвященных, игроки же, даже не штудируя кодекса законов о баскетболе, изучат их довольно быстро.

А вот показать — не рассказать, а именно показать, — что такое баскетбол, будущим баскетболистам, это очень важно. Лучше всего, конечно, достать учебный фильм о баскетболе, благо есть у нас такие. Но сделать это, к сожалению, не очень легко. Зато легко достать всевозможные фотографии и диаграммы.

Вы начинаете на пустом месте: до сих пор в этом селе, районном центре еще никто никогда не играл в баскетбол. Поэтому надо искать будущих противников вашей несуществующей еще команды. И не просто искать их, а помогать им — делать для них то, что вы намерены делать для своих питомцев: спорт немыслим без борьбы, без соперничества.

Обучение баскетболу надо начинать с передачи мяча и с его ловли, затем переходить к дриблингу и броску. Никогда не забывайте старую истину, гласящую, что переучивать сложнее, чем учить. Поэтому во главу угла ставьте качественную, так сказать, сторону дела. Когда ваши питомцы освоят передачу и прием мяча, дриблинг и бросок, переходите к...

Впрочем, нет нужды рассказывать о том, о чем подробно рассказано во всех баскетбольных учебниках. Скажу лишь, что тренеру никогда не следует забывать о том, что какой бы эмоциональной ни была сама по себе баскетбольная тренировка, самое интересное в баскетболе — игра. Не забывайте поэтому об играх, пусть ваши питомцы играют как можно чаще — и во время тренировок тоже.

...Да, баскетбол считается игрой горожан. Но играют же в баскетбол — и играют неплохо, очень неплохо — в селах Эстонии, Латвии, Литвы. Традиция, скажете вы. Верно, традиция. Но традиции-то создаются людьми. Поверьте мне, баскетбольные площадки, которые очень к лицу селам, скажем, Латгалии, будут хорошо смотреться и на Кубани.

«ТЫ ОЧЕНЬ БЫСТРО БЕГАЕШЬ!» НЕЛЕГКАЯ ЭТА ДОЛЖНОСТЬ — ЖЕНА СПОРТСМЕНА.

В 1954 году Ахтаева (о нем, самом высоком человеке, которого я когда-либо видел, рассказ впереди: нас с ним судьба еще сведет и сдружит) и меня отчислили из сборной СССР. «Ты очень быстро бегаешь», — объяснили мне причину отчисления. Ахтаеву, который провел в сборной без году неделя, наверное, сказали, что он бегает очень медленно...

Нам могли сказать и что-нибудь другое: это был повод. А причиной была неудачная игра команды в товарищеском матче против сборной Болгарии. Не мы с Ахтаевым были повинны в том, что команда сыграла плохо, но когда нужны стрелочники, их всегда находят.

Я не ребенок и понимаю, что отчисление игрока из команды вещь обычная, что никуда от этого не денешься, что тренер не виноват: такова жизнь спортсмена — и ничего тут не поделаешь. Но разве всегда, когда понимаешь, становится легче?..

Отчислить игрока — это все равно, что отобрать у него награду. Отчисление — это даже пусть не произнесенное вслух: «Да, играешь ты неважно... Ошиблись мы в тебе, ошиблись». Отчисление — это ехидные взгляды одних, сочувственные — других. И трудно сказать, от чего больнее — от ехидства или от сочувствия. Сочувствие — эта та же жалость, а меня лучше обругай, чем пожалей: обругают — отвечу, а когда жалеют, надо еще и благодарить. Когда отчисляют, почему-то очень стыдно. Знаешь, что нет твоей

вины, что нечего тебе стыдиться, — а стыдно: будто обманом проник ты в команду, а потом вывели тебя на чистую воду.

Чем больше нахожу я сравнений, чем убедительнее объясняю, что это значит для игрока — отчисление, тем отчетливее понимаю, что не сумею я объяснить. Есть вещи, которые понимаешь только после того, как сам их переживешь.

Но не приведи бог испытать такую вот обычную вещь, как отчисление. Это удар посильнее нокаута, и последствия у него страшнее. Не через час и не через сутки приходит в себя человек. А бывает — и очень часто, — что после такого удара спортсмен уже и вовсе не может подняться с пола.

Так бывает чаще всего. Почти все очень хорошие игроки, которых я знал, кончались сразу же после того, как их отчисляли из сборной. Они уже и у себя в клубе не играли — доигрывали. Бывали у них и неплохие матчи, но так — как эпизод. Люди теряли уверенность в себе, а это самое главное — потому что спортсмен, не уверенный в себе, — это уже не спортсмен. Так кончили и Юрий Озеров, и Майгонис Валдманис, и Виктор Харитонов. Так кончали почти все. Одни сразу же падали духом, другие, напротив, лезли из кожи вон — хотели доказать, что с ними обошлись несправедливо. Но и те и другие переставали быть самими собой — и результат был одинаков.

Я знаю только одного игрока, которого отчислениями не сломали. Это Александр Травин. Его приглашали на сборы перед чемпионатом мира 1959 года, перед Римской олимпиадой, перед чемпионатом Европы 1961 года. Три года подряд брали, и всякий раз за день-другой до отъезда команды отчисляли.

Его отец — Константин Александрович Травин — первым из советских баскетболистов был удостоен звания «Заслуженный мастер спорта». Когда его сын стал баскетболистом, он дал ему свой значок и сказал: «Вернешь, когда у тебя будет такой». Травин-младший вернул значок в 1964 году, после Токийской олимпиады.

Он добился все-таки своего: сжав зубы, добивался — и добился! В 1962 году его взяли в сборную СССР, он играл в команде до 1967 года, все время был на первых ролях. Он прошел с командой Олимпиаду, два чемпионата мира и два чемпионата Европы.

> Арменака Алачачяна приглашали в сборную СССР четыре раза. Свой последний матч в сборной он сыграл в 1965 году. В списке 25 лучших баскетболистов страны за 1966 год значилось и его имя.

Жила-была в Ереване молодая баскетболистка Роза Вартанян. Я часто смотрел, как она играет, и понял: хорошей баскетболисткой ей не быть. И мне удалось убедить ее, что хорошая жена — это намного лучше, чем плохая баскетболистка.

Мне повезло. Ей, наверное, не очень. Трудная эта должность — жена спортсмена.

Об этом я и хочу поговорить. Нет, я не собираюсь посвящать вас в подробности нашей семейной жизни. Я не про нас с Розой и не про какого-нибудь с фамилиями. Я про Спортсмена и про Нее, которая стала потом его Женой.

В последнее время часто проводятся всевозможные

социологические исследования. Жаль, что социологов не заинтересовала личная жизнь спортсмена. Не знаю, что еще выявилось бы в результате исследований, но минимум три обстоятельства обязательно обратили бы на себя внимание. Это ранние браки; полнейшее взаимонепонимание между супругами; быстро наступающая развязка — либо официальный развод, либо фактический разрыв семейных отношений.

Считается, что Она любит спорт; во всяком случае, Она говорит, что любит. Может быть, и любит, но это совсем не обязательно. Спорта Она не знает и даже не говорит, что знает. Ей понравился Спортсмен, потом Она полюбила Его. Скорее всего Ей только показалось, что Он нравится Ей, что Она любит Его. Скорее всего Ей просто нравится, что Он в центре внимания, что о Нем говорят с уважением, со злостью, с завистью — во всяком случае, говорят небезразлично, нравится, что о Нем пишут, что Его фото появляются в газетах, журналах. Потом и о Ней говорят: «Видишь, блондинка пошла — это Его невеста...» Она уже причастна к Его славе, на Нее уже с завистью поглядывают подружки. Это еще вопрос, кто Ей нравится, кого Она любит, и за кого Она вскоре выходит замуж — за Женю Петрова или за Спортсмена, который в трех матчах забил пять голов.

В этом отношении, как, впрочем, и во многих других, спорт сродни театру, а спортсмен — актеру. Вокруг артистов масса поклонниц, и одна из них влюбляется — нет, не в Сашу Смирнова, а в Гамлета, которого молодой актер Смирнов — так все говорят — играет блистательно. Ну как же тут не влюбиться.

Но между спортсменом и актером есть и существеннейшая разница. В спорте признание и слава при-

ходят раньше. Молодой спортсмен значительно моложе молодого актера: дебют двадцатилетнего на сцене — редкость, а двадцатилетний чемпион или рекордсмен, по нынешним временам, уже не юнец. Но много ли он понимает в жизни, этот двадцатилетний чемпион? Он моложе актера, он менее культурен, чем актер (чего уж там греха таить: спорт в меньшей степени, чем театр, способствует приобщению к культуре). Молодость, слава, вскружившая голову, относительно невысокая культура — все это, вместе взятое, мешает ему увидеть, кто она, его избранница, и понять, какой важный шаг он собирается сделать. К советам родителей он не прислушивается: чего их слушать — о них-то в газетах не пишут...

Но возьмем оптимальный вариант — бог с ним, что нетипичный. Итак, оптимальный вариант: Она любит не Спортсмена, а Женю Петрова. Ей все равно, что о нем говорят и пишут: Ей дорог Женя. И Женя тоже подошел к этому вопросу серьезно: он отверг несколько поклонниц, догадавшись, что им нужен не он, а Спортсмен, забивающий голы, а Она — та единственная, без которой ему жизнь не в жизнь.

Спустя месяц после медового месяца пойдем к ним на неделю, нахлобучив предварительно шапку-невидимку, дабы супруги вели себя естественно и не помешали проведению эксперимента — пойдем и посмотрим, как им живется.

Кончился матч. Он не пошел с друзьями. Он пошел домой к горячо любимой Жене. Жена хочет сходить в кино. Он не хочет: он говорит, что устал. Она искренне удивлена (как это устал, он же не работал, а играл) и обижена.

Он неудачно сыграл на тренировке, и тренер в резкой форме высказал ему свои претензии. На тренировке же, а не в матче, а тренер — старый дурак, чего его слушать. Женю эта аргументация не убеждает: он валяется на тахте, погруженный в свои мысли.

На следующий день он возвращается не с матча, не с тренировки, а с собрания команды. «Что случилось, Женя?» Его, кажется, хотят перевести из основного состава в запасной. Она хочет понять, что в этом плохого. Не перевели ведь, а только собираются переводить. Да, может, оно и к лучшему, если переведут. Еще посмотрим, как они без Жени сыграют. А потом: меньше будет играть — меньше устанет. Она делится с Женей этими соображениями, а ее милый Женя, который клялся в вечной любви, вдруг вспылил и наговорил бог весть чего.

Потом он сыграл плохо и устроил скандал. Она, видите ли, виновата: расстроила его перед матчем, и поэтому игра не удалась. Значит, он может из-за пустяков орать, а ей, выходит, и слова сказать нельзя?

Вчера Женя сыграл хорошо. Пришел домой в отличном настроении, цветы принес, просил прощения и обещал весь завтрашний день провести вместе. И день начался хорошо. Уже собрались уходить: их в гости ждали. Она приводила себя в порядок, а Женя сбегал за газетой. Вернулся злой-презлой. Взяла газету — в отчете о вчерашнем матче написано: «Следует отметить, что неудачно сыграл Петров». Было бы от чего расстраиваться: ты сам чувствуешь, что сыграл хорошо, да и тренер тебя похвалил, потом ты ведь сам говорил, что журналист этот ничего в вашем деле не смыслит. Провели день вместе, но лучше бы уже провели его порознь...

Аня вышла замуж, Света, Нина. Все живут хорошо, не без ссор, но хорошо — по-семейному: кончился рабочий день, и мужья с ними до следующего рабочего дня. А у нас все не как у людей. Вроде бы и дома он — и нет его.

Ну как доказать ей, что игра — та же работа, и что два коротких тайма выматывают нервов больше, чем иной восьмичасовой рабочий день?.. Как объяснить, что это за мука сидеть на скамье запасных после того, как год играл в основном составе?.. Или с журналистом, чтоб ему ни дна, ни покрышки!.. Да, Женя действительно считает, что он в их деле не очень-то силен, тренер — тот лучше разбирается, но похвалу тренера слышали десять человек, а газеты прочтут миллионы...

Все это не объяснишь, даже если красноречием щедро наделен, это надо прочувствовать самому, прочувствовать и понять без объяснений. Понять трудно — так же трудно, как трудно понять обычаи другой страны. А Спорт — это и есть другая страна. И не каждый попавший туда обживается, привыкает, не каждому нравится там жить...

Не хочу приглашать вас в квартиру Петровых после того, как Женю отчислили из сборной команды страны, или после того, как им в единственном числе был проигран очень важный матч, и он услышал от ребят нечто не очень приятное, или после того, как матч был выигран, но его, Женю, освистали... Не хочу: события такого рода в жизни спортсмена нередки, но мы-то рассматриваем оптимальный вариант.

Она любит, Она хочет понять — это уже хорошо, очень хорошо. В жизни не всегда хотят понять. Однажды на моих глазах, не постеснявшись присутствия

чужого в общем-то человека, молодая женщина черт знает чего наговорила мужу, который только что получил травму: из-за его травмы у них пропали билеты в театр... Не знаю, может, пропал только один билет: это ведь было не в оптимальном варианте, а в жизни...

Хотеть понять — это очень много, потому что тот, кто хочет понять, в конце концов, поймет. Поймет, что спорт — это не забава, а тяжкий труд; что работает спортсмен не от сих до сих и не только в спортзале, и что отдых спортсмена перед матчем — это в общем тоже работа: это подготовка к матчу; поймет, что от нее, от жены, успех самого близкого ей человека зависит подчас больше, чем от тренера и тренировок, потому что победы и поражения очень часто начинаются дома; поймет, что порой надо согласиться с тем, что ты виновата, хотя вины твоей нет; тот, кто хочет понять, в конце концов, поймет, что это такое — Спорт и Спортсмен.

Подозреваю, что кое-кто из читательниц уже возмутился. Почему это, спрашивается, она должна его понимать, должна с ним считаться, а он что — не должен с ней считаться, не должен ее понимать? Не волнуйтесь, я тоже считаю, что уважение должно быть взаимным, я тоже за равноправие, если, конечно, под ним не подразумевается нечто такое: ты меня упрекнул — я тебя, ты проявил чуткость — с меня одна чуткость. Я за то, чтобы человек умел чувствовать, когда он должен уступить, помочь, смолчать. Ну, а если не хватает у него душевной чуткости, пусть уж постарается заменить ее не арифметикой, а логикой. Пусть не вспоминает, кто уступил в последний раз а, трезво обдумав ситуацию, решит, кто

должен уступить сейчас. Уверен, при логическом, что ли, подходе к делу (если он возможен), выяснится, что куда чаще в таких уступках нуждается не жена, а муж-спортсмен.

А теперь на меня озлятся мужья-неспортсмены. Почему это спортсмен должен быть в привилегированном положении? Что он, спортсмен, — исключительная личность? Если хотите, исключительная. К сожалению, исключительная...

Разумеется, во всякой семье уважение должно быть взаимным, а равноправие — не арифметическим. И если главе семьи нахамил начальник, если глава семьи подвернул ногу или о нем что-то нелестное написали в газете, то, конечно же, он (как, впрочем, и его супруга, окажись она в аналогичной ситуации) имеет право на внеочередную, что ли, порцию уважения. Но вот ведь в чем дело: казалось бы, одно и то же событие, но в жизни неспортсмена оно из ряда вон выходящее, а у спортсмена (исключительная личность) — каждодневное. Так часты всякие неурядицы, что, казалось бы, можно было бы уже привыкнуть к ним. Да вот привыкает человек быстро только к чему-то хорошему...

Нелегкая эта должность — жена спортсмена. И не каждая может ею стать: выйти замуж и быть женой — это не одно и то же. А те, которые смогли, тем бы я выдавал медали — «За долготерпение и человечность». Они, настоящие жены спортсменов, не хуже самих спортсменов знают, чего стоят победы, отчисления, поражения. Дорогой ценой оплатили они эти знания...

Да, мне повезло. В 1958-м я едва не ушел из баскетбола: Роза помогла остаться.

- **ТРАВМЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ...**
- **«АЛМА-АТА. АХТАЕВУ».**
- **ОБЕДНЯЮТ ЛИ ВЕЛИКАНЫ БАСКЕТБОЛ!**

От травмы в спорте никто не застрахован, но вместе с тем травма и не стихийное бедствие, от которого не убережешься. Чем выше у спортсмена техника, чем лучше он тренирован, чем энергичнее провел он разминку перед матчем или тренировкой — тем больше у него шансов избежать травмы. Но, увы, полностью обезопасить себя от нее нельзя: есть еще два источника повышенной опасности — агрессивные сверх меры (или крайне неосторожные) действия соперника и ее величество случайность.

Дирекция волгоградского спортзала, имея самые лучшие намерения, отремонтировала перед началом турнила зал и, в частности, покрасила пол. Зал сиял, пол блестел — и вообще все было бы прекрасно, если бы только похвальное желание навести красоту осуществили на два-три дня раньше. Пол не успел просохнуть, и я после первого же рывка упал. Боль адская. У меня, как говорят в таких случаях, полетел мениск — профессиональная болезнь спортсменов и танцовщиков.

В Комитете по делам физкультуры и спорта Армении решили, что я для баскетбола человек конченый. А раз так — чего же со мной церемониться. Мало того, что меня отчислили из команды, зампред комитета Оганов распорядился не оплачивать мне больничный лист. Деньги мне, конечно, выплатили.

Травма, нанесенная мне бездушным чиновником, была посерьезнее той, которую я получил на площадке. И мы с женой решили уехать из Армении.

Меня в свое время приглашал к себе в московское «Динамо» Колпаков. Я списался с Василием Ефимовичем, тренер подтвердил согласие, и мы с женой отправились в Москву. Я было позабыл о московских морозах — они о себе тотчас напомнили. Полтора месяца мы не прожили — промерзли в Москве. Я с тренировки быстрее домой. Лишний раз боялись на улицу выйти: холодина страшная. Как-то сидим с Розой, слушаем радио. Сводку погоды передают: «... в Алма-Ате плюс 1 градус». В Москве минус 33, а там — плюс 1. И вспомнилось мне еще одно приглашение — от Васи Ахтаева. Он меня несколько раз уговаривал к ним в «Буревестник» перейти.

...Ахтаева я впервые увидел в Вильнюсе. Алма-атинцы в том чемпионате выступили еще хуже, чем наш СКИФ: у нас 13-е место, у них — 15-е. Но на матчи алмаатинцев народ валом валил. Шутка ли сказать, играет баскетболист ростом за 230 сантиметров!

Кстати, кое-кто из вас, наверное, обратил внимание на то, что в разных газетах по-разному указывается рост Ахтаева, Круминьша, Андреева, Лежавы и других наших баскетбольных великанов. Журналисты здесь ни при чем. Любой из этих великанов и сам не знает, какой у него с точностью до сантиметра рост. Все зависит от того, в какое время дня мерить. Я не шучу. Дело в том, что все люди утром выше, чем вечером: при ходьбе происходит, так сказать, осадка, за ночь же человек, отдохнув, чуть-чуть вырастает. У людей маленького и среднего роста это действительно чуть-чуть, а у такого, скажем, как Ахтаев, рост колебался от 230 до 235 сантиметров.

К счастью для противников алма-атинского «Буревестника», уже не действовал пункт правил, согласно которому мяч после того, как он попадал в корзину, разыгрывается в центре площадки между двумя любыми игроками соперничающих команд. (На Берлинской олимпиаде — 1936 год — в первом тайме матча США — Филиппины филиппинцам ни разу не удалось дотронуться до мяча. Американцы забрасывали мяч, а затем, при розыгрыше в центре площадки, пользуясь большим преимуществом в росте, легко овладевали мячом — и все начиналось сначала. В связи с этим правила были изменены: в центре площадки мяч теперь разыгрывался только в начале каждого тайма, а после того как фиксировалось взятие корзины, его вбрасывали из-за лицевой линии.)

Но несмотря на то, что этот пункт правил был упразднен, соперникам алма-атинского «Буревестника» все равно приходилось туго: у Ахтаева за 230 сантиметров, а ни одна из команд в ту пору не имела игрока ростом даже в 195 сантиметров. Алма-атинцы проиграли почти все матчи, но даже лидеры побеждали их с трудом.

Какими только путями ни шли тренеры к решению проблемы Ахтаева!

Многие команды применяли прессинг, при котором пятеро игроков старались закрыть четырех алма-атинцев, дабы те не сумели дать пас Ахтаеву. Ахтаева не держал никто: преимущество в 40 сантиметров и отсутствие правила трех секунд давали возможность центровому «Буревестника» легко переигрывать своих сторожей и укладывать мяч в корзину. Поэтому цель, которую преследовал прессинг, заключалась в том, чтобы посадить Ахтаева на голодный паек.

Одна из команд — не помню уж какая — предприняла попытку закрыть Ахтаева. Один из игроков посадил на плечи другого и расположился вблизи от Ахтаева. Публика хохочет, судьи растерялись: с одной стороны, вроде бы нельзя сидеть игроку на игроке, а с другой — правилами не запрещено, а что не запрещено, то разрешено.

Наш СКИФ тоже решил держать Ахтаева. Его опеку поручили мне: поскольку и самый высокий наш игрок был намного ниже Ахтаева — пусть уж его сторожит самый маленький. Мне надлежало держаться как можно ближе к Ахтаеву, с тем чтобы резко ограничить его подвижность. Лишь несведущему человеку кажется, что мяч забрасывают только руками. В девяти случаях из десяти в момент, предшествующий броску, атакующий делает шаг, полшага, дабы улучшить свою позицию. Вот я и должен был по мере сил и возможностей вынуждать Ахтаева совершить так называемую пробежку. Тот матч мы, к слову сказать, выиграли.

Свердловский «Уралмаш» избрал третий путь. Забросили мяч в корзину «Буревестника», а затем после первой же неудачной атаки соперников овладели мячом и «заморозили» его. В течение всего тайма они не предприняли ни одной попытки атаковать корзину «Буревестника» (баскетбол, напомню, еще не знал правила 30 секунд). Тайм так и закончился со счетом 2 : 0.

В общем, Ахтаев будил мысль. Плохо только, что, проснувшись, мысль эта работала порой не в том направлении, в каком должна была бы работать. Так, например, родился вариант, который можно назвать «Похищение», — вариант, отнюдь не обогативший тактику баскетбола. Однажды перед матчем у Ахтаева украли тапочки и трусы. В логике похитителям нельзя было отказать: не так-то просто одеть и обуть Ахтаева (в его трусах и трем толстякам было бы не тесно, а обувь Ахтаев носил 58-го размера...). Алмаатинцы, однако, нашли выход из положения: от ахтаевских туфель были оторваны каблуки, надел он свои повседневные трусы.

Мы с алмаатинцами частенько встречались на всевозможных студенческих соревнованиях, на чемпионатах «Буревестника». К тому же мы с Ахтаевым были товарищами по несчастью: два козла отпущения за проигрыш сборной СССР болгарам.

Ахтаев меня несколько раз звал к ним, в Алма-Ату, и сейчас, услышав сводку погоды, я вспомнил об этом приглашении. Роза, которая еще хуже моего переносила холода, согласна была ехать куда угодно, только бы там было тепло.

Ахтаевского адреса у меня не было, написать на адрес алма-атинского «Буревестника» я не догадался и — была не была! — дал телеграмму: «Алма-Ата. Ахтаеву. Могу приехать, если обеспечите квартирой и работой. Алачачян». И адрес свой указал. Думаем-гадаем, дойдет или не дойдет наша телеграмма. А уже на следующий день получаю ответ: «Обеспечим всем. Приезжай. Ахтаев».

Собрали вещички (их у нас было раз-два — и обчелся), дали телеграмму — едем в теплые края. Чем ближе к Алма-Ате, тем больше волнуемся. Какая это гарантия — телеграмма Ахтаева: он-то не тренер команды, не председатель «Буревестника». В городе ни одного знакомого, деньги у нас кончились: последний день в поезде уже ничего не ели...

Увидели на вокзале Ахтаева — от сердца отлегло. Все устроилось лучшим образом. Комнату, правда, пришлось снимать, зато на работу сразу устроили. Я уж к той поре инфизкульт окончил, и меня приняли в Алма-Атинский институт физкультуры на должность старшего преподавателя кафедры спортигр. Но вместе с тем опасения наши были небезосновательны. Ни в республиканском комитете, ни в «Буревестнике» и слыхом не слышали о моем приезде. Они обо всем узнали, когда я уже приехал. Ахтаев действовал на свой страх и риск. Риск, впрочем, был невелик, так как Ахтаева вся спортивная Алма-Ата знала.

Мне хочется подробнее рассказать об Ахтаеве. Уже хотя бы потому, что об одном из интереснейших людей отечественного баскетбола написано до обидного мало.

Его все называли Васей, называл его Васей до приезда в Алма-Ату и я. А настоящее его имя — Увайс: чеченец по национальности, он волею судеб оказался в Казахстане...

Сами понимаете, что за таким великаном представители многих видов спорта охотились. Уже в 16 лет в 1946 году он приезжал в Москву на какие-то всесоюзные соревнования по борьбе. Не знаю, как он тогда выступил, но сомневаюсь, что кто-нибудь из борцов-юниоров мог уложить Ахтаева на лопатки. Мне рассказывали, что в «Вечерней Москве» был опубликован снимок. Скамейка, на ней стоит Григорий Новак, а рядом, но на земле Увайс: Новак — мальчик с пальчик.

У борцов Ахтаева похитили боксеры. Но и в боксе он не остался. У него реакция была неважная.

Учили Ахтаева толкать ядро. По-моему, личный

его рекорд равнялся примерно девяти с половиной метрам: резкости у него не хватало.

Не ручаюсь за достоверность, но, по слухам, он даже пробовал свои силы в воротах хоккейной команды (тогда началось повальное увлечение хоккеем с шайбой). Увайс ведь был не только очень высок, он и сложения был богатырского: при росте в 230 сантиметров его вес колебался между 150 и 160 килограммами. Говорят, что его обряжали во вратарские доспехи, он ложился в ворота, оставляя тем самым нападающим минимум шансов угодить туда шайбой.

Не знаю, почему в хоккее он не прижился, повторяю, не уверен, что он вообще выходил на лед: легендам-то надо верить с оглядкой. Но вот к баскетболу — и я это могу засвидетельствовать — он очень привязался, очень любил его.

В 1959 году он уже не играл, но приехал в Москву на II Спартакиаду народов СССР. Смотрел матч за матчем и потом с тоской сказал: «Я еще вернусь в баскетбол, Арменак, обязательно вернусь...» А он уже был тяжко болен — ходил с палочкой...

А еще в ту пору, когда Ахтаев играл, его в Москве заприметил кинорежиссер и пригласил сниматься в фильме «Гулливер и лилипуты». Увайс согласился, он уже видел себя на экране; но когда узнал, что из-за съемок придется пропустить чемпионат, наотрез отказался. Несколько раз приходил режиссер, но Увайс был непреклонен.

Ахтаев был очень техничен. Кое-кого это удивит: малоподвижный увалень и — на тебе! — техничен. Я ведь не говорю, что играл он изящно, и потом техника — это не только дриблинг. Ахтаев отлично принимал мяч, что, кстати говоря, умеют делать далеко

не все игроки, которых даже в сборную брали. Надо не просто поймать мяч, надо поймать его так, чтобы тут же можно было дать пас партнеру или атаковать. И что особенно удивительно, Ахтаев и сам давал великолепные пасы, в том числе и скрытые. Он хорошо видел площадку, быстро и правильно оценивал ситуацию. Не раз и не два, сняв со щита мяч, он тотчас отправлял в быстрый прорыв кого-нибудь из своих партнеров.

Ахтаеву все давалось легко. Но он был немного ленив, в силу чего не любил тренироваться, и очень упрям: никакими уговорами нельзя было убедить его в том, что от усердия на тренировке он же и извлечет выгоду в матче.

Ахтаев был чрезмерно медлителен. Круминьш — тот тоже не очень быстро передвигался от одного щита к другому, но в сравнении с Ахтаевым казался спринтером. Кстати, именно Круминьш заставил как-то Ахтаева бежать быстрее обычного. Уж и не знаю, с чего взъелся Ахтаев на Круминьша (он его еще ни разу не видел, только знал, что где-то в Латвии появился еще один великан), но только перед первым нашим матчем с рижской командой Ахтаев сердито сказал: «Я научу этого мальчишку играть в баскетбол!» (А Круминьш, надо сказать, ровесник Ахтаева: оба 1930 года рождения). В том матче Ахтаев себя превзошел, и хотя проиграли мы, но не по его вине: он тогда с Круминьшем сладил.

Доброта и злость — каким-то удивительным образом уживались в этом человеке два таких взаимоисключающих качества. Добро он относился к тем людям, которые ничего дурного ему не сделали. Таких,

увы, было немного — по мнению Ахтаева, во всяком случае.

Ему его рост и габариты приносили массу неудобств. Скажем, выспаться как следует он мог только дома: ему кровать по заказу сделали. Но ведь спортсмен все время в разъездах. В гостиницах — я уже не говорю о поездах и самолетах — ему приходилось несладко. Как только он появлялся на улице, толпы людей шли за ним по пятам, задевали его, смеялись над ним. И со временем у него выработалось какое-то болезненное самолюбие: даже в безобидных вполне шутках людей, относившихся к нему хорошо, Увайсу чудилось что-то ехидное. Мы с ним сдружились, наверное, еще и потому, что я, раз и навсегда решив не шутить по поводу его роста (человеку неприятно — зачем же его дразнить?), решение это неукоснительно соблюдал. Я был в числе немногих, кому он показывал фото англичанина ростом в 273 сантиметра: Увайс вырезал фото из какого-то журнала и, всякий раз разглядывая англичанина, отводил, по-моему, душу.

Обидчив он был до крайности, в обидчиках недостатка не испытывалось (против великанов многие баскетболисты играли не по-джентльменски: дразнили зло, толкали, щипали — провоцировали, одним словом, надеясь, что человек выйдет из себя и персональное замечание получит), но драться никогда не дрался. И слава богу: не ровен час, угодил бы кулаком своим размером в арбуз средней величины человеку в голову или в живот — вполне мог бы отправить его к праотцам. Однако не опасение получить персональное замечание и не миролюбие сдерживали его, а боязнь показаться смешным: он знал, что может промахнуться

и вызвать тем самым взрыв смеха. Из-за нежелания показаться смешным обычно медлительный Ахтаев, стоило ему упасть, тотчас вскакивал, не понимая, что это тоже было смешно, как смешно было все, что делал человек его роста...

А с обидчиками Ахтаев расправлялся по-своему. Однажды во время матча с тбилисским «Динамо» его долго выводил из себя Абашидзе. И тогда Ахтаев, будто невзначай, наступил ему на ногу. Тот упал и потерял сознание: все-таки 160 килограммов живого веса...

Судье он как-то сказал: «Еще раз ни за что свистнешь мне пробежку — посажу на щит и не сниму!» И пальцем для убедительности показал, куда он его посадит, если тот будет к нему, Ахтаеву, придираться. Судья чуть свисток не проглотил...

А с какой трогательной любовью относится Увайс к маме! Весь запас нерастраченной своей нежности он отдал ей. Мама его — маленькая, полная женщина — характером полнейшая противоположность своему сыну: добрейшей души человек, из тех, о которых говорят, что они и муху не обидят.

Стоило нам уехать из Алма-Аты, как Увайс тотчас начинал тосковать по маме. И только приезжали мы к месту назначения, он писал первое письмо. Затем второе, третье... И она ему писала. Больше чем на десять дней команда не уезжала, и все равно они всегда переписывались.

Как-то в Ленинграде отправились мы с ним на Главпочтамт узнавать, нет ли письма. Подошли к окошку, где выдают корреспонденцию, адресованную до востребования. Ахтаев сверху — чтобы не нагибаться — пробасил чего-то девушке. А та, не поднимая головы, прикрикнула: «Ну-ка, мальчик, не хулигань — слезь сейчас же!» И как же она, бедная, закричала, испугавшись, когда Ахтаев сунул голову в ее окошечко!..

Подчинялся Увайс маме беспрекословно. Только один раз ослушался. Он хотел купить машину и, несмотря на ее протесты, купил «Победу». Выбросил из нее переднее сиденье и взамен приспособил сиденье от «Москвича» — чтобы сидеть удобнее было. (Хотите — верьте, хотите — нет, но однажды в Днепропетровске, когда мы опаздывали на матч, он ухитрился влезть в «Москвич»...)

Машина готова, и он долго уговаривает маму прокатиться вместе с ним. Она ни в какую, но он все-таки упросил ее.

Отъехали они от дома метров на 200 и крылом ушибли какого-то человека, переходившего дорогу. Ахтаев был неважным шофером и, может быть, именно поэтому вел машину на небольшой скорости, так что толчок оказался несильным. Ахтаев бросился на помощь к потерпевшему. А тот, отделавшись легким испугом, поднялся с земли и стал отряхиваться. И вдруг он увидел над собой Ахтаева. Он воздел руки к небу, издал вопль и упал, будто его пулеметной очередью скосили. Ему, наверное, померещилось, что машина убила его насмерть, что ему только кажется, будто он жив, а на самом деле он уже там, на небе, и что к нему идет огромный джинн. Его едва в чувство привели.

Мама Ахтаева, зная, что ее сын меня уважает, попросила, чтобы я уговорил его продать машину. Он продал ее.

...В 1957 году у Ахтаева обнаружили диабет, и в это же время у него началось воспаление легких.

Поговаривали, что он не жилец на этом свете. Но богатырский организм выдержал.

В 1958 году сбылась его давнишняя мечта. Он сумел вернуться в Грозный. Там, насколько мне известно, он работает тренером. Разумеется, баскетбольным.

В 1956 году алма-атинский «Буревестник» занимает первое место в классе «Б» и выходит в высшую лигу. В том году впервые проводилась Спартакиада народов СССР. Команда Казахстана попала в одну подгруппу с баскетболистами Москвы и Ленинграда. Из трех подгрупп в финальную пульку, где продолжалась борьба за золотые медали, выходили по две команды. Все считали, что москвичам и ленинградцам повезло, ибо и тем и другим места в шестерке обеспечены; их матчу между собой придавалось особое значение, так как победитель входил в финал с очком. Как выяснилось, их матч имел еще большее значение, чем предполагалось. Москвичи выиграли и только поэтому пробились в финал.

В ленинградской команде были три игрока сборной СССР — Казис Петкявичус, Олег Кутузов и Виктор Харитонов, очень хорош был и молодой Олег Мамонтов. А в команде Москвы игроков сборной СССР было столько, что они не могли одновременно выйти на площадку: Март Лага, переехавший из Эстонии в Москву, Михаил Семенов, Виктор Власов, Аркадий Бочкарев, Михаил Студенецкий, Владимир Торбан, Александр Моисеев. К тому же в распоряжении тренеров московской команды был Николай Балабанов, один из немногих в ту пору двухметровиков.

И вот обе эти команды были побеждены баскетболистами Казахстана. И никто не назвал наши победы случайными. Не победитель матча Москва — Ленинград, а мы вошли в финал с очком.

В финале мы победили и команду Украины. И в газетах уже писали, что на золотые медали претендуют только три команды, и в том числе наша. Да, турнир еще не кончился, а одна сенсация уже состоялась — одна из крупнейших на Спартакиаде и, пожалуй, самая крупная за все последние годы в баскетболе. Ведь сборная Казахстана — это тот же самый алма-атинский «Буревестник», еще вчера игравший во второй лиге.

Я думаю, что первое место мы могли занять тогда только при очень счастливом стечении обстоятельств. По справедливости же золотые медали должны были достаться тем, кому они и достались, — баскетболистам Латвии. Они, кстати, выиграли у нас сравнительно легко.

Но вот вторыми мы, однако, могли стать, а уж, на худой конец, третьими обязаны были быть. Мы же финишировали пятыми. Мы проиграли сборной РСФСР, и в этом не было ничего удивительного: соперники наши были сильны (очень удачно дебютировали тогда Виктор Зубков и Александр Кандель), а матч был из тех, в которых победить может любая из команд.

А вот о матче со сборной Литвы я до сих пор не могу спокойно вспомнить. Многие игроки литовской команды были, как говорят у нас, уже на сходе. Казис Петкявичус в ту пору жил и играл в Ленинграде, Винцас Серцявичус, Юстас Лагунавичус и Стяпас Бутаутас постарели. Хорошо тогда играли разве лишь Альгирдас Лауритенас и особенно Стасис Стонкус. По общему мнению, литовская команда была слабее и мос-

ковской, и ленинградской, которые были побеждены нами. Но литовцы оказались настоящими спортсменами.

А мы... Стыдно говорить, но мы шли на матч, даже не проводя так называемую установку на игру. Как же! Литовцы нам, без пяти минут призерам, уже не страшны.

Мне не раз приходилось слышать, что баскетбол — это, мол, не футбол: тайм-аут, замены — все это помогает перестраиваться на ходу; а коли так, то недооценка сил соперника, если, конечно, он и впрямь слабее, не такое уж и великое зло. С футболом сравнивать не буду, хотя и не исключаю, что там прийти в себя труднее. Но и в баскетболе это сделать не так просто, как кажется со стороны. Прийти в себя после того, как дело обернулось не так, как ты думал, и не так, как тебе хотелось, — это и одному человеку трудно. А команда — это несколько людей, наделенных разным интеллектом, имеющих несхожие характеры. Один в минуту опасности теряется, другой, напротив, обретает хладнокровие.

Не перестраиваться в процессе матча, а готовиться к матчу, готовиться серьезнейшим образом, не торопясь заносить своего соперника в разряд слабых, — вот что должен делать спортсмен. Да, об уважении к сопернику произнесены тысячи речей и исписаны тонны бумаги. И мне к сказанному и написанному трудно что-нибудь добавить. Скажу лишь, что призыв уважать соперника — это не красивая фраза, это, так сказать, руководство к действию, и тот, кто им пренебрегал, был не единожды наказан.

И еще должен сказать, что уважению к сопернику надо приучать с малолетства. Это как чистка зубов:

вначале ребенок не хочет их чистить, а потом, уже привыкнув, не может их не чистить.

У меня бывали плохие матчи. По разным причинам играл я плохо. Но ни разу в жизни не сыграл я плохо потому, что недооценил своего соперника и потом во время матча пытался и не сумел перестроиться. Пренебрежение к сопернику — это, помимо всего прочего, еще и чистейшей воды эгоизм: расплачиваться-то придется не одному тебе, а всей команде.

Идеальный вариант: ко всем соперникам относиться одинаково — не бояться сильного, не сбрасывать со счетов слабого. Не могу сказать, что ко всем соперникам я относился одинаково: одних боялся больше, других меньше, но таких, которых я не боялся бы вообще, у меня не было. Я заставлял себя бояться каждого. И против каждого играл очень старательно, играл так, как мог играть в тот день.

После одного из матчей с соперником средней руки у него кто-то спросил, почему он так старался, выкладывался. Он ответил, что не умеет, не научился играть вполсилы. Спросившему ответ не показался убедительным, он, по-моему, не поверил Алачачяну. Да я и сам, если бы не знал Алачачяна, не видел его в десятках матчей, мог бы подумать, что оригинальничает он, рисуется.

...Вопреки обыкновению в тот раз матча у них — у ЦСКА и тбилисского «Динамо» — не получилось. Не помню уж, то ли армейцы себя превзошли, то ли динамовцы были не в ударе, но уже где-то к середине второго тайма было ясно все, кроме разве счета, с каким закончится матч.

Мяч у тбилисцев; они, не торопясь, идут вперед. Алачачян угадал пас, рванулся наперехват. С мячом в руках он улетел в аут. Не приземляясь, а только повернувшись в воздухе, отправил он мяч партнеру. На беду Алачачяна, баскетбольный помост стоял на льду: днем позже в зале том должны были играть в хоккей. Скорость была так велика, что Алачачян не сумел остановиться на помосте, а, оказавшись на льду, упал, пролетел по льду метров десять и врезался головой в борт. Сотрясение мозга, два с лишним месяца в госпитале.

Нетипично? Концовка и впрямь нетипичная. И я об этом происшествии не рассказывал бы: не будь льда и тяжкой травмы, я о нем уже на другой день позабыл бы — помнить-то было бы нечего. Но я ведь хотел обратить ваше внимание не на трагическую развязку, а на события, ей предшествовавшие. Его отношение к игре можно сформулировать примерно так: «Вышел играть — играй, играй, а не отбывай номер, играй и на табло не смотри!»

Если игра идет очко в очко, борьба в полную силу естественна. Легко понять и того спортсмена, который не щадит себя, даже когда шансов на спасение уже не осталось: не хочет смириться с поражением — и все тут! Но зачем, спрашивается, истязать себя, когда победа добыта, когда цель, к которой стремился, уже достигнута?

Я знаю бойцов до мозга костей, которые борются, когда надо бороться, а в тех случаях, когда табло говорит им, что дело уже сделано, играют не то чтобы едва-едва, но и не шибко старательно. И у меня никогда не возникало желания упрекнуть их: я понимал, что, экономя силы, они уже готовились к следующему матчу. Я всегда считал — да и сейчас считаю, — что одно из преимуществ ветерана над молодым заключается в том, что он, ветеран, знает, когда и как надо выкладываться, и умеет отдыхать — отдыхать, а не филонить, — изыскивая для отдыха малейшую возможность.

Но почему же Алачачян никогда на табло не глядел? Не двужильный, а сил не берег, рационалист среди рационалистов, а о следующем матче не думал. Не умеет играть вполсилы, не научился — верно. Но это-то не причина, это — следствие. Почему не умеет, почему не научился?

Ни в коей мере не желая обидеть тех тренеров, которые в разные годы работали с Алачачяном, должен тем не менее сказать, что главным тренером Алачачяна всегда был сам Алачачян. И однажды тренер Алачачян поделился своими соображениями с баскетболистом Алачачяном:

— Сегодня сыграешь вполсилы, завтра сыграешь вполсилы — выработается привычка играть вполсилы. Потом уже захочешь сыграть весь матч в полную силу — не сумеешь. Поэтому играй сегодня в полную силу, играй завтра в полную силу — выработается привычка играть в полную силу. Тяжело? Надо силы экономить? Заставь себя днем поспать, нажимай на фрукты: сон и витамины вернут тебе растраченную энергию. Чем играть весь матч едва-едва, лучше сыграй энергично часть матча, а потом садись на скамью запасных — отдыхай.

Баскетболист Алачачян, как вы сами понимаете, во всем полагался на тренера Алачачяна. И «хочу» или «не хочу» для него не существовало: выгодно — значит, надо. В том-то и дело, что игра в полную силу его не утомляла: он к такому игровому режиму привык. На каком-то этапе игра с полной отдачей раз и навсегда перестала обременять Алачачяна, она стала для него потребностью. Отказ от такого режима игры просто-напросто выбил бы его из привычной колеи.

Упаси боже, я не призываю следовать примеру Алачачяна и выкладываться в каждом матче. Я даже не уверен, что такая трактовка игры сулит больше выгод, нежели та, с оглядкой на табло. Полагаю, и сам Алачачян не считает, что его метода — верх совершенства и что она пригодна для всех.

Тренер Алачачян не занимался поисками абстрактного оптимума: превосходно зная возможности конкретного человека, он именно для него искал и нашел оптимальный вариант игрового режима.

Странные и на первый взгляд непонятные трансформации претерпевает порой тот или иной спортсмен. Я уже говорил, что золотые медали на I Спартакиаде народов СССР достались баскетболистам Латвии. Достались по заслугам: команда действительно была очень сильна.

В сборной Латвии было много очень хороших игроков. По-моему, всем нравился капитан команды Майгонис Валдманис. Нравился он и мне. Нравился, а за

год-два до Спартакиады я им восхищался. Нет, он и на Спартакиаде был очень хорош. И придраться к нему, упрекнуть его в чем-то было трудно, еще труднее, чем тогда, когда я — да и, наверное, не только я — восхищался им. Труднее — потому что он практически не ошибался. Его игра была очень добротной и чуть-чуть пресноватой. Я не случайно сказал, что к Валдманису трудно было придраться. Он действительно играл так, будто ждал, что к нему будут придираться, и хотел себя от этих придирок обезопасить.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Майгонис Валдманис до последнего своего матча был очень хорошим игроком. У него в отечественном баскетболе было мало конкурентов. Но, по моему глубокому убеждению, он играл хуже, чем мог бы играть.

Почему же спортсмен, от которого ждут многого, ожиданий этих не оправдывает? Отбросим причины, от спортсмена этого не зависящие. (Такую, скажем, как серьезнейшая травма, оправиться после которой можно далеко не всегда.) Чаще всего виной тому либо пренебрежение режимом, либо нежелание или неумение работать, либо, наконец, чрезмерная самоуверенность.

Насколько мне известно, сколько-нибудь серьезной травмы у Майгониса не было. Он к тому же был из тех, кого называют режимщиками, и человеком в равной степени трудолюбивым и скромным.

Так в чем же дело? Я долго доискивался причины. Вначале была догадка, а затем она переросла в уверенность. Потому что нечто похожее произошло и с некоторыми другими баскетболистами.

Я уже рассказывал о том, что два баскетбольных протокола — протокол игры и технический прото-

кол — дают возможность не только «прочесть» матч, но и помогают составить характеристику игрока. Однако же все хорошо в меру, а очень многим специалистам баскетбола как раз и не хватало чувства меры. По идее, они должны были бы свои субъективные знания того или иного игрока пополнить объективными данными — теми, которыми снабжают их оба протокола.

Так должно было бы быть. А частенько бывало совсем не так. Частенько о достоинствах того или иного игрока судили, даже не глядя на этого игрока. Данные протоколов не помогали составлять характеристику игрока, а составляли ее. Подсчитывали количество бросков, выводили процент попадания, складывали мячи, перехваченные у соперников, и мячи потерянные... Протокол стал чем-то вроде анкеты отдела кадров, в которой есть десятки вопросов человеку и десятки ответов человека, но в которой нет самого человека...

И тогда кое-кто из игроков стал улучшать свою анкету. Протокол учитывает процент попадания — баскетболист играет и на ходу считает (появилось даже выражение «Испортить процент»); в интересах команды надо рискнуть и пробить издалека, но риск этот не в интересах игрока, и он старается пробить с близкого расстояния, когда от броска этого команде уже ни холодно и ни жарко. Протокол подсчитывает, сколько раз игрок ошибся — баскетболист перестает давать острые пасы под щит, в зону центрового, где мяч могут перехватить соперники, и делает никому не нужные, но не портящие его анкету откидки (у Валдманиса как раз и исчез его превосходный острый пас...); протокол не может учесть качество игры в защите, а в нападении видит лишь тех, кто забрасывает мяч, — баскетболист не совершенствует игру в защите, ему некогда работать над пасом: денно и нощно он шлифует бросок.

Если я и сгустил краски, то самую малость. Руководствуясь анкетными, что ли, данными, и списки сильнейших игроков составляли, и, бывало, даже отбирали кандидатов в сборную страны.

Очень это удобный способ: игрока не видишь, а цену ему знаешь...

Успех сборных Латвии и Казахстана все объясняли тем, что обе команды имели в своем распоряжении великанов (Яниса Круминьша и Увайса Ахтаева); многие утверждали, что великаны баскетбол обедняют, а кое-кто предложил даже запретить им, великанам, играть в баскетбол. Много лет прошло после I Спартакиады народов СССР, а вопросы эти с повестки дня не сняты — меняются только фамилии игроков. В общем тема грозит стать в баскетболе вечной. Считаю поэтому необходимым прокомментировать и объяснение, и утверждение, и предложение.

Объяснение. Все правильно, за исключением, однако, того, что причина эта главная, но не единственная. Скажем, Ахтаев не первый год играл в команде, но команда, несмотря на это, считалась аутсайдером. Не поймите меня таким образом: Алачачян, мол, прозрачно намекает на то, что удача команды — это его заслуга. Дело не в Алачачяне. Дело в том, что прежде команда Ахтаева имела отдаленное представление об игровой дисциплине. Команда, пользуясь помощью Ахтаева, сама Ахтаеву не помогала. Мы одни из первых в стране стали не эпизодически, а регулярно при-

менять зонный прессинг. Ахтаев, по причинам вполне понятным, в защите возвращался медленно. И для того чтобы выиграть несколько лишних секунд, четверо его партнеров стали «прихватывать» соперников на их половине площадки.

Что же до сборной Латвии, то эта команда, располагая такими гроссмейстерами, как Раймонд Карнитис, Янис Остроухс, Валдис Муйжниекс, Майгонис Валдманис, была в достаточной степени сильна и без Круминьша.

Но, повторяю, и Ахтаев, и Круминьш для победы сделали больше, чем любой другой игрок их команд.

Предложение изгнать великанов из баскетбола — это чистейшей воды вздор. Предложение это, к счастью, не так уж и просто реализовать. Запретить великанам играть. Ну, а где кончается человек высокий и начинается великан? На отметке в 190 сантиметров? Или, может быть, выше двух метров? Какой рост ни назови, можно задать резонный вопрос: «А почему именно этот?»

Но дело даже не в том, что проблему решить трудно. Ее и решать-то не надо, эту абсурдную проблему. Справедливо ли изгонять из баскетбола человека, вся «вина» которого в том лишь, что он высок?

Хотя с утверждением относительно того, что великаны обедняют баскетбол, согласиться нельзя, но от него нельзя и отмахнуться: эту-то проблему надуманной не назовешь.

В 1952 году, как вы уже знаете, советские баскетболисты впервые встретившись с американцами, проиграли им оба матча. Причин, которыми объяснилось преимущество американцев, было много, но одна из них сразу же бросилась в глаза. Американские баскетболисты оказались выше на голову, в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова: у них были игроки ростом в 209 сантиметров и даже в 215 сантиметров, а самым высоким игрокам нашей команды — Отару Коркия, Ильмару Кулламу и Анатолию Коневу — и до двух метров не хватало десяти сантиметров.

Сразу же после Хельсинки Федерация баскетбола СССР начала энергичнейшие поиски великанов. Команде, раздобывшей игрока ростом за два метра, предоставлялась льгота: она могла иметь в своем составе одним баскетболистом больше, чем положено.

Первые великаны умели немногое. Они не то что с баскетболом — со спортом познакомились, когда им было за двадцать. Да и в командах их не учили играть в баскетбол, а натаскивали на бросок, из них форсированно готовили добытчиков очков. И эти немного умевшие великаны, которых, строго говоря-то, и баскетболистами нельзя было назвать, принесли отечественному баскетболу огромнейшую пользу. Не столько тем клубам, в которых они играли, сколько всему нашему баскетболу.

Я не пытаюсь оригинальничать. Своим клубам великаны добывали очки, приносили победы, но вместе с тем низводили порой тактику до примитива. В нападении игроки все свои старания прилагали к тому, чтобы вывести на бросок великана.

А вот команды, не имевшие в своих рядах великанов, как раз и обогащали свою тактику. Вынуждены были обогащать. Тренеры ведь не только ворчали, не только кляли на чем свет стоит великанов — они искали тропинки, которые привели бы их команду к победе над соперником, имевшим солидное преимущество в росте. Великаны заставили тренеров думать.

Я уже рассказывал о том, как на чемпионате страны в Вильнюсе боролись команды против Ахтаева. Поиски продолжались и на I Спартакиаде народов СССР.

Ахтаев был своего рода вратарем: благодаря росту своему те мячи, которые летели в нашу корзину на сравнительно небольшой высоте, он отбивал. В распоряжении тренера сборной РСФСР Колпакова был очень хороший снайпер Колышкин. Так вот, загодя готовясь к матчу с нами, Колпаков заставил своего снайпера тренировать антиахтаевский бросок (мяч должен был лететь по высокой траектории и не прямо в корзину, а в щит над ней).

Команда Литвы выиграла у нас не одним только голым энтузиазмом. Литовцы энергично защищались, всеми силами старались помешать нам дать пас Ахтаеву. Но если уж нам удавалось вывести Ахтаева на бросок, центровой литовцев Лауритенас тотчас же на полной скорости устремлялся к нашему щиту — порой даже раньше, чем Ахтаев успевал бросить мяч. В любом случае — попадал мяч в их корзину или не попадал — литовцы, овладев мячом, тотчас отправляли его через всю площадку Лауритенасу.

Но больше всего великаны преуспели в деле обучения наших центровых. Можно сказать, что великан пекся о мастерстве своих сравнительно невысоких коллег больше, чем любой тренер. Великан не уговаривал, а заставлял их высоко прыгать и быстро бегать: только так можно было сравняться с ним, с великаном, в росте. Великан убедительно доказал им, что надо уметь дать пас и уметь его принять: один на один его, великана, не обыграешь. Великан вынудил их осваивать бросок со средних дистанций: из-под щита ему, великану, один мяч забросишь, а два он перехватит или накроет.

Прошло совсем немного времени, и такие не очень высокие наши центровые, как Альгирдас Лауритенас, Виктор Зубков, Александр Кандель, Яак Липсо, Тыну Лепметс, обученные великанами, уже играли с ними, как равные с равными.

...Мы раньше, чем кто бы то ни было — за исключением, разумеется, американцев, — взялись за решение проблемы высокорослых игроков. И это делает честь Федерации баскетбола СССР. Мы раньше других решили эту проблему, что и помогло отечественному баскетболу надолго закрепить за собой второе место в мире. И велика заслуга в решении этой проблемы великанов, которые и побеждать сборной СССР помогали, и уму-разуму своих менее высоких товарищей учили.

МОЙ САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ МАТЧ.

«Назовите ваш лучший матч». Эта часто повторявшаяся просьба репортеров всегда ставила меня в тупик: на своем веку я сыграл никак не меньше тысячи матчей — поди-ка отыщи и выбери, какой из них был самым лучшим, какой — самым худшим.

Спрашивали, бывало, меня и о самом памятном моем матче. Я не хотел отвечать — о самом лучшем не мог, а о самом памятном не хотел: то у меня не было настроения, то — я чувствовал — у репортера времени в обрез. Ему достаточно было узнать, какой матч запомнился мне больше других и — коротень-

ко — почему он остался в памяти. А мне на ходу о том матче говорить не хотелось.

...Самый памятный матч. Я и рад бы забыть его, потому что не было в моей жизни — нет, не матча даже, дня горше, чем 25 апреля 1958 года, у меня не было — я и рад бы забыть свой самый памятный матч, да не могу. И не хотел я на ходу говорить о матче, после которого едва не бросил баскетбол.

Мою игру в том матче газеты обошли молчанием — к счастью для меня. Потому что мало радости прочесть, что ты был главным виновником поражения...

Вот, наверное, что написал бы о концовке того матча репортер, если бы в его распоряжении было больше места:

«...Еще за пять минут до конца первого в нашей стране матча сборных СССР и США советские баскетболисты имели шансы на победу. А проиграли они вот почему.

Американцы перешли к прессингу. Тренер советской команды С. Спандарян принимает решение выпустить на площадку Алачачяна. Тот замешкался и не сразу подошел к тренеру. А затем, как бы наверстывая упущенное, очень быстро, быстрее, чем это делают обычно, рванулся на площадку.

Переполненные трибуны Дворца спорта тепло встретили Алачачяна. А три минуты спустя и за две минуты до конца матча, когда Алачачян покидал площадку, над Дворцом спорта нависла гробовая тишина. За те три минуты, которые Алачачян провел на площадке, он потерял три мяча: все три раза во время дриблинга у него «воровал» мяч Критенден.

Когда Алачачян выходил на площадку, сборная СССР имела преимущество в шесть очков, когда Алачачян уходил с площадки, команда отставала на три очка и фактически уже проиграла матч...»

Ну, а если бы репортер, по той или иной причине заинтересовавшись моей персоной — захотел бы он, скажем, узнать, что переживает спортсмен, который только что потерпел фиаско, — держал бы меня в поле зрения, он увидел бы, как шел я, шатаясь, словно пьяный, глядя себе под ноги, боясь встретиться с чьим-нибудь взглядом, словно начинающий свою карьеру и потому еще совестливый вор, которого только что схватили за руку. Увидеть-то это он увидел бы, но вряд ли понял бы, что переживает спортсмен, потерпевший фиаско. Это не понять — пережить надо: чужое горе — не горе.

Порой в газетах пишут, что, мол, в этот самый момент спортсмен подумал то-то и то-то. Читать об этом всегда интересно, непонятно лишь, как автор догадался, о чем думал его герой (человек не выдуманный, а реально существующий), если он, журналист, у героя об этом не спрашивал, а спортсмен ему об этом сам не рассказывал. О чем тогда думал я? Не помню и врать не хочу. Наверное, клял и тренера своего, который выпустил меня на площадку, и Критендена, который украл у меня больше, чем три мяча, — без вины виноватых проклинал, — и, конечно же, единственного виновника — самого себя — тоже не пощадил. Помню лишь, что мне хотелось скорее добраться до раздевалки, одеться и уйти — хотелось остаться одному, чтобы никого не видеть и чтобы никто не видел меня. Мне было чертовски стыдно. Насколько все-таки легче и проще борцу, шахматисту, боксеру: его оплошность — это его горе, он проигрывает свой бой, а за мои ошибки платила вся команда.

Ко мне подошла Галина Ярошевская, одна из лучших наших баскетболисток, отлично сыгравшая и в тот день:

— Не убивайся, Армен. Такое может с каждым случиться...

Нас не связывала тесная дружба — Галя знала меня, я знал ее, при встречах мы здоровались, и только, короче говоря, шапочное знакомство, — но она могла меня понять: она была спортсменка, она жила в Спорте.

Ну, а если бы журналист бог весть каким чудом оказался в раздевалке, он стал бы очевидцем заключительной сценки, писать о которой он все равно не стал бы. В раздевалку вошел один из руководителей Комитета по физической культуре и спорту. Он был разъярен и устроил разнос тренеру:

— Почему против прессинга малышей выпустил? Нам такие не нужны! — Он в сердцах толкнул меня. — Чтобы я больше не видел его в сборной!

Человек, имевший приблизительное представление о баскетболе, поучал тренера, специалиста в своем деле. Да, тот матч проиграл я, но разве можно было допустить мысль о злом умысле? А он говорил обо мне чуть ли не как о человеке, который специально проиграл матч... Не так уж я наивен и понимаю, почему ему наша победа была нужнее, чем нам самим.

...Вот и все о самом памятном моем матче, о матче, после которого я провел не одну бессонную ночь, о матче, после которого я хотел бросить баскетбол.

Сказав, что такое может случиться с каждым, Галина Ярошевская, хотя и желала успокоить, подбодрить меня, вместе с тем нисколько не погрешила против истины. Я не знаю ни одного даже очень хорошего баскетболиста, у которого не было плохих матчей. Не подумайте только, что я примусь сейчас перечислять матчи, которые были проиграны тем или иным известным баскетболистом, дабы показать, что все не без греха, и намекнуть тем самым на то, что вина моя невелика. Нет, я не хочу искать даже косвенных оправданий.

Такое может с каждым случиться, сказала Ярошевская. О том, почему это может случиться, она умолчала бы и в том случае, если бы обстановка и настроение ее собеседника предрасполагали к обстоятельному разговору: когда два спортсмена говорят о чем-то своем, они — так же, как два врача или два летчика, — понимают друг друга с полуслова. Она подразумевала, что какими-то причинами я был выбит из колеи. Какими? Этого она не знала да и догадаться не могла: их, этих причин, великое множество.

...Я был тогда в отличной форме, верил — и по сей день уверен, — что мог, должен был сыграть хорошо. Но поскольку провал мой был закономерным, мне хочется показать, почему «такое может случиться».

Утром того дня тренеры команды назвали восьмерых игроков, которые примут участие в матче. Меня в числе восьми не было. Нет, не в том дело, что решением тренера выпустить меня на площадку я был застигнут врасплох (хотя и это не пустяк). Свой первый шаг к фиаско я сделал раньше. Узнав, что я не буду участвовать в матче, я позволил себе то, чего в дни моих матчей не позволял никогда — ни прежде, ни позже. Перед нашим матчем играли женские команды СССР и США, и я отправился болеть.

Тот, кому покажется это пустяком, мелочью, пусть вспомнит рассказы о боксерах и штангистах, которые, хотя и переживают за своих друзей, выступающих в более легких весовых категориях, поединков их не смотрят и часа своего ждут, запершись в раздевалке. Делается это неспроста: накануне боя они охраняют себя от всяческих волнений. А я глупейшим образом транжирил эмоции... Желторотому мальчишке простительно было бы, но я-то уже в ветеранах ходил. И ведь всегда был человеком осторожным и знал себя хорошо — так нет же, надо было мне тот матч смотреть, без меня не выиграли бы! Как я клял себя потом!

Но, может быть, я излишне строг к себе? Нет, хотя формально вина моя минимальна. В ту пору всей скамейкой вообще не играли, а в таких ответственных матчах — тем более. Стало быть, после того как огласили состав, практически я мог оказаться на площадке лишь в том случае, если мы или наши противники, добившись солидного преимущества, уже сделали игру и на исход поединка я уже не мог бы оказать никакого влияния. Вроде бы логично.

Но ведь и решение выпустить меня на площадку в столь напряженный момент тоже было логичным. Американцы перешли к прессингу, и я считался неплохим дриблером... Конечно, зря мне тогда сказали, что я играть не буду. Но и моя вина велика: я все равно должен был готовиться к матчу так, как готовился ко всем другим.

Подготовка к матчу — какое нелегкое, важное и тонкое это дело. Здесь нет мелочей, потому что каждая мелочь может оказаться той последней, которая выведет тебя из состояния душевного равновесия, а ты обязан прийти к матчу в меру спокойным, в меру возбужденным — в том единственном состоянии, которое даст тебе возможность сделать все, что ты можешь. И какого-то единого, годящегося для всех рецепта подготовки нет: каждый готовится по-своему, но готовится каждый. Один начинает готовиться за сутки до матча, другой — за час до выхода на площадку. Один готовит себя так, что это все видят, другой — вроде бы ничего не делает, но это ничегонеделание и есть подготовка. Один возбужден, казалось бы, сверх меры, другой явно безразличен — случайный очевидец усомнится, смогут ли они в таком состоянии играть. Смогут: возбуждение первого к нужному моменту уляжется, а безразличие второго кажущееся. Один все время говорит, другой, напротив, молчит: он — весь внимание; прервите монолог и попросите словоохотливого рассказчика и его внимательного слушателя ответить, о чем идет разговор, — может быть, ответят верно, а скорее всего — невпопад.

От умения готовить себя зависит если и не все, то почти все. Поэтому тренеры в отличие, скажем, от школьных учителей весьма терпимы ко всякого рода суевериям своих питомцев. Конечно, тренер понимает (как понимает это и сам спортсмен), что качество игры спортсмена ни в коей мере не зависит от того, в каком шкафчике раздевалки сложит тот свои вещички, но никогда не будет высмеивать эту придурь или тем более препятствовать ее осуществлению. Суеверие — это, конечно, пустяк, но лишняя придирка и вызванный ею лишний раздражитель — это уже нечто весьма и весьма серьезное, нечто такое, что может помешать спортсмену. Тренеры, кстати, и сами суеверны. Один, если это от него зависит, ни за что не выберет ту скамью, на которой сидела его команда во время

проигранного недавно матча. Другой придет на матч в «счастливой» рубахе. Верят тренеры в приметы? Нет, конечно. Они им знают цену. Но они знают, что от того, как игрок подготовился к матчу, зависит все или почти все, — и они помогают ему готовиться.

Подготовка к матчу — это не только очень важный процесс, это процесс, который можно — и надо — совершенствовать, как совершенствуют, скажем, бросок или дриблинг. Был в ЦСКА очень хороший баскетболист и злой на язык человек — Аркадий Бочкарев. Однажды задолго до матча он меня довел до белого каления. К началу матча злость не прошла, но я, вопреки собственным опасениям, сыграл удачнее, чем обычно. С тех пор я перед матчем всегда старался разозлить себя на кого-нибудь или на что-нибудь. Перед другим матчем я приболел и несколько дней не тренировался. И опять-таки я нежданно-негаданно сыграл хорошо, а затем уже всякий раз изыскивал возможность отдохнуть перед матчем. Потом, так же случайно убедившись в том, что сон перед матчем идет мне на пользу, я приучил себя к «мертвому часу».

И уж чего я себе никогда не позволял, так это накануне своего матча смотреть какой-нибудь другой. Никогда, кроме того злосчастного случая...

Не исключено, однако, что я сыграл бы хуже, чем мог, будь я даже заблаговременно оповещен о том, что мне предстоит играть, и подготовься я к матчу самым тщательным образом. Потому что закономерность моего фиаско объясняется еще одной «мелочью». Если бы мне сейчас было лет 18, но я знал то, что знаю в 39, я все силы приложил бы к тому, чтобы отделаться от одного весьма существенного недостатка.

Я всегда был ярко выраженным игроком стартового состава. Проще говоря, как следует я мог играть только тогда, когда меня выпускали на площадку с первой же секунды матча. В тех крайне редких матчах, когда меня бросали в бой не с самого начала, я чувствовал себя не в своей тарелке. Недостаток этот был присущ не только мне. Куда менее уверенно играли в таких случаях Александр Травин, Виктор Зубков, Михаил Семенов. Миша Семенов был одним из самых любимых мною игроков, он в баскетболе все умел: и дриблер был прекрасный, искусству его паса мог позавидовать разыгровщик, одним из лучших снайперов был и защищался — лучше не придумаешь; Семенов — едва ли ни единственный известный мне баскетболист, который умел играть и защитником, и нападающим, и центровым. Все умел этот блистательный универсал, но если его выпускали на площадку не в стартовом составе, только что мяч у него из рук не валился.

Чем же предопределяется этот недостаток? Видимо, привычкой. И в ту пору, когда замены были редки, и позже, когда игроков стали менять чаще, понятие «стартовая пятерка», по существу, значила то же, что и «пятерка основная», — во все времена меня отправляли на площадку с первой же секунды матча.

Впрочем — кто его знает, — может быть, объясняется это не только привычкой. Может быть, к тому есть другая причина. Скажем, просто перегораешь, когда смотришь бой со стороны. Ведь на первых ролях были в своих клубах и такие превосходные баскетболисты, как Валдис Муйжниекс, Гурам Минашвили, Юрий Корнеев, Казис Петкявичус, но все они славились тем, что умели входить в игру в любой момент матча. До сих пор помню сыгранный в 1953 году в Бу-

харесте, на Международном фестивале молодежи финальный матч с командой Болгарии. За полторы минуты до конца болгары, выигрывая три очка, владели мячом, и, поскольку в ту пору еще не действовало правило 30 секунд, ясно было, что игра уже сделана. И тогда наш тренер К. Травин выпустил на площадку всегда невозмутимого Петкявичуса. Казис перехватил два мяча, дал два острейших паса под щит болгарской команды Стяпасу Бутаутасу — и мы выиграли тот матч. Вернее, Петкявичус выиграл нам тот матч, а вместе с ним и золотые медали.

В общем, не могу я со стопроцентной точностью ответить на вопрос о том, почему одному баскетболисту все равно, когда входить в игру, а другой должен начинать с первой же секунды, — знаю лишь, что баскетбол не арифметика: здесь от перестановки слагаемых сумма может измениться.

...Желание быть правильно понятым заставляет меня еще раз оговориться: я не оправдывал свою плохую игру в том матче, я просто хотел показать, почему «такое может случиться».

То, о чем я расскажу сейчас, уместнее выглядело бы не в очерковой зарисовке, автор которой ограничен в своих возможностях: он, скажем, может лишь оценивать факты, но не вправе придумывать их; то, о чем я расскажу, — скорее для назидательного романа, сработанного по давно изготовленному шаблону, для романа, автор которого не боится нагнетать события, усложняющие путь его героя к хэппи-энд. Но, в конце концов, не мною придуман этот сюжет, сюжет, в котором добродетель торжествует — и торжество ее не упрятано в подтекст, как это и должно быть в хорошей прозе. Не моя вина, что такое происходит не только в плохих романах, но и в жизни.

В 1959 году Алачачян превосходно сыграл в турнире Спартакиады народов СССР. В сборную страны его, однако, не взяли. После окончания чемпионата СССР 1960 года, в котором он сыграл выше всяких похвал, я попросил тренеров каждой из двенадцати команд высшей лиги дать свой вариант сборной СССР. Во всех двенадцати вариантах значились Янис Круминьш, Валдис Муйжниекс, Виктор Зубков и Арменак Алачачян. Трое были среди тех, кто поехал в Рим, на Олимпиаду — Алачачяна не пригласили даже на сборы. Самый памятный матч Алачачяна стоил ему дороже нескольких бессонных ночей.

23 апреля 1961 года — если бы не 23, а 25 апреля, можно было бы сказать, что ровно через три года после того памятного матча, — в том же самом лужниковском Дворце спорта опять встречались сборные СССР и США, и Алачачян, который все-таки заставил взять его в сборную — игрой своей заставил, — опять в превосходной форме. Обилие совпадений, которое наводит на мысль, что и Судьба, эта великая писательница, теряя порой чувство меры и проявляя дурной вкус, заимствует сюжеты из традиционных романов. Она, однако, сочла, что нагромождение совпадений — это хорошо, но мало, и за несколько дней до матча с американцами поступила с Алачачяном точь-в-точь, как писатель, который, убоявшись, что читатель поостыл, подбра-

сывает своему герою новые испытания. Короче говоря, в одном из тренировочных матчей Алачачяна подстерегла травма. Травма не из тяжелых (дней через десять Алачачян смог бы вернуться в строй), но болезненная: трудно было ступить на пятку.

Вскоре после матчей с американцами команде предстояло ехать в Югославию — на чемпионат Европы. Совет врача команды уберечь Алачачяна или, может быть, воспоминания о событиях трехлетней давности сыграли свою роль, — не знаю, но факт остается фактом: тренер сборной СССР С. Спандарян принял решение играть с американцами без Алачачяна. Алачачян же, как это и должен был сделать положительный герой романа, воспротивился осторожному и разумному решению: он рвался в бой и добился своего.

Что это было — риск, граничащий с безрассудством, или трезвый расчет человека, хорошо знающего свои возможности, а потому и уверенного в благоприятном исходе задуманного? Этот вопрос я задавал себе и тогда, в 1961 году, когда неожиданно для себя увидел его на разминке перед матчем, и сейчас, когда пишу об этом. А ответить не могу. Обосновать можно было бы любой из ответов: «Да, авантюра: он был болен, стало быть, как игрок неполноценен, а противник очень силен», «Конечно же, он все рассчитал, не мог же он забыть о том, чем закончился для него первый неудачный матч с американцами, и не мог не понимать, чем грозит ему вторая неудача; нет, он все взвесил: в чем, в чем, а в безрассудстве его не упрекнешь — он всегда был

рационалистом». Но если ты в состоянии на один вопрос дать два диаметрально противоположных ответа, это свидетельствует не о силе твоей, а о слабости, это значит, что ты намереваешься убедить в том, в чем сам не убежден.

Этот вопрос из тех, которые легко задавать, ответить же на него легко лишь беллетристу, который своего героя знает лучше, чем он сам. А я ведь пишу не рассказ об Алачачяне и биографию его не пишу: она написана им самим. Я лишь путешествую по его биографии, и, как всякий путешественник, могу и увидеть не все, и не все увиденное понять.

Нет, не знаю я, что заставило тогда Алачачяна пойти ва-банк. Но в одном я почти убежден: первопричина — тот самый памятный его матч.

Алачачян признает за спортсменом право на плохой матч. И о неудаче другого он быстро забыл бы (так же, как забыли о его неудаче другие). Но самому себе такую плохую игру в таком матче такой человек, как Алачачян, простить не мог. Он судил себя строже и дольше, чем его судили другие. Он считал себя опозоренным, стремился смыть позор и внушил себе, что сделать это он сумеет только в таком матче, как тот, который принес ему столько горя.

...Впрочем, все это лишь предположение, догадка. Даже не так. Это размышления вслух человека, который, путешествуя по чужой биографии, стремится узнать и понять то, о чем ему по возвращении надо будет рассказать другим.

То был не лучший матч Алачачяна. И даже, наверное, не один из лучших. Он сыграл так, как

играл обычно. А это уже что-то да значит: он ведь играл не с кем-нибудь, а с американцами, и потом — что там ни говорите, а травма, даже легкая, — это травма, и если не сама травма, то, по крайней мере, сознание того, что он травмирован, сковывает игрока.

После матча я спросил у Джона Маклендона, тренера сборной США, кто из советских баскетболистов понравился ему. Затем я намеревался узнать его мнение об Алачачяне. Второго вопроса задавать не пришлось: в ответ на первый Маклендон поднял шесть пальцев, что на баскетбольном эсперанто означает шестой номер, и сказал не то «Экстра!», не то «Прима!» — не помню, какое из этих слов он сказал, помню лишь, что понял я его без помощи переводчика.

Вот и все о самом памятном матче Алачачяна и о событиях, которые, по моему мнению, с тем матчем связаны. И поскольку тема, как говорится, исчерпана, здесь следовало бы поставить точку. Но я не удержусь и продолжу рассказ, хотя сам сознаю, что для этого у меня есть лишь формальный повод: тот же собеседник — Маклендон, тот же главный герой беседы — Алачачян.

В апреле 1964 года баскетболисты США совершили третье турне по нашей стране. Три матча сборных СССР и США — три победы сборной СССР, во всех трех матчах отлично сыграл Алачачян.

— Нашлось ли бы Алачачяну место в профессиональной команде?

— Даже в «Бостон Селтике».

— Но у него нет броска, — говорю я то, что обычно говорят противники Алачачяна.

Маклендон пожимает плечами:

— Бросок есть почти у всех баскетболистов.

— Но мало тех, у кого его нет.

— Хороший пас дороже хорошего броска: бросать умеют почти все, пасовать — очень немногие.

— Он мал ростом.

— Достоинства игрока измеряются не футами и дюймами.

И тогда я задаю вопрос, который еще минуту назад задавать не собирался:

— Кто играет лучше — Коуси или Алачачян?

Юра Дарахвелидзе, мой коллега, товарищ, а сейчас еще по совместительству и переводчик, не хочет переводить. Юра смотрит на меня, как на человека, совершившего какую-то бестактность: Коуси — звезда первой величины, Коуси в течение одиннадцати лет входил в символическую пятерку NBA (многие превосходнейшие игроки профессиональной лиги не удостаивались этой чести и разу). Юра знает это и знает, что я это знаю; он надеется, что я опомнюсь, приду в себя, и не торопится переводить вопрос. Я уже и сам понимаю, что зарвался, но настаиваю на своем:

— Кто играет лучше — Коуси или Алачачян?

Юра делает жест, который должен означать, что он ни при чем, что его дело маленькое, и переводит вопрос.

Долгая пауза, после которой Маклендон начинает думать вслух:

— В нападении, конечно, сильнее Коуси... В защите, пожалуй, Алачачян... Алачачян побыстрее... У Коуси лучше дриблинг... Пас хорош у обоих...

И резюме:

— Все-таки Коуси посильнее...

Я хотел бросить тогда баскетбол. Рад, что не бросил, рад и благодарен за это Розе. Ей мои бессонные ночи дались труднее, чем мне...

И еще одна причина была, из-за которой я не мог уйти тогда. Заболел Ахтаев, и я боялся: уйду — назовут трусом.

...Мы играли в Риге, с армейцами, которые ходили тогда в чемпионах. У нас не было Ахтаева, самым высоким у нас был Калюжный: чуть выше 190 сантиметров — они играли с Круминьшем. Тот матч мы выиграли. Это было первое поражение рижан в чемпионате страны.

- ЭРА ЦСКА.
- ЧЕТВЕРТОЕ СЛАГАЕМОЕ.
- ЯНИС КРУМИНЬШ — БАСКЕТБОЛИСТ И ДЖЕНТЛЬМЕН.

В чемпионате страны 1960 года мы, армейцы, выиграли все одиннадцать матчей и на такой короткой дистанции сумели на три очка опередить второго призера. В отечественном баскетболе наступила эра ЦСКА.

Эра... А как начинаются они, эры? И когда началась наша? Ведь и тогда, когда мы выиграли в Ленинграде свой десятый матч — у киевского СКИФа, который через несколько лет станет называться «Строителем», — матч, обеспечивший нам золотые медали, «Советский спорт» написал, что впервые после 1945 года команда ЦСК МО заняла первое место. И все. А об эре ЦСКА стали писать позже — после того как мы третий или четвертый раз подряд выиграли золотые медали чемпионов страны.

Так когда же все-таки началась наша эра? Может быть, тогда, в Каунасе, где мы сыграли пять первых матчей чемпионата 1960 года?

— ...Как ты думаешь, Майга, очков двадцать мы им засунем? — Вопрос был задан тихо и как-то буднично: казалось, спрашивавший сомневался только в том, сумеют ли они «засунуть» минимум двадцать очков.

Майга — это капитан рижских армейцев Майгонис Валдманис; тот, кто задавал ему вопрос, — тренер рижских армейцев Александр Гомельский; им — это нам, московским армейцам; а все вместе взятое — это психологическая подготовка к матчу, психологическая обработка соперника, это психология крупным планом. В автобусе были только игроки двух армейских команд: минут через сорок нам предстояло встретиться на площадке; если бы Гомельский был уверен в том, что его команда сильнее, так сказать, на двадцать очков, он в нашем присутствии на эту тему не разговаривал бы; вопрос, заданный Валдманису, адресовался нам.

«Психология» — любопытная судьба у этого слова. С ним произошло то же самое, что произошло

несколько раньше с такими словами, как «техника», «тактика». Далекое, казалось бы, от спорта, оно довольно быстро прижилось там, стало своим. Его услышишь от болельщиков, встретишь в серьезной статье, им оперируют тренеры. Слово это потеряло свой первоначальный смысл, оно стало синонимом остроумного решения, решения, цель которого вывести из себя противника, выбить его из привычной колеи, лишить его уверенности в своем преимуществе и, напротив, привести в наилучшее состояние свою команду, обезопасить ее от всевозможных нежелательных сюрпризов.

И совсем не случайно слово это пришло в спорт сравнительно недавно: если мне не изменяет память, оно получило широкое распространение и стало спортивным термином лет пятнадцать назад. Разумеется, и раньше спортсмены готовили себя к матчу. Но прежде подготовка к какому-то конкретному матчу имела второстепенное значение: кто был сильнее, тот и побеждал.

А что значит «сильнее»? Какой смысл вкладывался — да и вкладывается сейчас — в слово «сильнее»? Сильнее тот, кто имеет преимущество в физической подготовке, плюс технике, плюс тактике. Со временем все больше и больше команд (в индивидуальных видах — спортсменов) имели примерно равные слагаемые — ну, если и не каждое из трех слагаемых, то, во всяком случае, их сумму. Тайну вообще уберечь трудно, в спорте — тем более.

Новый технический прием бывает новым совсем недолго: кто-то из баскетболистов додумался до броска в прыжке — прошло два-три года, и бросок этот

уже был взят на вооружение баскетбольными армиями всего мира.

Очень трудно придумать новый тактический вариант, но, поскольку скопировать его несложно, и в тактике новшества носят временный характер. Вспомните-ка: Хирофиму Даймацу, тренер легендарной «Ничибо», сказал, что тактику для своих волейболисток он не изобретал, он взял ее у волейболистов ЦСКА.

Сложнее угадать, как соперник совершенствует свою физическую подготовку, но и это не тайна за семью печатями. Если ты видишь, что соперник побеждает тебя потому, что он быстрее и выносливее тебя, ты начинаешь уделять на тренировках больше внимания и времени работе над этими компонентами. В первые послевоенные годы весь мир восхищался атлетизмом советских футболистов. Прошло совсем немного времени, и нашими футболистами это преимущество было утеряно — отнюдь не потому, что они перестали уделять внимание физподготовке.

Сумма трех слагаемых подравнялась, и тогда появилась необходимость в четвертом слагаемом. Этим четвертым и стала психология: она должна была сделать команду (спортсмена) не вообще сильнее, а сильнее, скажем, к семи часам вечера в пятницу — к моменту начала соревнований.

Риторическим своим вопросом А. Гомельский хотел, видимо, вселить уверенность в игроков своей команды и наверняка лишить уверенности наших игроков. Вопреки своим намерениям А. Гомельский помог нам. Утверждение мое может показаться бездоказательным. Ну что ж, доказать свою правоту я и впрямь не смогу: тот матч второй раз — без ритори-

ческого вопроса — не сыграешь. Но я и по сей день убежден в том, что дело обстояло именно так. Не знаю, какое действие произвел на рижских армейцев вопрос их тренера, нас же он озлил, снял с нас нервное напряжение. Мы не давали в раздевалке никаких торжественных обязательств, но, наверное, не один только я поклялся самому себе сделать все, чтобы выиграть тот матч.

Не они нам — мы им «засунули» 21 очко!

Между прочим, психологическую подготовку к тому матчу вели и мы. Виктор Зубков, наш центровой, панически боялся Яниса Круминьша, игрока, безусловно, очень и очень сильного. Если спортсмен уверен в своих силах, это не значит, что он непременно победит. Но если он в свои силы не верит, ему ни в коем случае не победить — это уж точно. Надо было заставить Зубкова поверить в свои силы. И мы добились своего. Мы акцентировали внимание Зубкова на его плюсах («Ты быстрее бежишь, ты лучше прыгаешь, твой крюк Круминьшу не закрыть!»), и мы «забыли» сказать ему о плюсах Круминьша — мы говорили только то, что могло помочь нашему центровому сыграть так, как он умеет играть, сыграть лучше, чем он обычно играл против Круминьша.

Не обошлось и без маленького обмана. Я должен был помогать Зубкову в опеке Круминьша, должен был подстраховывать Зубкова. И я помогал ему. И чтобы он чувствовал себя увереннее, я всякий раз кричал: «Зуб, я здесь!» Но даже тогда, когда я либо не успевал помочь Виктору, либо в моей помощи не было нужды, я все равно кричал: «Зуб, я здесь!» Зубков верил и, не боясь, что его обыграет Круминьш, защищался решительнее и смелее, чем прежде.

Нельзя сказать, что после того матча Зубков легко расправлялся с Круминьшем, но он уже играл с ним, как равный с равным, он уже не боялся Круминьша. Психология вылечила его.

...А может быть, эра ЦСКА началась не тогда, зимой 1960 года, а летом 1961? Может быть, началом ее следует считать три июньских дня, в течение которых наша команда дважды посылала в нокаут тех же самых рижских армейцев?

И болельщикам рижской команды, и даже самим баскетболистам поражение в Каунасе могло показаться случайным. Две следующие победы были одержаны в Риге, и, сравнив их с нокаутом, я нисколько не погрешил против истины. Пятикратные чемпионы СССР и трехкратные обладатели Кубка европейских чемпионов сумели оказать нам сопротивление лишь в первом тайме первого матча.

...Перед началом второго матча, во время церемонии представления игроков с трибун неслось: «Долой Гомельского!»

Таков болельщик: сегодня он освистывает того, кому еще вчера поклонялся. Такова судьба тренера: о нем, о тренере, если, случается, и забывают, то только в часы триумфа его команды...

Гомельского стали называть счастливчиком, говорили, что ему просто все время везло: повезло, когда он, молодой и никому еще не известный тренер, получил назначение в Ригу — работать с армейской командой; повезло, когда он в Цесисе, небольшом латвийском городке, нашел великана Яниса Круминьша; и везло потом уже все время, потому что все победы рижского СКА и сборной СССР дело рук Круминьша.

Если уж говорить о везении, то, на мой взгляд,

повезло и рижским баскетболистам, и Александру Гомельскому. Гомельскому — потому что он попал в Ригу, один из баскетбольных центров страны, город высокой баскетбольной культуры. Всякий тренер мечтает работать с командой, игроки которой сочетают хорошую выучку с тем, что называют игровой дисциплиной. Мечтают все, но не у всех эта мечта сбывается. У Гомельского она сбылась. В Латвии, как и в двух других Прибалтийских республиках, баскетбол очень и очень популярен. С детьми там работают тренеры высокой квалификации, благодаря чему в команды мастеров приходят игроки, которых не надо переучивать, не надо обучать азбучным истинам. Я думаю, что не обижу Гомельского, если скажу, что он многому научился у латвийских баскетболистов: тренеры ведь не только учат, они еще и учатся сами, всегда учатся.

Рижским баскетболистам повезло, потому что к ним приехал энергичный, требовательный и полный честолюбивых замыслов тренер. Именно такой тренер и нужен был в ту пору рижской команде. Рижане играли тогда грамотно, безошибочно, но шаблонно и пресновато. К тому же латышские баскетболисты в ту пору без особой любви относились к физической подготовке, из-за чего и в силовой борьбе пасовали, и частенько терпели поражения от тех, кто играл в примитивный в общем-то баскетбол. Гомельский заставил их бегать быстрее и больше, чем они бегали, заставил их сражаться, полностью выкладываясь на площадке.

Другое дело, что, имея в своей команде такого уникального игрока, как Янис Круминьш, Гомельский не мог получить полного удовлетворения от своей тренерской работы, он не знал — да и не мог знать — своих истинных возможностей. Но любой тренер на месте Гомельского поступил бы точно так же: иметь превосходного центрового и играть без него просто глупо.

А Круминьша Гомельский действительно нашел вовремя. Великаны у баскетбола всегда были в чести, но если бы Круминьш появился лет, скажем, на десять-пятнадцать позже, эффект был бы не тот: тогда, в 1953 году, наш баскетбол имел Ахтаева — и только. Если мне не изменяет память, в ту пору еще и двухметровиков-то не было. Тренеры еще не знали, не ведали, как им бороться против таких супервеликанов. Надо к тому же учесть, что партнеры у Круминьша, в отличие от Ахтаева, были баскетболистами очень высокого класса. Нет поэтому ничего удивительного и тем более сверхъестественного в стремительном рывке рижской армейской команды.

Не могу не рассказать о Янисе Круминьше — превосходном баскетболисте, большом спортсмене и человеке, которого я очень люблю. Впрочем, только ли я? Его все любят. О Круминьше, насколько мне известно, никто и никогда не сказал худого слова; он, кажется, единственный из знакомых мне людей, у которого не было — да и не могло быть — не то что врагов, просто недоброжелателей.

Добрейшей души человек, который мог ужиться со всеми и с которым могли ужиться все, Круминьш являл собой полнейшую противоположность Ахтаеву и в обыденной жизни, и на площадке. На его долю досталось не меньше дурацких шуточек и издевательств, чем на долю Ахтаева, но Круминьша это не озлобило. Против него многие играли грязно: щипали, толка-

ли, провоцировали — против него играли так, как против Ахтаева. Но он-то относился к своим обидчикам не так, как Ахтаев: он терпел и делал свое дело. Долготерпению и благородству Круминьша можно было только дивиться. По-моему, он не только понимал своих обидчиков — он оправдывал и прощал их. Казалось, Круминьш сам себе говорил: «Ну что им остается делать, если я такой высокий?»

Ахтаев, если вы помните, тоже сдачи не давал: он боялся показаться смешным. Круминьш же боялся невзначай изувечить человека. Боязнь эта ограничивала возможности Круминьша и его команды. Валдис Муйжниекс, одноклубник и добрый приятель Круминьша, рассказывал мне, что долгое время Гомельский учил Круминьша, требовал от него: «Получил мяч — сделай широкий шаг в трехсекундную зону и резко повернись!» Круминьш в ответ: «Там же люди стоят...» — «Ну и что? Правила на твоей стороне!» — «Но там же люди...» Однажды на тренировке тренер допек Круминьша, и тот, получив мяч, сделал то, что от него требовали. Круминьш наступил на Хибша, игрока невысокого и щуплого. Хибш упал как подкошенный. Круминьш взял его на руки и понес, как несут детей, к врачу.

Одни игроки из-за грубости соперника тушуются, других она приводит в ярость и тоже выбивает из привычной колеи. И тем и другим кое-кто из опекунов старается разок-другой «врезать», дабы вывести из себя. Третьих — таких, как Модестас Паулаускас, — лучше не трогать: они, когда их разозлишь, играют еще лучше, чем обычно. А Круминьш — единственный в своем роде: его что зли, что не зли — никакого эффекта! Он и труса не праздновал, но и не знал,

по-моему, что это такое — спортивная злость. Не знал и превосходно без нее обходился. Ее Круминьшу заменяла добросовестность. Человек может сыграть лучше, может сыграть хуже. Круминьш всегда играл примерно одинаково. Лучше или хуже играл его соперник — от этого в общем-то и зависел успех или неудача Круминьша. Сам он всегда играл одинаково — одинаково добросовестно, одинаково хорошо.

Ахтаев — тот любил баскетбол. Любил ли баскетбол Круминьш, не знаю. Скорее всего любил: мне не встречались спортсмены, которые не любили бы спорта. Однако же я не удивился бы, узнав, что Круминьш относится к баскетболу довольно сдержанно. Круминьш — человек долга. Он не сразу согласился стать баскетболистом, его уговаривали, упрашивали. Но, приняв решение, такой человек, как Круминьш, уже не мог отбывать номер. Убежден, что так же добросовестно Круминьш принялся бы за освоение любого другого выбранного им дела.

Ахтаев был сантиметров на пятнадцать выше Круминьша, техничнее, чем он, лучше видел поле, быстрее оценивал ситуацию, но, как это ни странно, лучше играл в баскетбол Круминьш. Правильнее сказать так: Круминьш играл командней. Команда Ахтаева всегда находилась в зависимости от настроения своего лидера и никогда не знала, в каком настроении будет пребывать ее лидер во время предстоящего матча. Команда Круминьша в этом отношении могла спать спокойно: для Круминьша не существовало «хочу — не хочу», «могу — не могу» — он человек долга, он знал одно: «Надо — значит, надо». И команда могла быть уверена в Круминьше не на матч — на тридцать матчей вперед. Круминьш ни-

когда не обижал своих партнеров и не обижался на них, если те порой срывались.

Мелочи, скажете вы. Согласен: мелочи. Но как важны эти мелочи в команде, где собраны люди с разными характерами, вкусами, привычками — разные люди, которые должны делать общее дело! Не перечесть, сколько их было, превосходных баскетболистов, которые эгоизмом, неуживчивостью перечеркивали все свои достоинства, сколько их было, звезд, рядом с которыми не игралось... И как это здорово, когда в команде есть такой человек, для которого «мы» и «надо» важнее, чем «я» и «хочу» — особенно если человек этот в команде на первых ролях.

Человек долга... Ему было 39 лет, когда он ушел из баскетбола, которым уже был сыт по горло. Да и здоровье у него пошаливало. Но когда его команда оказалась в критическом положении, он вернулся. Надо было — и он вернулся.

Круминьш никогда не унижался до того, чтобы пожаловаться на своего обидчика судье (хотя поводов для жалоб было предостаточно), возмутиться — ну, не возмутиться, просто выказать свое неудовольствие — его, судьи, неправильным решением (не было, нет и, наверное, никогда не будет судей, которые не ошибались бы; и не было на моей памяти игрока, который всегда в таких случаях вел бы себя невозмутимо, — кроме Круминьша, не было: он, если случалось, удивлялся судейскому решению, значит, действительно удивлялся, а не делал вид, что удивляется).

Это хорошо, что ежегодно у нас публикуют списки лучших центровых, нападающих, защитников. Жаль, что по итогам сезона не выбирают ежегодно самого корректного баскетболиста. Если бы выбирали, уве-

рен, за все те годы, которые провел в большом баскетболе Янис Круминьш, он все время значился бы джентльменом № 1.

В спорте редко кому удавалось прожить без клички. Была кличка и у Яниса Круминьша. С легкой руки московского динамовца Владимира Торбана, талантливого баскетболиста и остроумнейшего человека, его в течение долгих лет называли Кормильцем. И во время матчей сборной СССР, отправляя Янису мяч — а Торбан, надо сказать, едва ли не лучше всех в стране играл с Круминьшем в пас, — он приговаривал: «Давай, Яшка! Давай, Кормилец ты наш!» А непосвященным Торбан охотно объяснял: «А как же! Конечно же Кормилец: он ведь всех нас медалями кормит!»

Ну, а если серьезно, то в шутке Торбана была не одна, а много долей правды. И без Круминьша рижский СКА и сборная СССР были бы, наверное, очень сильными командами. Но я совсем не уверен, что без Круминьша рижане сумели бы выиграть пять кряду чемпионатов страны и трижды первенствовать в розыгрышах Кубка европейских чемпионов. В сборной СССР Янис Круминьш играл с 1958 по 1964 год. Команда за это время провела семь официальных международных турниров. И только в одном — третье место в чемпионате мира 1963 года — она выступила крайне неудачно. То был единственный из семи турниров, в котором не играл Круминьш. Не счесть матчей, которые были выиграны Янисом Круминьшем. Есть у нас баскетболисты, у которых титулов и медалей еще больше, чем у Яниса Круминьша. Но, убежден, что самым полезным, если так можно выразиться, игроком в отечественном баскетболе за

все послевоенные годы был он, Янис Круминьш, Кормилец из Риги.

...Василий Ефимович Колпаков сказал как-то, что он знает двух больших спортсменов, которых не испортила слава, — Льва Яшина и Яниса Круминьша. С Яшиным я не знаком. А вот что касается Круминьша, могу засвидетельствовать, что Колпаков прав. И в зените славы он оставался скромнейшим человеком.

Кое-кто иронически усмехнется: какой там большой спортсмен — просто великан, которому из-за высокого роста легко в баскетболе жилось, и все тут.

Нет, Янис Круминьш большой спортсмен, настоящий спортсмен. После того как начал играть Круминьш, у нас в баскетболе появилось много великанов. Одни исчезли раньше, чем успели запомнить их фамилии, другие играли неплохо, третьи — очень хорошо. Появились и великаны, которые в чисто баскетбольном плане не уступают Круминьшу или даже превосходят его. Но ведь спортсмен — это нечто большее, чем просто очень хороший игрок. Спортсмен — это еще и к.п.д.: да простится мне, что в разговоре о человеке я употребляю термин, которым оперируют, когда говорят о машинах, но ведь если хочешь понять, хорош или плох тот или иной спортсмен, важно знать не только, что́ человек дает, важно еще и то, что́ этот человек может дать. Спортсмен — это еще и отношение к партнерам и соперникам, к делу, которому он служит. Спортсмен — это еще и испытание неудачей и успехом. Спортсмен — это многоборец. И в этом многоборье у Яниса Круминьша мало равных не только среди великанов, среди баскетболистов вообще.

Янис Круминьш пришел в спорт, в баскетбол, 23 лет от роду — поздно, очень поздно: я не могу вспомнить ни одного мало-мальски преуспевшего в баскетболе человека, который впервые взял бы в руки мяч, когда ему пошел 24-й год. Всего, чего добился Круминьш — а добился он многого, — он добился по́том своим. Кончалась тренировка — ему говорили: «Сделаешь сто бросков — потом уйдешь!» Его не проверяли — ему верили. Он уходил после пятисотого броска.

...Нет, и великанам плохо живется в баскетболе. Великан будет горбатиться до седьмого пота — все равно все его успехи объяснят тем, что ростом он удался.

Вернусь к прерванному, едва он был начат, рассказу об эре ЦСКА в отечественном баскетболе.

Мне, видимо, не придется очень долго объяснять, почему, взявшись за эту тему, я испытал определенные затруднения. По моему твердому убеждению, о ЦСКА шестидесятых годов следует писать в превосходной степени. Каково же автору: ведь частицей того ЦСКА было и его «я». Вот если бы автор знал о команде то, что знает, но никогда не был бы ее игроком, если бы мог он написать про ЦСКА не «мы», а «они»...

Объяснить, видимо, надо другое. Надо объяснить, почему, понимая всю двусмысленность своего положения, понимая, что «про нас» мне не удастся написать, как «про них», я все-таки от замысла своего не отказался. В конце концов, моя книга, как и книга любого другого спортсмена, по существу является сочи-

нением на свободную тему: не хочешь о чем-то писать — не пиши.

Но мне-то как раз и хотелось — нет, не так: не в моем желании дело — надо, убежден в этом, чтобы о ЦСКА шестидесятых годов сохранилась память. Право же, одна из лучших команд в истории отечественного спорта стоит того, чтобы о ней рассказывали не одни только турнирные таблицы.

Но и они, эти таблицы, могут сказать о многом. Ну, к примеру, о том, что за семь лет — с 1960 по 1966 год — мы проиграли в общей сложности 20, от силы 25 матчей. Много? Не скажите. По самым скромным подсчетам, ЦСКА сыграл за это время около 300 матчей. В 15 турнирах участвовала наша команда — в 12 она финишировала первой, еще в одном заняла второе место (мною учтены только крупнейшие турниры: чемпионаты страны, розыгрыши Кубка европейских чемпионов, Спартакиада народов СССР и чемпионаты дружественных армий — правда, официально в Спартакиаде выступала сборная Москвы, а в турнирах армейцев социалистических стран — сборная Вооруженных Сил СССР, но фактически и там и там — мы, ЦСКА).

В тех редких случаях, когда ЦСКА проигрывал матчи или не занимал в турнире первого места, нас критиковали, прорабатывали, ругали. Когда мы выигрывали золотые медали, нас не очень-то и хвалили. И в тех случаях, когда чемпионами мы становились в четырех матчах от финиша турнира, нам доставались поздравления, в которых было больше вежливости, чем восхищения или даже простого удивления. А как же: так и должно быть... ничего сверхъестественного... в порядке вещей. Тогда это обижало. Теперь

я понимаю, что лучшей похвалы нельзя было и придумать, что эта авансом выданная уверенность в нашем успехе являлась самой лестной аттестацией, признанием высшей пробы.

ЦСКА завидовали — нас это не огорчало: завидуют сильным. Огорчало иное: в рассказах о нас, в оценках, которые проставляли нам, зачастую ощущалось недоброжелательство.

Видели, что в ЦСКА очень сильные игроки. Будто бы очень сильные игроки были только в нашей команде. Будто бы сильные игроки, собравшись вместе, всенепременно образуют сильную команду. Одну из причин преуспевания ЦСКА выдавали за единственную.

В баскетболе, где так ценятся великаны, где, по утверждению многих авторитетов, успех команды прямо пропорционален росту ее игроков, в течение многих лет властвовала отнюдь не самая высокая команда. До прихода Владимира Андреева (свой первый матч в ЦСКА он сыграл в 1967 году) у нас не было ни одного баскетболиста ростом выше, чем 202 сантиметра, а мы регулярно били команды Круминьша, Окипняка, Лежавы.

Но этого не замечали, не хотели замечать. Потому что, заметив, надо было бы задаться вопросом: «А почему же ЦСКА в таком случае выигрывает турнир за турниром?» И, чего доброго, надо было бы признать, что ЦСКА — это не только сборище очень сильных игроков, это еще и огромный объем работы — и на тренировках, и в матчах, — рациональнейшая тактика, и совершенная по тем временам игра в защите, и строгая игровая дисциплина, — надо было бы признать, что ЦСКА — это превосходно сыгранная команда.

Да, все видели, что в ЦСКА собраны звезды. И не хотели замечать, что команда звезд играет в беззвездный баскетбол, играет без звезд. У нас никогда не было премьеров, мы никогда не строили игру в расчете только на Вольнова, только на Зубкова, только на Травина, только на Корнеева. В других командах любого из них, надо полагать, обслуживали бы все партнеры — у нас было не так, у нас обслуживали того, кто был готов лучше других — готов не вообще, а в данный момент — завершить усилия команды.

ЦСКА не был бы ЦСКА, если бы поставил себя в зависимость от какого-то одного игрока, пусть даже превосходного. Потому что чем выше удельный вес в команде игрока, тем хуже команде, если игрок этот болеет, хандрит или по какой-нибудь другой причине выбывает из строя. Как и всякой другой команде, ЦСКА приходилось порой играть без того или иного баскетболиста основного состава. Но в этих случаях у ЦСКА — в отличие от большинства других команд — не искажался рисунок игры.

Все видели, что ЦСКА берет звезд. И не все видели, что звезда, придя в ЦСКА, через какое-то время уже играет не так, как прежде, — играет командней, чем прежде. ЦСКА не нужны были звезды, которые играют так, как им хочется. ЦСКА нужны были классные баскетболисты, которые играют так, как это надо команде. И действовал у нас в команде армейский закон: не можешь — научим, не хочешь — заставим.

Михаил Семенов был превосходным игроком командного плана: он все умел в баскетболе и все делал — и защищался, и в пас играл, и забить мяч мог, и мог помочь партнеру забить мяч. Годы есть годы — Семенов ушел вначале из основного состава,

затем из команды вообще. Его место в основной пятерке занял перешедший к нам из московского «Динамо» Юрий Корнеев. Корнеев тоже был баскетболистом экстра-класса, и в то время он в общем-то уже был сильнее сходящего Семенова. Но Корнеев как раз и был звездой, который, играя так, как ему нравится, в единственном числе выигрывал, бывало, матчи. Правда, не раз и не два динамовцы проигрывали из-за Корнеева. Но запоминались-то — и зрителям, и самому Корнееву — как раз те матчи, которые он выигрывал.

Корнеев, как и Семенов, все умел в баскетболе, но в отличие от Семенова он не все, что умел, хотел делать. Он не хотел играть в пас — и не играл; он, который при желании мог «закрыть» любого игрока, не хотел защищаться — и часто отбывал в защите номер. А что любил Корнеев — и, надо отдать ему должное, не только любил, но и умел, — так это набирать очки. Он не прочь был, чтобы этим занимались и другие (хотя и не очень-то помогал им), но больше всего любил это делать сам. Переубедить Корнеева — сложившегося игрока с психологией звезды и человека хотя и хорошего, но в высшей степени упрямого, было крайне трудно. В течение долгого времени нашу пятерку лихорадило, мы никак не могли наладить командную игру: Корнеев норовил заканчивать все комбинации. И все-таки в борьбе команды с Корнеевым победила команда. Не уверен, что тот баскетбол, в который мы заставляли — и заставили — играть Корнеева, полюбился ему. Не буду утверждать, что Корнеев исправился на все сто процентов, как исправляется главный герой к концу кинофильма, и стал пай-баскетболистом; он и потом,

бывало, вспоминал милый его сердцу гусарский баскетбол. Но факт-то остается фактом: потом он уже, если говорить о правиле, играл так, как это надо было команде, — и играл превосходно.

У нас было в те годы много сильных команд. Но почему же какой-то отрезок времени, ни начало, ни конец которого нельзя с точностью определить, назвали эрой ЦСКА, а не, скажем, эрой киевского «Строителя» или тбилисского «Динамо»? Потому что эти команды добились меньше, чем ЦСКА, успехов? Да, но это не причина, а следствие.

Было много команд, которые умели собраться на матч, на два, пять матчей. Для этих команд нужен был какой-то сильный раздражитель. ЦСКА все свои матчи проводил если и не с полной отдачей сил, то, во всяком случае, в достаточной степени серьезно. Это верно, что у ЦСКА не было соперников, в победу над которыми он не верил бы. Но верно и то, что у ЦСКА не было соперников, к которым он позволял бы себе отнестись пренебрежительно.

Да, за семь лет мы проиграли примерно 25 матчей. Мы проигрывали киевскому «Строителю», тбилисскому «Динамо», рижскому СКА, мадридскому «Реалу», миланскому «Симменталю» — мы проигрывали сильным командам, мы проигрывали командам, которым не стыдно проигрывать. И я помню только три матча, в которых мы были побеждены командами, которым в общем-то не должны были проигрывать.

Мы проиграли ленинградскому «Спартаку» в Риге, киевскому СКА в Киеве — оба матча, если мне не изменяет память, в чемпионате 1966 года. Киевляне сыграли против нас выше всяких похвал, а ленинградцы — те и вовсе показали два тайма вдохновенного баскетбола. И еще мы проиграли в 1964 году в Дубне фрунзенскому «Буревестнику» (это был последний матч предварительного турнира, и та победа не дала победителям ничего, кроме морального удовлетворения, а поражение, не отразившись на турнирном благополучии проигравших, принесло им тем не менее чувство стыда).

И все. Я не помню, чтобы ЦСКА проиграл еще какие-то матчи, которые он должен был выиграть.

Не проиграть матч, который ты должен выиграть, — этим и отличался ЦСКА от других сильных команд. ЦСКА не нужно было искать раздражителя — у ЦСКА был постоянный раздражитель. «Мы — ЦСКА!» назывался он. Я играл во многих командах, знаю много команд со стороны — ни у одной из них не было так развито чувство самолюбия, как у ЦСКА, ни одна из них не гордилась так своей маркой, как ЦСКА.

И еще чем отличался ЦСКА от других сильных команд, так это тем, что, видимо, можно назвать характером команды. Половина ЦСКА тех лет — это половина сборной СССР. ЦСКА тех лет — сборная Москвы, сборная Вооруженных Сил СССР. ЦСКА — это чемпионат СССР и Москвы, это армейские соревнования, внутрисоюзные и международные, ЦСКА — это розыгрыш Кубка европейских чемпионов. ЦСКА уставал, ЦСКА порой допускал в матчах больше ошибок, чем это позволительно классной команде, ЦСКА, случалось, играл откровенно плохо. Но никто никогда не мог сказать, что ЦСКА играл вяло, безвольно. ЦСКА и в худших своих матчах оставался злой командой, командой-бойцом.

«Я удивлен и не могу понять, откуда у них берутся силы выигрывать проигранные матчи!» Так сказал о ЦСКА Валдис Муйжниекс, баскетболист экстракласса и сам боец до мозга костей. Да, ЦСКА умел искать победу даже тогда, когда здравый смысл говорил, что ее уже не найти. И вопреки здравому смыслу, бывало, находил ее.

Мне вспоминаются два матча, сыгранные ЦСКА в чемпионате 1965 года. Оба — с рижским ВЭФом, в который незадолго до этого перешли Янис Круминьш, Валдис Муйжниекс, Алвил Гулбис. В первом круге — матч игрался в Риге — мы за 15 секунд до конца отставали на 3 очка. Минус 3 очка и всего 15 секунд — это значит, что в девяти случаях из десяти команде уже не спастись: потому что надо забросить мяч, дождаться, когда соперники введут его в игру, суметь перехватить мяч и суметь его еще раз уложить в корзину противника; и на все это в нашем распоряжении 15 секунд, всего 15 секунд — не больше, чем потребовалось вам для того, чтобы прочесть эту фразу. За 15 секунд до конца мы отставали на 3 очка, но победили: последний мяч — астаховский — попал в корзину ВЭФа одновременно с сиреной, возвестившей об окончании матча.

В последнюю пятиминутку матча второго круга ЦСКА вошел, проигрывая 13 очков. Минус 13 очков и всего 5 минут — это значит, у проигрывающих остался всего один шанс из ста: потому что за эти пять минут они обязаны довести до логического конца на семь атак больше, чем соперники. На семь атак больше... Чтобы вам было понятнее, что это значит, скажу, что в матчах с участием мастеров у каждой из команд уходит в среднем на бросок — не на точ-

ный бросок, а просто на бросок — около 40 секунд. В распоряжении у ЦСКА было всего-то семь среднестатистических бросков (столько же, между прочим, было и у ВЭФа), а надо было довести до логического конца на семь атак больше, чем соперник. За секунду до конца матча мы проигрывали очко. А мгновением раньше, чем прозвучала сирена, Вольнов бросил мяч в корзину. Но история не повторилась: мяч цели не достиг — мы проиграли очко.

Минут через пятнадцать после окончания того матча Валдис Муйжниекс в интервью, которое он давал журналисту, сказал:

— Я удивлен и не могу понять, откуда у них берутся силы выигрывать проигранные матчи!

— Валдис, матч вы выиграли, — сказал ему удивленный журналист.

— Нет, выиграли они, — очень серьезно ответил Муйжниекс. — Мы получили очко, а выиграли они...

Валдис не видел нас, трех игроков ЦСКА: мы только что, приняв душ, вышли из раздевалки и, стоя за его спиной, слушали, о чем он говорит с журналистом.

Да, ЦСКА умел искать победы и тогда, когда здравый смысл говорил, что ее уже не найти. Не только ЦСКА? Верно, такие матчи можно найти в биографии любой команды. Но у ЦСКА таких матчей было больше — вот в чем дело.

Характер команды. Не им ли в первую очередь объясняется тот факт, что ЦСКА лучше любой другой команды играл на чужих полях?

(Сколько ни убеждай в том, что проблема чужого поля — проблема надуманная, что такой проблемы вообще не существует, что команда, если она дейст-

вительно сильна, в гостях будет играть так же успешно, как дома, — цели не достигнешь, ибо проблема эта живет и здравствует и, увы, будет жить и здравствовать всегда. Просмотрите таблицы (не только баскетбольные) за пять, десять, тридцать лет — вы тотчас убедитесь, что в матче «хозяева — гости» первые лидируют — и лидировали всегда — с огромным преимуществом. Не буду перечислять все причины, из-за которых дома играется легче, назову лишь несколько, с моей точки зрения, главных. Ты играешь дома, тебе не надо, как противнику, совершать перед матчем утомительный вояж, тебе не надо акклиматизироваться, ты живешь в привычной обстановке. Ты играешь в том зале, где уже играл сотни раз и тысячу раз тренировался: тебе в этом зале все знакомо — пол, освещение, резонанс, — и тебя не ждут здесь никакие сюрпризы. Твои кольца: они ведь кажутся одинаковыми только непосвященному, их сходство чисто внешнее; одни жестче, другие мягче, одни хуже принимают мяч, другие — лучше, стало быть, кольца диктуют и выбор тактики: зная характер колец, знаешь, на что сделать акцент — на броски со средних дистанций или на броски из-под щита. Твои трибуны — ох, как они, эти твои трибуны, давят на соперников и особенно на судей! Даже самый честный и самый смелый судья хоть несколько раз, а ошибется в пользу хозяев. А ведь в таких матчах порой все решает и одна-единственная ошибка — не ошибка даже, а ошибочка. И как мало их, судей, которые были бы одновременно и честны и смелы...)

И нигде так не сказывался характер ЦСКА, как в его матчах на чужих полях. Есть очень много команд, которые блистательно играют у себя дома.

Тбилисское «Динамо», ленинградский «Спартак», каунасский «Жальгирис», тартуский «Калев» редко проигрывают на своих площадках. Но нет команды, которая агрессивнее ЦСКА играла бы в гостях. Мы, наверное, единственная команда, которая в Тбилиси, Ленинграде, Каунасе и Тарту выигрывала чаще, чем проигрывала. Но больше всего мы гордимся тем, что наша команда была первой из зарубежных команд (а до марта 1970 года, когда пишутся эти строки, и единственной), которая выиграла в Мадриде у «Реала».

Могут спросить: «А при чем тут, собственно говоря, характер? Каким образом он уберегал ЦСКА от переездов, от судейских ошибок?»

Характер причем. Перечисляя причины, в силу которых предопределяются блага хозяев (а следовательно, и невзгоды гостей), я не назвал одну весьма важную, которая, не очень-то помогая хозяевам, очень, очень мешает гостям. Я имею в виду причину психологического свойства — обреченность. Зная, что на чужом поле выиграть будет крайне трудно, многие команды едут в чужой город (или, тем паче, в чужую страну) как на заклание: мол, старайся не старайся — все равно проиграешь. И зачастую они проигрывали матч еще в поезде или самолете.

Не подумайте только, что мы, цеэсковцы, были розовыми оптимистами. Мы тоже не строили никаких иллюзий, мы тоже знали, что у нас очень и очень немного шансов победить. Но мы ехали не проигрывать, а сражаться — и сражались.

Но в общем-то ЦСКА стал таким, каков он есть, не от хорошей жизни. ЦСКА — единственная команда в советском баскетболе (а может быть, и в миро-

вом), которая, в известном смысле, всегда играет в гостях. Где бы мы ни играли, всегда болеют против нас.

Скажем, мы играем в Каунасе против «Жальгириса» — по причинам вполне понятным симпатии «Спортхалле» отданы нашим соперникам. Мы играем с тем же «Жальгирисом» в Москве, в своем родном ангаре на Ленинградском проспекте — опять-таки, пусть с меньшим рвением, но болеют за наших противников. Видите ли, хваленая объективность московских зрителей, которая так нравится журналистам и, разумеется, спортсменам-немосквичам и которую так клянут московские спортсмены, не позволяет им, зрителям, болеть за фаворита. А поскольку ЦСКА вечный фаворит, против него вечно болеют... На моей памяти за нас в Москве болели один раз — в 1963 году, когда мы во втором финальном матче розыгрыша Кубка европейских чемпионов играли против мадридского «Реала». Убежден, что симпатии были нам отданы лишь потому, что в первом, мадридском, матче мы проиграли 17 очков. Во всяком случае, когда днем позже нам пришлось играть с «Реалом» третий матч (во втором мы — редчайший случай! — выиграли не 16, не 18, а ровно 17 очков), те же самые зрители того же самого лужниковского Дворца спорта уже не болели за нас: а как же, мы ведь опять были фаворитами...

...А когда кончилась эра ЦСКА? Не знаю: эра — не матч, она не начинается и не кончается по сигналу сирены.

Но я знаю, что в 1966 году ЦСКА нанесли сильнейший удар. Не на площадке. Справедливости ради должен сказать, что удар этот угодил не только

в ЦСКА. В нокдауне побывал и киевский «Строитель» — вторая по силам команда страны.

В 1966 году гонения на ветеранов в отечественном баскетболе достигли высшей точки. Поскольку тренеры клубных команд к увещеваниям Федерации баскетбола СССР дать дорогу молодым относились без должного понимания (они-то знали цену своим игрокам!), был введен недоброй памяти возрастной ценз. Количество игроков в возрасте за 25 лет в каждой команде резко ограничили.

Из ЦСКА, разумеется, и прежде уходили ветераны. Но они уходили поодиночке, их уход изменял почерк команды, но не искажал его до неузнаваемости. После введения ценза мы потеряли сразу трех первоклассных игроков — Виктора Зубкова, Юрия Корнеева, Олега Бородина. Старшему из них было тогда 30. Они еще могли и должны были играть — они ушли, не доиграв...

Любопытно, что против ценза этого высказались почти все тренеры — в том числе и те, чьи команды не должны были пострадать. К их возражениям, однако, не прислушались. И молодым на тарелочке преподнесли то, что они должны были для своей же пользы добывать в борьбе...

Сколько ни говори «халва», а во рту сладко не станет. Сколько ни называй средней руки игрока мастером — он от этого мастером не станет. Мастер — это не почетное звание. Оно не дается — ни за красивые глаза, ни за общественную работу. Его добывают — пóтом, трудом.

Если бы существовал прибор, с помощью которого определяется уровень мастерства в видах спорта, не имеющих единиц измерения — секунд, сантиметров,

килограммов, выяснилось бы, что в том году наш баскетбол добился меньшего, чем обычно, прогресса, а быть может, и вовсе не добился его. И ничего удивительного в этом нет. Такие, как Зубков, Корнеев, Бородин, ушли, не только не доиграв, они ушли, не доучив молодых своих партнеров и противников: играть рядом с такими гроссмейстерами — это школа, лучше которой не придумаешь.

К счастью, одумавшись, возрастной ценз отменили вскоре после того, как ввели (бед, однако, он успел наделать...), отменили и — дай бог! — навсегда.

...А ЦСКА выстоял. Он опять завоевал право именоваться командой № 1 страны и континента. И я верю, что он еще не раз будет побеждать в самых представительных турнирах.

Я рад, что меня пригласили в ЦСКА. Я счастлив, что играл в ЦСКА. И я горд, что мне доверили тренировать ЦСКА.

В 1961 году меня опять пригласили в сборную СССР. На чемпионате Европы в Белграде мы заняли первое место. Нельзя сказать, что турнир для нашей команды был чем-то вроде увеселительной прогулки, но все матчи мы выиграли довольно легко. Вернее, не все, а почти все: упорнейшее сопротивление нам нежданно-негаданно оказала сборная Югославии, с которой мы встретились дважды — в предварительном турнире и в финале.

Пусть вас не удивляет это самое «нежданно-негаданно». Тогда, в 1961 году, югославская команда еще не была одним из четырех грандов мирового баскетбола. В ту пору команда Радивое Корача, Иво Данеу,

Иосипа Джерджи только-только начинала свой путь наверх. Да и упомянутых только что игроков, которых вскоре узнает весь баскетбольный мир, пока знают лишь у них на родине. Через два года — на бразильском чемпионате мира — югославские баскетболисты победят советскую и американскую команды и, пропустив вперед лишь бразильскую, добудут себе серебряные медали и мировое признание.

А тогда, в 1961 году, мне, помнится, даже пришлось спорить кое с кем из товарищей по команде. Они доказывали, что сборная Югославии ничего особенного из себя не представляет, что ее успех на чемпионате Европы объясняется лишь тем, что чемпионат этот проводился в Югославии.

Югославский баскетбол богат гроссмейстерами. Разве мог не нравиться, увы, рано ушедший из жизни Радивое Корач? Человек-атака, он был неудержим в стремлении к неприятельской корзине. Его, казалось, тянул к щиту огромный магнит. Нет, совсем не случайно считался он одним из лучших нападающих мирового баскетбола. Превосходен центровой Трайко Райкович.

Но сейчас мне хочется рассказать не про них, а про защитника Иво Данеу. К тому есть две причины. Во-первых, и у зрителей, и у журналистов, не очень хорошо знающих баскетбол, в чести только добытчики очков. Вот мне и хочется хоть в какой-то мере восстановить справедливость: Данеу из тех, кто обслуживает добытчиков. Причина вторая личного характера: Данеу — один из самых любимых мною игроков.

...Есть два баскетбола: один для зрителя, обыкновенного, простого зрителя, другой для зрителя по-

священного, квалифицированного — проще говоря, для специалиста и знатока своего дела. Ради бога, не торопитесь упрекать меня в пренебрежительном отношении к зрителю, так сказать, первой категории. Я отдаю себе отчет в том, что он по-своему прав. Но мне-то трудно абстрагироваться от того, что знаю я, и смотреть на баскетбол его глазами.

Зритель видит игрока с мячом. Поэтому он всегда видел, скажем, Корача: Корач с мячом великолепен. Специалист знает, что едва ли не самое трудное и едва ли не самое нужное — это игра без мяча. Данеу с мячом в руках хорош, без мяча — великолепен.

...Команда в обороне. Каждый из четырех — весь внимание, каждый из четырех стережет своего, тренером назначенного противника. А пятый — и своего и того из четырех, которому удалось обмануть, обойти сторожа. Пятый — это Иво Данеу.

...Команда атакует. Игрок петляет по площадке, он ждет мяч. Но он не может получить его: все время рядом с ним, не отступая ни на шаг, бдительный сторож. Но вот между двумя игроками появляется третий. Лишь одно мгновение теряет сторож — всего одно, но этого достаточно, чтобы тот, кто ждал мяч, получил его и бросил в корзину. Третий — это Иво Данеу.

Я часто опекал его и так же часто находился под его опекой. Поверьте мне, игра против Данеу — это нелегкий хлеб. Никогда не знаешь, что он хочет сделать и что он сделает: у него хороший крюк, крюк, которому может позавидовать даже классный центровой, крюк, который не может накрыть даже очень высокий центровой; Данеу получает мяч и делает

шаг вперед — а что делать тебе: отступишь назад, чтобы закрыть дорогу к корзине, — он, не мешкая, атакует, останешься на месте или рванешься к нему — он дриблингом легче легкого обойдет тебя, а попробуй угадать, когда и кому из партнеров он дает пас? Данеу из тех, которые умеют держать подопечного за горло. Он играет в защите, а не делает вид, что играет, он защищается, работает, простите за вульгаризм, вкалывает, а не отбывает номер. И вместе с тем он редко получает пять фолов: он и любит, и умеет играть в защите.

Есть баскетболисты, которые хороши в рядовых матчах, но тускнеют с приближением финала. Не таков Иво Данеу. Чем сильнее противник, тем злее играет он. Есть игроки — и честь им и хвала, — которые умеют настроить себя на самый ответственный, самый тяжелый матч. Есть игроки, которые умеют настроить и себя и партнеров. Таков Иво Данеу.

...Иво Данеу повезло, что он стал баскетболистом. Но и баскетболу тоже повезло. Единственное, что может омрачать настроение Данеу, — это то, что о нем пишут не так восторженно, как об игроках, которых он, Данеу, превосходит, что на его долю достается меньше, чем тем, аплодисментов. Впрочем, я, наверное, ошибся. У Данеу отличный — точный и эффектный — бросок. Было бы у него желание — он чаще появлялся бы на газетной полосе, ему чаще аплодировали бы трибуны. А коли нет у него такого желания, значит он хорошо знает, что ему надо от баскетбола, значит, не ищет он легкой славы.

Если может быть чернорабочий от баскетбола звездой, то Иво Данеу, капитан и лидер сборной Югославии, — звезда, звезда первой величины.

- О СОБРАНИЯХ, МУЗЕЯХ, ДОМИНО И НЕРВНОЙ СВЕЖЕСТИ.
- «ХРИСТОМАТИЙНО ПРАВИЛЬНЫЙ» — ЭТО ХОРОШО ИЛИ ПЛОХО?
- НОВИНКА, КОТОРАЯ ОБОГАТИЛА И ОБЕДНИЛА БАСКЕТБОЛ.

Из интервью, которое дал Алачачян, когда закончился первый год его тренерства.

— Скажи честно: верил или нет, что в финале кубка у испанцев в Испании выиграешь?

— Как тебе сказать... И верил и не верил. Уверен был лишь в одном: команда сыграет хорошо.

Перед отъездом в Барселону один генерал нас долго убеждал в том, что будет очень хорошо, если мы в финале у «Реала» выиграем. Будто мы сами этого не знали... Ребята совсем уж поскучнели. А он в конце беседы спрашивает: «Выиграете?» А я в ответ: «Вряд ли. Скорее всего проиграем».

— Страховался?

— Нет. Просто на выигрыш легче играть, когда не боишься проиграть, когда думаешь только об игре, а не о том, сумеешь ли выполнить взятые на себя обязательства. На собрания, которых перед отъездом было предостаточно, я старался ходить один — без ребят. И совсем не случайно в финале кубка — в самом трудном, в самом ответственном матче — команда показала отличный баскетбол. Это был наш лучший матч в сезоне.

Я на собственном опыте убедился, чего стоят накачки начальства и обязательства игроков.

Да я ведь тебе уже рассказывал — после того, как в 63-м мы встречались в Мадриде с тем же самым «Реалом»...

В 1963 году мы потерпели сокрушительное поражение от «Реала». Сам факт поражения от «Реала» — да еще в Мадриде — нами не исключался: испанско-американская команда — команда экстра-класса, и у себя дома она еще никому не проигрывала. Но мы не предполагали, что проиграем вчистую: минус 17 очков — это нокаут. У нас оставались мизерные шансы на успех во втором, ответном матче.

Фиаско наше объясняется многими причинами. Я не буду подробно говорить о нестандартном размере зала, о непривычном освещении, о крайне тенденциозном судействе. Это не мелочи, не пустяки: все это должно было сказаться — и сказалось — на исходе матча. Но, во-первых, мы не могли обезопасить себя от всех этих факторов, во-вторых, если бы действовали только эти факторы, мы вряд ли оказались бы в нокауте. А мне как раз и хочется поговорить о том, чего мы, готовясь к матчу в Мадриде, не учли, хотя могли и должны были учесть.

Свой путь к поражению мы начали задолго до того, как вышли на площадку мрачноватого мадридского зала. Поражение началось еще в Москве — перед отъездом в Мадрид. Одно собрание сменялось другим, на этих собраниях:

сообщали, что мы первые советские спортсмены, которые едут во франкистскую Испанию;

рассказывали, что на нас все смотрят;

внушали, что все надеются на то, что мы не ударим в грязь лицом;

заверяли, что в нас все верят;
спрашивали, оправдаем ли мы доверие;
упрашивали быть бойцами;
задавали вопрос, чем можно нам помочь;
советовали, как лучше обыграть «Реал».

Нет, я не сомневаюсь в том, что намерения у устроителей многочисленных собраний были самые лучшие: все они, безусловно, желали нам добра. Но то, что они делали, явно противоречило тому, что они хотели сделать. Все мы были наэлектризованы, все хотели показать себя, никто не боялся испанцев, каждый рвался выиграть в одиночку этот матч. И все забыли о баскетболе, все забыли о том, что это такое — командная игра...

А когда мы вернулись в Москву, количество собраний резко увеличилось. Одни нас критиковали, вторые поддерживали, третьи просили отдать в ответном матче все свои силы, четвертые призывали не волноваться... десятые подсказывали, какой нам выбрать вариант, чтобы отыграть 17 очков. Все опять-таки желали нам добра, и все мешали нам готовиться к матчу.

На очередном собрании — кажется, десятом по счету — я не выдержал и на вопрос о том, что надо сделать для того, чтобы выиграть в Москве больше семнадцати очков, в сердцах ответил: «Не проводить больше собраний!» Ребята меня поддержали, и начальство, хотя и разозлилось на нас, собраний больше не проводило.

Эти собрания чем-то напоминают бормашину — с той лишь существенной разницей, что бормашиной лечат... Полагаю, что те товарищи, которые проводят эти собрания, либо не знают, какой от этих собраний

эффект, либо... Либо так удобнее отчитываться о проделанной работе: выиграли, потому что был проведен цикл бесед... проиграли, несмотря на то, что был проведен цикл бесед.

Теперь о второй — не менее важной — причине нашего мадридского фиаско.

...С чьей-то легкой руки уже давным-давно стало признаком хорошего тона порицать и журить нашего брата спортсмена за то, что, скажем, побывав в Париже, он не вырвал времени посетить Лувр. И вывод: нелюбознательный, а то и суровее — тупица, недоросль...

И вот ведь что любопытно: боязнь прослыть недорослем заставляет спортсмена, который не ходил в музеи, изворачиваться, лгать, бить себя в грудь кулаком. Дело дошло до того, что в одном сугубо спортивном журнале появилась статья, автор которой — очень известный и уважаемый всеми спортсмен — призывал не терять за рубежом зря времени и ходить перед матчами в музеи. Полагаю, что спортсмен этот отдал дань моде.

Не торопитесь вешать на меня соответствующий ярлык. Рекомендация посещать музеи повторялась так часто, что стала своего рода аксиомой. Позвольте, однако, усомниться в бесспорной ценности этой рекомендации.

Интересно, как бы вы отреагировали, прочитав в газете, что какая-то команда проиграла очень важный матч лишь потому, что один или несколько ведущих игроков во время матча осматривали музей восковых фигур? Идиотская шутка, абсурд, чушь несусветная, скажете вы. Верно.

Ну, а если бы в газете было написано, что коман-

да эта потерпела поражение потому, что одному или нескольким ведущим игрокам не хватило нервной свежести? Ну что ж, наверняка скажете вы, это совсем другое дело, вялая игра может привести к поражению и приводила уже не раз: об этом частенько пишут, это причина серьезная, не то что та, надуманная.

Но почему спортсмен играет вяло? Не видите ли вы, в частности, причинной связи между посещением музея игроком и усталостью этого игрока, отсутствием у него нервной свежести? В одном из номеров журнала «Смена» за 1968 год было опубликовано интервью врача-психолога Мариса Будовскиса, который в течение нескольких лет работал с рижской командой ТТТ. Будовскис рассказывает, что однажды за рубежом накануне ответственного матча баскетболистки захотели посмотреть кинофильм. Предварительно узнав содержание фильмов, он наложил вето на четыре или пять из них и разрешил посмотреть только какую-то пустенькую комедию. Боевик с многочисленными убийствами, психологическая драма, детектив с запутанной канвой, киноповесть о неразделенной любви — все эти фильмы, по мнению Будовскиса, утомили бы баскетболисток, заставили бы их изрядно поволноваться, перенервничать: баскетболистки оставили бы в кинотеатре толику той самой нервной свежести, которой им, вполне возможно, не хватило бы потом в спортзале,— вот чего боялся врач-психолог. И я его опасения полностью разделяю.

Могут возразить, что музей — это не тюрьма, не лечебница для тяжелобольных, в экскурсии по которым натерпишься страхов, что посещение музея — это облагораживающий отдых. Верно. Но этот отдых

сопряжен с огромной тратой нервной энергии, потому что только чурбан безразличен к шедеврам. Но если он чурбан, зачем ему ходить в музеи — разве лишь для того, чтобы сказать потом: «Был, знаешь ли, в Лувре...»? А нормальный человек, хорошо отдохнув в музее, изрядно там устает.

Разумеется, среди спортсменов есть люди флегматичные, которым накануне матча совсем невредно — а иным, может быть, даже и полезно — получить порцию острых ощущений. Но таких меньшинство. Куда больше тех, которых предстартовая лихорадка начинает трясти не за несколько часов — за несколько дней до матча.

Нет, я не против посещения музеев. Я — «за». Но только после матча, после турнира. А перед матчем — все, что угодно, кроме того, что влечет за собой усталость, расход эмоций — будь то музей или, простите меня за кощунственное сопоставление, преферанс. Если бы в моем распоряжении были данные о том, что, скажем, домино успокаивает нервную систему, отвлекает от дум о предстоящем сражении — короче говоря, если бы я был уверен в том, что домино помогает наилучшим образом подготовиться к матчу, я бы всеми доступными мне средствами пропагандировал эту тысячекратно осмеянную фельетонистами и публицистами примитивную игру.

Мы не путешественники, не туристы, мы едем за рубеж не только в свое удовольствие. Мы едем в служебную командировку, в очень ответственную командировку — уже хотя бы потому ответственную, что результатами ее интересуются сотни тысяч, миллионы людей. Мы едем отстаивать престиж своего клуба,

своей страны. И мы в этой поездке должны думать о деле, в первую очередь о деле.

...— Хотите побывать на корриде?

Быть в Испании и не увидеть корриду...

Почти уверен, что владелец «Реала» сеньор Бернабеу пригласил нас без всякой задней мысли. (Хотя нет-нет да и подумаешь, что сделано это было не без умысла. Победам двух своих команд — футбольной и баскетбольной — Бернабеу радуется едва ли не больше, чем сами спортсмены. И для того чтобы доставить себе радость, третий богач Испании ни перед чем не останавливается. «Реал» — первый европейский клуб, который за бешеные гонорары стал приглашать американских баскетболистов. Судить в Мадриде — труднее не придумаешь, но судьи в испанскую столицу едут очень охотно: «Реал» не скупится на подарки даже своим соперникам, в частности, каждому из нас были преподнесены золотые часы с гербом «Реала» на циферблате.

И на этот раз сеньор Бернабеу был гостеприимным и любезным. Дело дошло до того, что он отвез нас на загородную ферму, где откармливают и готовят к корриде быков. Уже потом нам говорили, что такой чести удостаиваются очень и очень немногие. (Между прочим, нам говорили, что бык, которого откармливают и холят к корриде — к смерти! — стоит в несколько раз дороже самой дорогой автомашины.)

А потом была коррида.

...Стадион с круглой ареной и трибунами, все 40 тысяч мест которых были заняты.

...Парад по сигналу фанфар. Шествие матадоров, пикадоров и тореадоров — они приветствовали собравшихся.

...Затем из темного помещения появился бык.

...Пролог к спектаклю: матадор с красным покрывалом в руках в течение примерно десяти минут дразнил быка.

...Пикадор — верхом на лошади. Он должен будет нанести пикой рану в загривок быку. Для того чтобы удар получился сильным, пикадор навьючивает на себя лишних 15—20 килограммов. Поэтому, если он, случается, падает, ему трудно подняться без посторонней помощи, а подняться надо быстро: промедление смерти подобно, ибо бык уже разъярен, и не ровен час — пикадор окажется у него на рогах.

...Пикадора сменяют три матадора, в каждой руке у них по бандерилье. Шесть этих миниатюрных копий с легкомысленными ленточками всаживаются быку в спину.

Насколько я понял, к матадорам и даже пикадорам относятся с некоторым пренебрежением: они не мастера, а подмастерья. Это для завсегдатаев корриды. А для нас это были люди, жизнь которых находится в опасности. Спектакль, именуемый корридой, еще не начался — он начнется только после того, как на арене останутся двое — тореадор и бык — спектакль еще не начался, а мы уже сидели как на иголках.

...И вот появляется тореадор. Гордо поднятая голова, надменное выражение лица, неторопливые, полные достоинства движения — сразу чувствуется, что на арене появился главный герой представления.

Своей мулетой — ярко-красным плащом — тореадор доводит быка до бешенства. И после этого происходит нечто такое, что приводит в восторг завсегдатаев, и в ужас — нас, непосвященных, не привыкших

к такого рода зрелищам: тореадор спокойно и небрежно, не теряя достоинства поворачивается к быку спиной. Легко догадаться, что спокойствие его наигранное, небрежность — нарочитая, но от этого опасность, которой он подвергает себя, не уменьшается... Ну, а когда тореадор опускается на колени, наступает кульминация восторга, кульминация ужаса.

По знаку тореадора ему подают шпагу. Для того чтобы доказать свое мастерство, он должен убить быка первым же ударом. Тореадор оказался мастером своего дела, но за мгновение до своей гибели бык изловчился и поднял его на рога. Рядом с мертвым уже быком, на рогах которого были куски одеяния тореадора, валялся орущий от боли человек.

А публика, пришедшая в экстаз, приветствует тореадора и требует, чтобы его наградили ухом быка. На приветствия вместо тореадора отвечает рыдающий матадор. Меня трясет как в лихорадке, хочу что-то сказать, но язык не слушается меня.

Эта сцена происходила на глазах второго тореадора. И хотя этот тореадор был классом выше своего предшественника (в каждой корриде участвуют три тореадора: второй лучше первого, третий лучше второго), он, видимо от сильного волнения, измучал и нас и себя — бык под неодобрительный шум трибун был убит с восьмой попытки.

...Потом опять появился первый тореадор. Весь в окровавленных бинтах, он пришел убивать еще одного быка: если не убьешь двух, не получишь гонорара.

...Третий тореадор вообще чуть не свел нас с ума: он работал на коленях.

Вся коррида длилась примерно два часа. Со своих

мест мы поднялись едва живые... А на следующий день нам предстояло играть с «Реалом».

И мы играли хуже не придумаешь. Это был, наверное, один из самых скверных матчей ЦСКА за все те годы, которые играл я в команде. Мы набрали на 17 очков меньше «Реала», а минут за десять до финиша нас разделяли 32 очка...

Во втором — московском — матче мы в драматической борьбе выиграли ровно 17 очков. Кубок мы добыли лишь в третьем матче. А третьего могло и не быть: за 14 секунд до конца второго мы выигрывали 20 очков — на два больше, чем нам надо было, — и к тому же владели мячом. Но до чего же были напряжены нервы, если Яак Липсо, один из самых хладнокровных наших игроков, вместо того чтобы подержать мяч, вдруг отправил его в корзину: будто не все равно нам было, сколько выиграть очков — 20 или 22... А за 8 секунд до конца ошибся другой наш очень опытный игрок — Александр Травин: желая сорвать атаку Дурана, он сфолил.

Не все еще потеряно: даже если Дуран наберет двумя штрафными два очка, победа будет за нами, потому что удержать мяч в течение 8 секунд дело не очень-то сложное. Но Дуран, забросив первый мяч, пошел ва-банк: он бросил мяч так, чтобы тот, ударившись о кольцо, отскочил от него. Терять «Реалу» было нечего, а найти он мог ничью. И нашел ее: первым к мячу подоспел Берджес, один из двух американцев испанской команды, и кистью добил мяч в корзину.

У меня часто спрашивали, верила ли команда, что она сумеет отыграть 17 очков. Как может верить — или не верить — команда? Ведь команда — это игроки, люди, непохожие друг на друга люди. Я, напри-

мер, всегда верил в победу, заставлял себя верить, внушал себе мысль, что мы можем, должны победить. Поверьте, это не общие слова: просто мне так всегда легче игралось — я не считаю это достоинством, — так же как не считаю грехом неверие в победу, если, конечно, это неверие не мешает бороться за победу.

Не то важно, верит ли спортсмен в победу до начала боя, важно, как он ведет себя в бою. Если до начала матча спортсмен говорит, что уверен в победе, а во время матча совершает элементарные ошибки, теряется, не делает ничего для того, чтобы победить, а только мешает побеждать своим товарищам, он болтун и трус. Если до начала матча спортсмен выражает сомнение в возможности успеха, а затем делает все для того, чтобы предсказание его не сбылось, он реалист и боец. Вот такой реалист-боец, к примеру, Иво Данеу: в Мехико накануне полуфинального матча он сказал, что победит сборная СССР, но именно ему в первую очередь обязана своей победой в том матче сборная Югославии. Таким же реалистом перед боем и бойцом в бою всегда был Валдис Муйжниекс.

Возвращаясь к матчу с «Реалом», я должен сказать, что все мы были уверены в победе, но очень немногие из нас верили, что мы сумеем отыграть 17 очков. Но это до матча. А во время матча у нас не было ни одного, кто праздновал бы труса. Мужество команды — это и было главной причиной успеха.

Путь к победе мы начали еще в Мадриде. Я уже говорил, что был момент, когда мы отставали от «Реала» на 32 очка. Испанцы, убежденные в том, что дело уже сделано, чуть-чуть сбавили, стали играть менее старательно. Да и судьи несколько ослабили «бдительность», а может быть, у них проснулась совесть —

не знаю, но они перестали усердствовать. Но самое главное заключается все-таки в том, что сами мы нашли в себе силы бороться, невзирая ни на что.

А в московском матче хорошо сыграли все наши ребята. Но особо мне хочется выделить Олега Бородина. Это в первую очередь его усилиями мы добились перелома в игре. Поскольку в мадридском матче Бородин участия не принимал, он для испанцев оказался мистером Икс. А надо сказать, что, на беду «Реала», мистер Икс играл — как бы это точнее выразить свою мысль, — мистер Икс играл неправильно.

Дело в том, что правильный бросок из-под щита принято делать после второго шага: заканчивая дриблинг, игрок берет мяч в руки, делает шаг правой ногой, затем — левой, левой же ногой отталкивается и правой рукой отправляет мяч в корзину (левша, разумеется, отталкивается правой ногой, но тоже после двух шагов). Бросок такой в пору назвать хрестоматийно правильным: во всех детских секциях обучают атаковать именно так, с этих двух шагов, в общем-то и начинается путь в баскетбол.

Бородину, разумеется, тоже поставили хрестоматийно правильный бросок. И он тоже атаковал после двух шагов — до поры до времени. Как говорится, не было бы счастья, так несчастье помогло. После травмы у него удалили мениск на левой ноге. После операции Бородин на первых порах боялся отталкиваться при прыжке левой ногой. Вот и получилось, что взамен хрестоматийно правильного броска он стал бросать «неправильно»: делает после окончания дриблинга шаг правой ногой, ею же толкается и правой рукой бросает мяч. А позже, когда Бородин уже не боялся отталкиваться левой ногой, он зачастую все равно

атаковал после первого шага, благодаря чему извлекал немалую выгоду. Бородин прорывается к неприятельскому щиту, заканчивает дриблинг. Его сторож в стартовом положении: он ждет, когда Бородин сделает второй шаг, а затем, резко выпрыгнув, попытается накрыть мяч. Но второго шага Бородин не делает, и соперник не успевает ему помешать. Для центрового Бородин был маловат (меньше двух метров росту), но очень часто довольно легко переигрывал тех, кто намного выше его. «Реалу» он тогда, если память мне не изменяет, мяча четыре подряд в корзину положил, начав тем самым наш победный спурт.

Год спустя в Токио на Олимпийских играх в финальном матче с американцами мне довелось опекать Ларри Брауна. Был момент, когда он обошел меня и ворвался в трехсекундную зону. Наш центровой Александр Петров приготовился вступить в единоборство с Брауном. Он ждал, когда тот, закончив дриблинг, сделает шаг, другой... Как вы, наверное, уже догадались, второго шага не последовало, и, выиграв какую-то долю секунды, американец безо всяких помех со стороны Петрова завершил атаку.

Однако означает ли все это, что я призываю тренеров детских секций ставить отныне маленьким баскетболистам только бросок после первого шага, обучая их и отталкиваться правой ногой, и бросать мяч правой рукой? Ни в коем разе! Ибо и в этом случае через несколько лет в баскетболе опять-таки будет существовать хрестоматийно правильный бросок — бросок после одного шага.

«Хрестоматийно правильный» — это в общем-то

похвала, но, если вдуматься, в похвале этой содержится нечто обидное. «Хрестоматийно правильный» — это когда ученик, в данном случае — спортсмен, сумел что-то правильно усвоить. Но ведь это «что-то» досконально известно и его сопернику. А между прочим, тот же самый Ларри Браун в других ситуациях атаковал, как положено, — после двух шагов.

Стоит ли доказывать, что баскетболист, вооруженный двумя бросками, сильнее того, у которого есть только один? Нет, это ведь аксиома. Но почему же в таком случае все или почти все наши игроки — в том числе и гроссмейстеры от баскетбола — имеют только один бросок? Да потому лишь, что подготовка наших спортсменов идет зачастую по шаблону, в семидесятых годах учат тому же, чему учили в сороковых, и учат так, как учили в сороковых. Консерватизм, школярское отношение к делу стоят на пути к прогрессу и в спорте.

И коль скоро речь зашла о прогрессе, не могу не сказать еще об одной помехе, стоящей у него на пути. Речь пойдет о чрезмерном увлечении модой. Я хочу проиллюстрировать этот тезис рассказом об одной новинке, которая обогатила и вместе с тем, как это ни странно, обеднила тактику баскетбола.

Если мне не изменяет память, первым советским баскетболистом, который освоил так называемый бросок в прыжке, был Владимир Стремоухов из киевского СКИФа. Получив мяч от партнера или мгновенно остановившись после дриблинга в любой точке, расположенной не дальше чем в шести-семи метрах от щита, Стремоухов неожиданно и резко прыгал вверх и чуть-чуть назад и, находясь в воздухе, направлял мяч в корзину.

Атака эта была и эффектна (зрителям, конечно же, нравился такой изящный бросок) и эффективна — в чемпионате 1960 года, когда Стремоуховым был обнародован этот бросок, опекать киевлянина, помнится, поручили Вольнову; Вольнов хорошо играл в защите и к тому же был на 13 сантиметров выше Стремоухова — тем не менее Стремоухов набрал в том матче очков 20.

Самое главное достоинство такого броска в том, что он позволил до минимума сократить время для атаки. Казалось бы, в жертву должна была быть принесена точность броска: игрок-то зачастую атаковал сразу же после окончания дриблинга и всегда находясь в неустойчивом положении.

Бросок в прыжке взвинтил темп и активизировал игру в защите. Удивительно ли, что он, этот бросок, понравился не одним только зрителям, но и самим баскетболистам и тренерам? Впрочем, «понравилось» — это не то слово: началось повальное увлечение броском в прыжке. Через два-три года в прыжке уже атаковали не только почти все игроки высшей лиги, но и баскетболисты юношеских и даже детских команд.

Все было бы хорошо, но, увлекшись новинкой, поторопились сдать в архив старый добрый бросок из статических положений. Никто его, конечно, не запрещал, и те игроки, которые этим броском владели, продолжали набирать им очки. Однако далеко не все: бросок этот никто не запрещал, но он и не поощрялся, бросок этот, видите ли, казался старомодным, неуклюжим — баскетболисты, избегая насмешек и упреков в консерватизме, форсированными темпами перевооружились. А в детских секциях старый бросок никому из ребят уже не ставили. Следовало вооружать

маленьких баскетболистов обоими бросками — их вооружали только одним — конечно же, новым. А нужны были оба: каждый из бросков имеет свои плюсы и минусы, наличие только одного из них обедняет возможности игрока, команды, баскетбола.

О достоинствах броска в прыжке я уже говорил. Но у него есть и свои недостатки. Баскетболист, с мячом в руках поднявшийся в воздух, обязан опуститься на площадку без мяча. Ну и что же, спросите вы, он ведь для того и прыгал, чтобы атаковать. Верно. Ну, а если сторож, угадав бросок, тоже прыгнул и сумел помешать атаке? Тут-то уж выбор и вовсе невелик: либо, несмотря ни на что, без особых шансов на успех продолжай атаку, либо ищи партнера, которому можно отдать пас, что тоже крайне трудно, ибо в распоряжении игрока считанные доли секунды.

У броска в прыжке есть и еще один минус. Теоретически такой бросок вполне пригоден и для атак издалека. Но поскольку в подавляющем большинстве случаев защищающиеся не успевают сорвать атаку, выгоднее расстреливать корзину со средних дистанций, а не с дальних. И так как баскетболисты на тренировках — а следовательно, и в матчах — атаковали только со средних дистанций, дальний бросок как таковой исчез. Атакующие стремились приблизиться к щиту, а это, разумеется, облегчило задачу защиты.

Теперь о броске из статических положений. Главный его недостаток заключается в том, что он, требуя предварительной подготовки, отнимает довольно много времени. Поэтому сторож, даже если он находится от соперника на довольно солидном расстоянии, успевает приблизиться к подопечному и сорвать атаку.

Но баскетболист, вооруженный броском из статического положения, не обязан бросать: он может «показать» бросок и, если соперник, поверив, резко пойдет на сближение, обойти того дриблингом. Если сторож находится рядом, его можно, имитируя бросок, «поднять» в воздух и затем либо пройти к щиту, либо, дождавшись, когда соперник приземлится, атаковать, либо, наконец, отдать мяч партнеру.

Как видите, неразумно ставить вопрос о том, какой из бросков лучше: плюсы — равно как и минусы — есть у обоих. И надо ли доказывать, что тот баскетболист, на вооружении у которого есть оба броска, при всех прочих равных сильнее того, кто вооружен только одним?

Тот, у кого хватило терпения прочесть сугубо специальное описание двух бросков, видимо, согласится с тем, что не так уж абсурден абсурдный на первый взгляд вывод, который предшествовал рассказу о новинке: тактика баскетбола, обогащенная появлением броска в прыжке, и впрямь была вскоре обеднена исчезновением статического броска. Тому причиной не случайный просчет, а, увы, печальная закономерность, имя которой — мода.

Не счесть бед, которые принесло чрезмерное увлечение модой, — не одному только баскетболу. Желание, чтобы все теннисисты непременно рвались к сетке — даже те, которые хорошо играли на задней линии, — было продиктовано модой. Желание видеть все наши футбольные команды играющими по пресловутой формуле 4 + 2 + 4 — это тоже мода.

Нет, я не консерватор. Я тоже за новое. Но ведь даже лучшие образцы следует творчески и критически осмысливать, а не слепо копировать.

КОМАНДА ХЭНКА АЙБЫ.
О ТЕХ, КТО ПИШЕТ ПРО НАС.

Порой человеческий глаз не в состоянии уловить, кто из двух спринтеров выиграл забег, и победителя называет фотофиниш. А бывает так, что и на полпути к финишу один бегун уже опережает другого метров на пять-шесть, не оставляя тому никаких шансов на успех. В обоих случаях побежденному достается серебряная медаль. Все правильно: второй он и есть второй — ему положена не золотая медаль и не бронзовая. Но ведь яснее ясного, что две эти такие похожие медали отнюдь не одинаковы: одна досталась тому, кто был почти первым, другая — тому, кто оказался всего лишь сильнее третьего.

Мне не довелось побывать на трех первых олимпийских турнирах с участием советских баскетболистов, но результаты финальных матчей США — СССР и рассказы очевидцев дают основания утверждать, что в Хельсинки, Мельбурне и Риме первого и второго призеров разделяла дистанция огромного размера. Соотношение сил делало нереальными надежды наших баскетболистов на золотые медали.

Сборная СССР заняла второе место и в Токио. Но это уже было серебро высшей пробы, это было серебро с примесью золота. Мы заняли второе место, а могли занять первое — и это несмотря на то, что в финале нам противостояла очень и очень сильная команда.

«Вы играете с любителями, мы — с профессионалами». Так обычно отвечают футболисты, когда им говорят, что, мол, хоккей или баскетбол наш котируется

в мире выше футбола. В американском журнале «Спортс иллюстрейтед», который я прочел там же, в Токио, было сообщено, что шестеро из двенадцати баскетболистов сборной США, не сыграв еще ни одного матча в профессиональных клубах, уже были без пяти минут профессионалами: перед отъездом на Олимпиаду они заключили контракты о переходе в NBA. Седьмого — Джерри Шиппа, — если вы помните, приглашали в NBA, и неоднократно. Восьмой, самый талантливый из игроков сборной США — Билл Брэдли — отверг приглашение, он примет его через два года, после того как завершит курс обучения в одном из английских университетов. Готовясь к Олимпиаде, сборная США сыграла три матча с профессиональной командой — не лучшей, но и не худшей в лиге. Два матча выиграли олимпийцы, которые, правда, в отличие от своих соперников были в пиковой форме.

И у такой команды мы могли выиграть — я и по сей день убежден в этом.

Сразу после возвращения из Токио меня интервьюировал корреспондент АПН. Позволю себе привести довольно пространную цитату из того интервью:

«— Довольны ли вы тем, что завоевали серебряные медали?

— И я и мои партнеры довольны ровно настолько, насколько может быть доволен человек, выполнивший программу-минимум.

— Могла ли сборная СССР выполнить программу-максимум?

— Убежден, что могла. Полагаю, что из пяти матчей с командой США мы выиграли бы три.

— Каковы же причины, в силу которых сборная СССР не сумела одержать верх?

— Не единственная, но главная причина — причина психологического характера. Впервые за всю историю встреч баскетболистов СССР и США фаворитами были не наши соперники, а мы. Две трети прогнозов относительно исхода финального матча — а прогнозы эти делались крупнейшими авторитетами — отдавали золотые медали нам. Сознание того, что мы наконец-то можем выиграть золотые медали, в известной степени и погубило нас... Когда американцы к исходу 11-й минуты ушли вперед на четыре очка, мы попросту растерялись. Ошибки, которые в этот момент допускали мы, были бы непростительными и для менее классной команды.

Это был лучший матч американской команды и худший — нашей. Мнение опять-таки не только мое: той же точки зрения придерживается и большинство специалистов, в том числе и тренеры американской команды».

Все, что я сказал тогда, я сказал бы и сейчас: здесь все правильно, разумеется, с моей точки зрения, правильно — и то, что фаворитом была сборная СССР, и то что она могла выиграть у сборной США три матча из пяти, и то, что, изрядно перенервничав, мы совершили элементарные ошибки и сыграли свой худший матч. Но обо многом я не сказал — да и не мог сказать тогда. Потребовалось время, чтобы понять и осмыслить главное, чтобы произвести переоценку ценностей, увидеть то, чего не заметил с близкого расстояния.

Команда — это всегда в первую очередь тренер. Тем более если речь идет о команде США: в амери-

канском баскетболе игрок, выслушав, что от него хочет тренер, вправе сказать только: «Йес, сэр!» Обо всем этом я знал и прежде — так сказать, теоретически знал. Но только года через полтора после Олимпиады я наглядно убедился в незыблемости этого положения, лишний раз убедился в том, что это такое — игровая дисциплина. Я понял, что у Хэнка Айбы железная хватка и безграничная власть над игроками.

...В том же самом интервью меня попросили сказать, кто был лучшим игроком олимпийского турнира. Без тени сомнения я назвал Амаури Пасоса. Не очень высокий для баскетболиста — примерно 190 сантиметров роста, — он сочетал в себе достоинства трех советских звезд: безграничное мужество и умение защищаться Юрия Корнеева, совершеннейшую технику и хитроумие Михаила Семенова, элегантность и хладнокровие Геннадия Вольнова. Амаури превосходно провел весь турнир (нейтрализовать его сумел лишь Юрий Корнеев — да и тот справился с задачей лишь частично), хотя в течение двух месяцев, предшествовавших Олимпиаде, не брал в руки мяча: он не хотел ехать в Токио и только в самый последний момент его уговорили изменить свое решение.

Я и сейчас, по прошествии многих лет, считаю бразильца великим баскетболистом. Но если бы меня сейчас попросили сказать, кто был лучшим игроком токийского турнира, я бы еще хорошенько подумал, кого назвать — Амаури Пасоса или Билла Брэдли из сборной США.

Примерно через полтора года после Олимпиады ЦСКА пришлось играть в Милане с «Симменталем». Я узнавал и не узнавал Брэдли. (К тому времени американец был студентом английского университета и

игроком итальянского клуба.) Нет, и тогда, когда я его увидел впервые, в нем угадывался очень хороший баскетболист. В Токио угадывался очень хороший баскетболист, а в Милане не надо было гадать и додумывать: звезда экстра-класса была видна крупным планом. Блестящий дриблинг, блестящий пас, блестящий бросок — блестящий солист. Конечно, полтора года в жизни спортсмена — срок немалый, но нельзя же, черт возьми, измениться за полтора года до неузнаваемости! Я вспомнил, что в Токио Ларри Браун, защитник сборной США, говорил мне, что Билл Брэдли — лучший игрок их команды и будет одним из лучших и в профессиональной лиге. Я, помнится, с недоверием отнесся к его словам. В Милане я понял, что Браун был прав, и понял, почему он был прав: он знал Брэдли и по матчам, сыгранным в США.

В Милане я понял: тот Брэдли, токийский, тоже все умел, но делал не все, что умел. Но почему? Не по собственной же воле солист стал хористом. Я понял: тренеру Айбе не нужен был Брэдли-солист, который поет — пусть даже превосходно — то, что он хочет, ему нужен был Брэдли-хорист, репертуар для которого выберет он, Айба. И Брэдли, хотя и знал себе цену — не мог не знать, — сказал: «Йес, сэр!»

Помнится, в Токио я ломал себе голову, пытаясь понять, почему сидит в глубоком запасе Джим Бэрнс, превосходный центровой, который за полгода до Олимпиады во время турне сборной США по СССР доставил нам массу хлопот. Ответ на этот вопрос я нашел в Милане. Солист Бэрнс не захотел — а может быть, захотел, но не сумел сделать того, что сделал солист Брэдли.

Нет, не случайно токийскую сборную США, в кото-

рой были такие звезды, как Билл Брэдли, Джим Бэрнс, Уолтер Хаззард, Люциус Джексон, Джерри Шипп, называли командой без звезд: Айбе не нужны звезды, Айбе не нужны солисты — Айбе нужна команда. На Олимпиаде в Мехико я был зрителем. И на сей раз в сборной США были игроки высочайшего класса — такие, как центровой Спенсер Хейвуд и защитник Джордж Уайт. Но так же, как сборная-64 не была командой Брэдли, так и сборная-68 не была командой Хейвуда или Уайта — обе сборные США были командами Айбы.

...Многие годы, в течение которых я собирался писать и уже мысленно писал эту книгу, я предполагал, что сумею рассказать в ней обо всем, что радует спортсмена и печалит его, обо всем, чем жив спортсмен. Я был уверен, что в книгу войдет все, о чем неуместно было писать в газетных и журнальных статьях, войдет все то, что не «лезло» в эти статьи. Предположение оказалось, увы, в высшей степени нереалистичным. Теперь, когда книга моя подходит к концу, я с огорчением констатирую, что сумел рассказать далеко не обо всем. Теперь я понимаю: для того чтобы рассказать обо всем виденном и пережитом, мне не хватило бы и трех таких томов.

Многое, очень многое не уместилось в эту книгу. Но о спортивных журналистах я бы всенепременно написал, даже если бы на книгу мне было отпущено вдвое, втрое меньше места. Я обязан был бы написать о них даже просто из чувства благодарности: они не только пишут о нас, они очень и очень часто пишут за нас.

Да, минимум четыре из каждых пяти статей, подписанных известными тренерами и спортсменами, написаны ими в соавторстве с журналистами. Под четырьмя из пяти статей рядом с фамилией автора следовало бы указывать фамилию журналиста, сделавшего литературную запись.

(Конечно же, это не относится к тем спортсменам, которые, прекратив выступать, стали профессиональными журналистами, — к таким, например, как штангист Эдуард Аванесов, пятиборец Анатолий Коршунов, ватерполист Борис Чернышов, гандболистка Елена Рерих, фехтовальщица Татьяна Любецкая, футболист Виктор Понедельник. Я знаю, что в помощи литобработчиков не нуждаются братья Андрей и Николай Старостины, Борис Андреевич Аркадьев, Александр Иваницкий. Заранее приношу свои извинения тем, чьи фамилии по незнанию или забывчивости не назвал. Но в любом случае тех, кому журналисты помогают, во много раз больше, чем тех, кто обходится без их помощи: я, к примеру, не знаю ни одного баскетболиста, который писал бы свои статьи самостоятельно, за исключением разве Юрия Выставкина — мастера спорта, в течение многих лет игравшего в киевском «Строителе».)

У журналистов есть рецепт изготовления так называемых авторских — наших, значит, — статей: «Мысли ваши — чернила наши». На деле же очень часто их помощь не ограничивается одними лишь чернилами. Бывает — по крайней мере, в моей практике не раз бывало, — что журналисты, помогавшие мне, развивали мысль, углубляли ее, находили аргументы в обоснование того или иного тезиса более убедительные, чем те, которые предоставлял в их распоряже-

ние я. В таких случаях я не раз просил поставить вторую подпись — мои соавторы, как правило, от официального соавторства отказывались: для пользы, мол, дела лучше, если статья будет подписана только специалистом, так, мол, она прозвучит убедительнее.

Не исключено, что кое-кто, побывав только что на журналистской кухне и увидев, как пишутся статьи спортсменов, поторопится сделать вывод, обидный для спортсменов. У меня есть знакомый — человек толковый и хорошо знающий баскетбол, — который, получив заказ на книгу или большую статью, всегда звал на помощь журналиста-соавтора, но из-за боязни прослыть неграмотным, необразованным ставил непременным условием безвестность своего соавтора.

Что до меня, то я не считаю, что такое сотрудничество унижает спортсмена. Не знаю, как пишут свои статьи артисты, врачи, инженеры, но нисколько не удивился бы, если бы выяснилось, что и их статьи изготовляются по рецепту «мысли ваши — чернила наши». Написание статьи требует определенных навыков, конкретных знаний, наконец, просто способностей. К сожалению, я довольно плохо владею русским языком, но даже если бы я знал его хорошо, то, наверное, все равно обращался бы за помощью к журналисту — специалисту в своем деле, профессионалу. Профессионал — человек, который свой предмет знает лучше, чем дилетант (а предмет, о котором идет сейчас речь, не из простых: проблемную статью, путевые заметки, очерк — все, о чем хочет поделиться с читателем спортсмен, следует изложить логично, аргументированно: формулировки и определения должны быть четкими, язык — простым, понятным и, желательно, образным; надо ли доказывать, что качество

публикуемого материала зависит не только от того, что в нем написано, но и от того, как он написан?). Никто ведь не считает унизительным для себя признаться в том, что он обращался, скажем, к портному — специалисту в своем деле, профессионалу — с просьбой сшить костюм. Так почему же должен считать себя униженным человек, о котором узнали, что он обращался за помощью к журналисту — тоже профессионалу и специалисту в своем деле? Речь-то идет не о пустячке, не о письме к приятелю.

Доводилось мне выслушивать и такого рода рассуждения. Зачем, мол, вообще спортсменам писать — это дело журналистов. Никак не могу с этим согласиться. Не подумайте только, что в подтексте моего несогласия лежит убежденность в том, что журналисты хуже, чем мы, спортсмены, знают спорт. Не всякий спортсмен хорошо знает спорт. И напротив, есть журналисты, превосходно разбирающиеся в спорте, есть журналисты, знающие проблематику спорта не хуже, чем тренеры. Покойный Игорь Немухин был крупным авторитетом в лыжном спорте. С огромным уважением относятся к статьям и корреспонденциям Григория Тиновицкого конькобежцы. О том, как знает волейбол Евгений Бирун, можно судить хотя бы по тому, что он был один из первых, кто обосновал необходимость изменить правила в этой игре (речь идет о разрешении обороняющимся переносить руки через сетку). Я умышленно назвал трех журналистов, которые никогда не были известными спортсменами: следовательно, признания они добились не за прежние заслуги (при желании я мог бы продолжить перечень журналистов, с мнением которых считаются самые строгие ценители спорта, самые большие его знатоки).

Нет, я считаю, что спортсмены могут, обязаны выступать в периодической печати по другой причине. Как бы хорошо ни знал спорт журналист и как бы плохо ни знал его спортсмен, есть в спорте нечто такое, что спортсмен знает лучше: он-то живет в спорте, живет спортом. Другое дело, что именно поэтому спортсмену о спорте трудно рассказывать. Давным-давно потеряв свежесть восприятия, он ко всему успел привыкнуть. То, что для него буднично, в порядке вещей, непосвященному — как раз тому, для кого и пишут, — кажется в высшей степени интересным.

Ну что ж, это еще один довод в пользу того, что знаток своего дела (в данном случае — спортсмен) должен писать в соавторстве с журналистом. Здесь посредничество журналиста между официальным автором и читателем не ограничивается тем, что он излагает на бумаге нечто достойное внимания, какую-то интересную информацию, которой его снабдил спортсмен — предварительно журналист, поставив себя на место будущего читателя, ищет, добывает то, что достойно внимания, то, что с интересом прочтется.

В общем, на мой взгляд, это не вопрос — должен или не должен выступать на страницах газет и журналов спортсмен. Должен. И нет ничего зазорного в том, что ему помогает журналист, напротив, это очень хорошо, ибо в конечном счете в выигрыше остается читатель.

Но бывают случаи, когда статью спортсменов читаешь без всякого удовольствия, даже если статья написана умно и с блеском. Я имею в виду статьи, в которых рецензируются проведенные вне пределов нашей страны крупные международные турниры и которые написаны участниками этих турниров. Статьи

эти появляются в периодической печати так часто, что уже можно говорить о появлении нового жанра — жанра авторецензий.

К авторецензиям уже привыкли — привыкли и в силу этого не замечают всю абсурдность положения, при котором участник турнира сам себе проставляет оценки. Мне тоже приходилось писать авторецензии, и всякий раз я испытывал при этом чувство стыда. Вроде бы пишешь правду, только правду, но ставишь себя на место читателя и тотчас понимаешь: не поверит, подумает, что оправдываешься, что набиваешь себе цену, что нагромождаешь трудности, которые тебе пришлось преодолевать...

Но легче легкого понять редактора, который дает «добро» статье автора-участника: лучше уж опубликовать авторецензию, чем оставить читателя вообще без рецензии.

А из двух зол приходится выбирать меньшее лишь потому, что не счесть крупнейших турниров, на которые не командировались журналисты. В 1963 году чемпионат Европы по баскетболу был проведен, что называется, у нас под боком — в польском городе Вроцлаве. На чемпионате были аккредитованы несколько сотен журналистов примерно из 20 стран — в том числе и тех стран, чьи команды в турнире не участвовали. И только от нашей страны, крупнейшей баскетбольной державы континента, не было ни одного журналиста.

Увы, это не исключение, это правило. Журналистов не было в Перу и Чехословакии — на двух чемпионатах мира среди женских команд, ни на одном из чемпионатов Европы среди юниоров и девушек, которые проводятся регулярно начиная с 1964 года. Жур-

налисты не сопровождали наших баскетболистов в турне по США, они не выезжали ни на один матч розыгрыша Кубка европейских чемпионов...

А ведь так обстоит дело не с одним только баскетболом...

Так надо ли после всего этого удивляться тому, что постоянной и едва ли не единственной причиной наших неуспехов является, если верить рецензентам, необъективное судейство? И так ли удивительно, что в зарубежных газетах о нас, советских спортсменах, пишут чаще и подробнее, чем в наших? Стоит ли удивляться, что о больших победах наших спортсменов зачастую пишут по-телеграфному лаконично, по-телеграфному сухо?

Можно считать, что во всем этом проявляется неуважительное отношение к журналистам. Такое утверждение будет правильным, но неисчерпывающим. Потому что из-за неуважения к журналистам пострадавшими оказываются те, о ком они пишут, и те, для кого они пишут.

Наверное, ни о ком не отзываются так пренебрежительно, как о журналистах. Они, мол, и пустобрехи, и строчкогоны, и дела своего не знают. Безусловно, есть плохие и недобросовестные журналисты. Но есть ведь и никчемные инженеры, и бездарные врачи. Однако коль скоро речь заходит о врачах, инженерах, учителях, никто не занимается обобщениями. А вот о журналистах — обо всех журналистах — можно говорить как об одном никуда не годном работнике.

Как это ни странно и ни грустно, но в том, что к журналистам относятся без должного уважения, во многом виноваты мы, спортсмены. Это с нашей легкой

руки спортивным журналистам отказывают в знании спорта. Можно, конечно, понять, почему спортсмены недолюбливают журналистов. Причин к тому много. На мой взгляд, главная заключается в том, что журналисты проставляют нам оценки. В этом нет ничего удивительного: специфика их работы такова, что даже в тех случаях, когда они стараются не оценивать наши выступления, они их все равно оценивают.

Если кто-нибудь из спортсменов скажет вам, что он не обращает внимания на то, что пишут о нем, — не верьте ему. Даже если спортсмен искренне убежден в том, что журналист в спорте ни черта не смыслит, он не останется равнодушным к оценке, вынесенной ему этим журналистом. Можно даже сказать, что в известной степени оценка журналиста, которого спортсмен в грош не ставит, интересует его больше, чем оценка уважаемого всеми и им самим тренера. Журналист — профан, журналист ничего не смыслит, журналист не прав, правильно оценил выступление всеми признанный авторитет, — но об этом знает лишь сам спортсмен и еще двадцать, тридцать, сто человек, а репортаж журналиста, в котором оценивается его игра, прочтут сотни тысяч, миллионы людей и среди них друзья, враги, любимая девушка.

Помню, мы всей командой уговаривали, убеждали Юрия Корнеева играть не так, как ему хочется, а так, как надо команде. Мы, наверное, и без посторонней помощи добились бы в конце концов успеха, но задача наша была упрощена журналистом, который упрекнул как-то Корнеева в чрезмерном пристрастии к индивидуальной игре. Упрек, который не был подкреплен серьезными аргументами, сделал

больше, чем десятки убедительнейших доводов. Вот и судите после этого, прислушиваются ли спортсмены к оценкам журналистов. С них, с этих оценок, и начинается неприязнь спортсмена к журналисту.

...Ты сыграл очень плохо, и сам об этом знаешь. Но если журналист напишет, что ты сыграл не очень хорошо — то есть завысит оценку, — ты страшно зол: одно дело, когда ты знаешь, что сыграл плохо, совсем другое — когда об этом узнают другие.

...Похвалили твоего партнера. Тут-то, казалось бы, что плохого? Оказывается, и здесь есть повод для обиды: ты уверен, что сыграл лучше, чем тот, кому досталась похвала. Не важно, обоснована или нет твоя уверенность, важно, что ты уверен, — и все тут.

...Тебя похвалили. Радуйся, будь доволен. Но не тут-то дело! Недохвалили — вот в чем дело...

Итак, в одном случае спортсмену завысили оценку, в другом — воздержались от нее, в третьем — лестно оценили его игру. Во всех трех случаях он остался недоволен. Так представьте себе, как реагирует спортсмен на критическое — пусть даже и справедливое — замечание или тем более на критическое замечание, содержащее ошибку.

Об ошибках — особо. Я имею в виду не те случаи, когда переврана фамилия или неправильно указан счет матча, — это описки, досадные опечатки. Но если, скажем, А. еще не пришел в себя после болезни и поэтому играет неудачно, журналист же в полном соответствии с тем, что он видел, пишет, что тот сыграл плохо, но о причине плохой игры умалчивает, вот это уже серьезная ошибка, это ошибка, которая может нанести А. моральную травму.

Еще один пример. Б., одному из лучших снайперов команды, дано задание «закрыть» самого результативного игрока соперников. К тому же, дабы сбить с толку противников, которые ждут, что партнеры Б., как обычно, все время будут выводить на бросок своего премьера, — ждут и, конечно, готовятся к этому, — тренер решает преподнести сюрприз: Б. вменяется в обязанность, получив мяч, «показать» бросок, а затем, если на помощь его персональному сторожу рванется еще один игрок, отдать мяч освободившемуся от опеки партнеру.

Двумя этими причинами объясняется тот факт, что Б. набрал всего каких-нибудь шесть очков. Матч был выигран, и тренер очень хвалил Б. — за то, что тот и в защите сыграл надежно и в нападении хорошо помогал партнерам. Журналист же в своем репортаже написал, что на сей раз Б. хуже обычного играл в нападении, доказательством чему тот факт, что он набрал всего шесть очков. Это тоже очень серьезная ошибка. Она может послужить поводом для конфликта между тренером и игроком и обязательно настроит обоих против журналиста.

В., очень хороший, но возомнивший о себе игрок, противопоставляет себя команде: вы, мол, без меня ничего не стоите. Тренер решает проучить наглеца и с этой целью отстраняет его от участия в матче. А журналист, рецензируя матч, пишет: «Вызывает удивление, что В., который сейчас в хорошей форме и, конечно же, мог бы помочь команде, весь матч провел на скамье запасных». И это, разумеется, тоже ошибка: одной фразой журналист скомпрометировал тренера и помешал ему осуществить благое дело.

Подобных примеров можно привести великое множество. Не буду, однако, этого делать — во-первых, потому что тезис о неприязненном отношении спортсменов к журналистам и о причине такого отношения, видимо, уже обоснован; а во-вторых...

А во-вторых, давайте определим степень вины журналиста в трех приведенных мною примерах. Журналистам, как я уже говорил, отказывают в знании дела. Ну, а если бы во всех трех случаях отчеты о матчах было поручено писать признанному авторитету — скажем, маститому тренеру? Смею вас уверить, что если бы он не знал, что А. болен, не знал, какую установку на игру получил Б., не знал, что В. от участия в матче отстранен, — уверяю вас: во всех трех случаях и он, вполне возможно, допустил бы те же самые ошибки.

Меня, чего доброго, могут обвинить в том, что я обосновываю право журналистов на ошибки. Нет, я просто хочу объяснить, почему они порой ошибаются.

Семь раз отмерь — один отрежь. Уважающий себя журналист не семь — семьдесят раз отмерит. Но, чего греха таить, нередки случаи, когда палки в колеса ему ставят сами спортсмены. Да, по идее, спортсмен не в меньшей степени — если даже не в большей — заинтересован в том, чтобы в заметке журналиста не было ошибок: пишут-то о нем. Если спортсмен убежден в том, что журналист дела не знает, он тем более должен стремиться к встрече с ним: подскажи, научи, помоги. Но это только по идее...

Бывает, журналисту оказывают такой прием, что в следующий раз его позови — он не пойдет. И опять-

таки журналист, дорожащий своим добрым именем, не будет сводить счеты. Но, не зная о том или ином обстоятельстве, журналист может просто ошибиться. Приятнее во всех своих бедах винить кого-то, полезнее — подумать, не сам ли ты в этих бедах повинен. Помогите журналисту — он поможет вам.

Можно, наверное, найти возможность свести счеты с неугодным журналистом. Но многого ли добьешься этим? Озлобишь и этого журналиста, и его коллег. Не знаю, может быть, и есть возможность заставить журналиста не писать о тебе вообще; уверен, что нельзя его заставить писать уважительно и доброжелательно.

Мне на журналистов грех обижаться. Не знаю, чем я завоевал их благосклонность. Может быть, тем, что никогда не отказывался дать интервью, ответить на вопрос, объяснить что-то.

...Как знать, не прочел ли кто-нибудь то, чего я не писал: совет любой ценой — угодничеством, подхалимажем — добиваться расположения журналиста. Нет, такого совета я не даю. Я призываю уважительно относиться к людям нелегкой профессии, к людям, которые пишут о спорте, пишут о нас. Я призываю спортсменов относиться к журналистам так, как они хотели бы, чтобы журналисты относились к нам.

...Это было в Таллине. Уже опустел зал, лишь судьи колдовали над протоколами только что закончившегося матча. Он сидел на скамье запасных в неудобной и неестественной позе, донельзя уставший и безразличный ко всему на свете.

Если бы все это происходило на съемках фильма, я бы сказал актеру, что он перестарался, пережал. Но на скамье сидел не артист, снимающийся в роли Алачачяна. Это был Алачачян.

О чем он думал? Вспоминал ошибки судей? Вряд ли: себя не обманешь... Он понимал, что «Калев» выиграл чисто. И он знал, что впереди у его команды много таких противников, как «Калев», и посильнее «Калева». Может быть, он искал свои ошибки, ошибки, которые привели к первому его поражению? Может быть, искал, наверное, искал.

Мне почему-то кажется, что тогда именно Алачачян впервые понял, что это такое — быть тренером. За те 15 минут, которые прошли после матча, он понял больше, чем за 20 лет, потому что 20 лет он смотрел на тренера со стороны, он примерялся к роли тренера, он видел себя тренером, но он еще не был тренером, потому что 20 лет он тренировал только одного игрока. И за эти 15 минут в пустом и полутемном Спортхалле он понял — нет, не понял: понимал он это и раньше, — он вдруг осознал справедливость банальной истины, гласящей, что тренировать труднее, чем играть. И он, наверное, понял, что нет уже Арменака Алачачяна, шестого номера ЦСКА и сборной СССР, того Арменака Алачачяна, которому аплодировали в спортзалах многих стран. Есть молодой тренер Алачачян, которому в 38 предстоит начинать с нуля.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. «Маленькая Армения»

«Мисс Африка». Феллах покупает трамвай. Король забавляется. 5
Горек эмигрантский хлеб. Люди хотят умирать дома. Кто расстанется с родиной, плачет всю жизнь. 10
Барон Махтесян. Моряки играют в баскетбол. 14
У меня берут отпечатки пальцев. Паспорт получить не трудно. Молчание — золото. 25
Я и на армянском понимал не все. Мама против института. Мне везет на добрых людей. 30

II. Я в Спорте живу

Совместители уходят из спорта. О футболе с любовью и завистью. Надо ли стремиться к славе? 34
«В свой последний час я хотел бы играть в баскетбол!..» Тренер Дзеконский и сестра Магалашвили. Всем хорош баскетбол, но... 54
Да здравствуют фанатики! «...Выдающиеся спортсмены появятся». Помогите тренеру! 69
«Игра на публику» — похвала или порицание? Актер и спортсмен. И на стадионе зритель не третий лишний. 98
«Тяжело в учении...» «Надо», а не «хочу». Нет партнера — тренируйся один. 109

Здравствуй, сборная! Добрый человек из Тбилиси. Есть такая наука — баскетбол. Конкурент, забывший о конкуренции. 123
Еще дороже победы мне борьба за победу. О воспитанных баскетболистах и невоспитанных футболистах. Учителя учили и учились у учеников. 144
Что есть баскетбольная Америка. Профессионалы — грабеж или стимул? Мы можем стать первыми, но... 167
«Ты очень быстро бегаешь!» Нелегкая эта должность — жена спортсмена. 204
Травмы бывают разные... «Алма-Ата. Ахтаеву». Обедняют ли великаны баскетбол? 213
Мой самый памятный матч. 237
Эра ЦСКА. Четвертое слагаемое. Янис Круминьш — баскетболист и джентльмен. 252
О собраниях, музеях, домино и нервной свежести. «Хрестоматийно правильный» — это хорошо или плохо? Новинка, которая обогатила и обеднила баскетбол. . 282
Команда Хэнка Айбы. О тех, кто пишет про нас. . . . 299

Вместо эпилога 316

Алачачян Арменак.
НЕ ТОЛЬКО О БАСКЕТБОЛЕ. М., «Молодая гвардия», 1970.
320 с. 7А8.I

Редактор *М. Лаврик*
Художественный редактор *Л. Белов*
Технический редактор *З. Сутченко*

Сдано в набор 17/III 1970 г. Подписано к печати 22/VII 1970 г. А02679. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 10 (усл. 14). Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 74 000 экз. Цена 38 коп. Т. П. 1970 г., № 247. Заказ 159.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

38 коп.